Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Куликова Валентина Александровна

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ
ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ XXI В.)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Рацибурская Лариса Викторовна

Нижний Новгород – 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОЦЕНОЧНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ	17
1.1. Категория оценки в современной лингвистике	17
1.2. Классификации оценок в современном языкознании	26
1.2.1. Ингерентные и адгерентные оценки	28
1.2.2. Имплицитные и эксплицитные оценки.....	32
1.2.3. Рациональные и эмоциональные оценки	41
1.3. Категория оценки в медийном дискурсе	43
1.3.1. Понятие дискурса в современном языкознании. Специфика медиадискурса	43
1.3.2. Актуальные тенденции в современном медиадискурсе	47
1.3.2.1. Языковая игра в современном медиадискурсе как средство выражения оценки.....	47
1.3.2.2. Вербальная агрессия и оценочность. Юрислингвистические аспекты медиадискурса	51
1.4. Новообразования как средство выражения оценки в СМИ	59
1.4.1. Понятие новообразования в современной лингвистике	59
1.4.2. Узуальные и неuzuальные способы создания новообразований.....	64
ВЫВОДЫ	74
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ	77
2.1. Новообразования, созданные узуальными способами	77
2.1.1. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью	77
2.1.1.1. Семантико-стилистические свойства производящей основы (слова) как фактор ингерентной эксплицитной оценочности новообразований	77
2.1.1.2. Семантико-стилистические свойства словообразовательного форманта как фактор ингерентной эксплицитной оценочности новообразований	95
2.1.2. Новообразования с ингерентной имплицитной оценочностью	114
2.1.2.1. Сочетание семантики производящей основы и форманта как фактор ингерентной имплицитной оценочности новообразований	114
2.1.2.2. Словообразовательная модель и словообразовательный тип как фактор формирования негативной оценочности новообразований	120

2.2. Новообразования, созданные неузуальными способами	126
2.2.1. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью, созданные путем контаминации	129
2.2.2. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью, созданные путем заменительной деривации	136
2.2.3. Графическое словообразование как фактор создания ингерентной негативной оценочности новообразований	142
ВЫВОДЫ	157
ГЛАВА III. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ.....	163
3.1. Контекстуальные способы создания адгерентной негативной оценки ..	163
3.1.1. Новообразования узуальных способов создания с контекстуально обусловленной оценочностью	163
3.1.2. Новообразования неузуальных способов создания с контекстуально обусловленной оценочностью	170
3.2. Новообразования на базе прецедентных феноменов как средство языковой игры.....	174
3.2.1. Новообразования, созданные узуальными способами на базе прецедентных феноменов	176
3.2.2. Новообразования, созданные неузуальными способами на базе прецедентных феноменов.....	186
3.3. Новообразования как средство речевой агрессии.....	204
3.3.1. Новообразования с негативной оценочностью, выступающие как средство инвективы.....	206
3.3.2. Новообразования как средство формирования «языка вражды».....	212
ВЫВОДЫ	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
БИБЛИОГРАФИЯ.....	243
Приложение 1	274
Приложение 2	277

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX-XXI веков характеризуется развитием средств массовой информации, эволюцией их социальной роли и повышением их общественной значимости в аспекте влияния на массовое сознание, в результате чего изменяется сама сущность СМИ: из средства информирования пресса превращается в средство скрытого воздействия [Петрова, Рацибурская 2011]. В связи с этим в науке возник особый интерес к изучению способов влияния СМИ на общественное сознание. Публицистический текст рассматривается как целенаправленное социальное действие, поскольку он обязательно имеет идеологический модус и предполагает общественную значимость [Клушина 2008]. Коммуникативное намерение автора – неявными способами убедить читателя в правильности авторского видения, авторской трактовки событий, причем читатель должен воспринимать такую информацию как объективную. Весь публицистический текст строится исходя из этой глобальной задачи, единицы всех уровней начинают работать на ее выполнение. Прагматической установкой на воздействие определяется и такое свойство публицистического текста, как оценочность. При этом в медиадискурсе преобладает негативная оценка в силу специфики функционирования современных средств массовой информации, ориентированных на критику и полемику и остро реагирующих на негативные тенденции в обществе.

Диссертационное исследование посвящено изучению прагматических аспектов словообразовательных процессов, в частности специфики словообразовательных средств выражения негативной оценки в заголовках электронных медийных текстов. Как отмечают ученые, в языке современных СМИ наблюдаются разнонаправленные тенденции: «с одной стороны, это субъективизация газетного текста, проявляющаяся в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, подчеркнутой адресованности, обилии метатестовых средств, в том числе рефлексивов. С другой, это стремление завуалировать чрезмерный субъективизм и открытость самовыражения» [Кормилицына 2008: 14].

Современное общество стремительно развивается, меняются как социальные, политические, экономические реалии, так и система принятых в обществе ценностей, моральные и нравственные установки, мировоззрение современного человека. Все эти изменения находят отражение в языке СМИ, призванном максимально полно удовлетворять общественные потребности. В частности, существенно изменились средства выражения субъективной оценки в тексте. Именно из-за динамичности, изменчивости языка СМИ его изучение по-прежнему остается **актуальным**. Исследование выполнено в рамках антропоцентрического подхода, с опорой на актуальные концепции в области прагмалингвистики, медиалингвистики, неологии, теории речевого воздействия.

Актуальность исследования определяется возросшей ролью СМИ (в особенности новых электронных форм масс-медиа) в современном обществе и расширением средств вербального воздействия на массовое общественное сознание. Современный медиадискурс отличается конфликтогенностью, склонностью к нарушению коммуникативных, этических, юридических норм общения в публичном дискурсе, использованием средств речевой агрессии и манипуляции, в связи с этим остро стоят вопросы лингвистической безопасности, коммуникативной этики, в особенности в интернет-медиа.

Одним из действенных способов выражения оценки служат словообразовательные дериваты, в том числе и неузусальные,okkaзиональные слова. Оценочность – закономерное свойство новообразования, обусловленное его прагматической функцией и креативной лингвистической природой. В соответствии с глобальной коммуникативной установкой на воздействие новообразование передает информацию не только о денотате, но и об отношении автора к нему. Таким образом, для медийных дериватов оценочная функция оказывается более важной, чем номинативная [Телия 1997]. Новообразования в медийных текстах являются актуальным средством выражения негативной оценки, поскольку «источником мотивации для изобретения новообразований представителями СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни, для

обозначения которых часто не хватает существующих узуальных обозначений» [Шаховский 2007: 763].

Цель работы состоит в том, чтобы представить системное описание новообразований как средства выражения негативной оценки в заголовках российских электронных СМИ 2010–2020-го гг. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– на основе анализа существующих лингвистических концепций в области прагмалингвистики, медиалингвистики сформировать теоретическую базу исследования и определить дискуссионные сферы исследования;

– выявить новообразования в заголовках современных российских электронных СМИ 2010–2020-го гг.;

– охарактеризовать структурно-семантические особенности новообразований узуального и неузуального характера в аспекте выражения негативной оценки;

– выявить наиболее актуальные узуальные и неузуальные способы создания новообразований, выражающих негативную оценку в заголовках электронных СМИ;

– выявить дискурсивно-прагматические особенности употребления новообразований в заголовках электронных СМИ;

– дать классификацию компонентов словообразовательной структуры новообразований в зависимости от специфики выражения оценки (имплицитность/эксплицитность оценки, адгерентность/ингерентность оценки) с учетом стратегии воздействия современных электронных СМИ на массовое сознание.

Объектом исследования являются новообразования, выражающие негативную оценку в заголовках российских электронных СМИ 2010–2020 гг.

Негативно-оценочная окраска новообразований создается различными словообразовательными средствами, зависит от структурно-функциональных характеристик новообразования и особенностей его употребления. Как отмечают ученые, «словообразовательные ресурсы языка обладают значительным

потенциалом в достижении задач речевого идеологического воздействия. Некоторые словообразовательные единицы имеют облигаторную оценочность и содержат маркированные компоненты экспрессивности, другие обладают потенциалом оценки, которая реализуется в речевом акте» [Трошкина 2004: 236]. Поэтому **предметом** исследования являются структурно-семантические и дискурсивно-прагматические особенности новообразований как средства выражения негативной оценки в заголовках российских электронных СМИ.

В качестве **материала** использовались заголовки текстов электронных российских СМИ за период с января 2010 г. по март 2020 г. Общий объем выборки составил 650 новообразований, выражающих негативную оценку в заголовках электронных медиатекстов.

В качестве источника текстового материала используется актуальная для современного социума форма средств массовой информации – электронные СМИ. В современной науке понятие электронных СМИ трактуется по-разному: некоторые ученые включают в круг электронных СМИ наряду с интернет-СМИ также телевидение и радиовещание [Машнинова 2011]. Однако во многих современных исследованиях в области интернет-лингвистики, интернет-журналистики к электронным СМИ относятся в первую очередь интернет-СМИ, как издания, имеющие электронную версию, полностью или частично совпадающую с печатной версией, так и издания, существующие исключительно в электронном формате [Морослин 2009], [Радионцева 2012], [Лукина, Фомичева 2005]. Основными источниками материала стали следующие СМИ: Аргументы и факты, Взгляд, Газета.ru, Завтра, Коммерсантъ, Комсомольская правда, Лента.Ру, Литературная газета, Московский комсомолец, Наша версия, Новая газета, Независимая газета, РБК, Российская газета, Эхо Москвы и др. (всего – 89 изданий, полный список которых находится в Приложении 1). Таким образом, были исследованы российские СМИ преимущественно социально-политической направленности, репрезентирующие различные идейно-политические взгляды. В качестве источника материала использовались как федеральные издания, так и региональные СМИ, формирующие повестку дня в отдельных областях страны.

Методологическая база исследования определяется его целью и задачами, а также спецификой исследуемого материала. При отборе материала использовался метод сплошной выборки из заголовков электронных СМИ за период с января 2010 г. по март 2020 г. Основным критерием для включения выявленных новообразований в круг анализируемых слов является их отсутствие в основных лексикографических источниках, а также наличие оценочной окраски. Сформированная выборка заголовков (в совокупности с текстами) была проанализирована методом контент-анализа для классификации по параметрам адгерентности/ингерентности, эксплицитности/имплицитности оценки и их количественного анализа. Для анализа материала в рамках структурно-функционального и прагматического принципа описания использовались: методы словообразовательного анализа при определении деривационной структуры новообразования, методы структурно-семантического, семантико-стилистического анализа при характеристике оценочности новообразования в корреляции с его деривационной структурой, а также методы прагматического анализа, дискурсивного анализа при выявлении специфики функционирования новообразования в медиаполитическом дискурсе.

Степень разработанности проблемы. Категория оценки и вербальные средства ее реализации в различных типах дискурса активно изучаются в современном языкознании. Оценка стала самостоятельным объектом изучения в аспекте семантики, прагматики, теории коммуникации, когнитивных исследований языка.

Данная проблема нашла свое отражение в ряде монографий, диссертационных исследований, научных статей. Большой вклад в изучение общих вопросов в области категории оценки в лингвистике внесли Ю.Д. Апресян [Апресян 1974, 1995], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1983, 1999], Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1994], Е.М. Вольф [Вольф 1985], А.А. Ивин [Ивин 2006], П.А. Лекант [Лекант 2009], Н.А. Лукьянова [Лукьянова 1986, 2006], Т.В. Маркелова [Маркелова 1996], Т.В. Романова [Романова 2008], И.А. Стернин [Стернин 1985, 2011, 2018], В.Н. Телия [Телия 1981], А.А. Шмелева [Шмелева

2011] и другие. Поскольку оценочность признается категорией, задействующей разноуровневые единицы языка, в современной науке активно исследуется специфика функционирования оценочных единиц различных уровней языка. Лексические и лексико-семантические особенности выражения оценки исследованы в трудах В.И. Арнольд [Арнольд 1978, 1982], Л.Г. Бабенко [Бабенко 1990], В.Г. Гака [Гак 1997], А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001], Л.Г. Смирновой [Смирнова 2013], Т.А. Трипольской [Трипольская 1999], В.И. Шаховского [Шаховский 2007] и других. С точки зрения словообразования категорию оценки рассматривают Т.И. Вендина [Вендина 1997], Т.П. Трошкина [Трошкина 2004], В.В. Химик [Химик 2009] и другие. Оценка с точки зрения речевого воздействия и манипулирования, в том числе в аспекте юрислингвистики, исследована в трудах А.Н. Баранова [Баранов 1989, 2011], К.И. Бринева [Бринев 2009], В.А. Ефремова [Ефремов 2016а, 2016б, 2017а, 2017б], Т.А. Сидоровой [Сидорова 2010, 2018; Сидорова, Егорова 2011] и других.

Активностью деривационных процессов, востребованностью экспрессивных словообразовательных средств воздействия в различных типах дискурса обусловлен интерес ученых к проблемам неологии. Новые слова в словообразовательном, лексикографическом, функционально-стилистическом, лингвокультурологическом и других аспектах исследуются в трудах Л.С. Абросимовой [Абросимова 2015], Л.П. Амири [Амири 2012], Н.Г. Бабенко [Бабенко 1997], Г.О. Винокура [Винокур 1943], Т.А. Гридиной [Гридина 1996], Е.А. Земской [Земская 1992, 2004], С.В. Ильясовой [Ильясова 2015, 2016], Е.А. Коряковцевой [Коряковцева 2016], Л.П. Крысина [Крысин 2010], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004], В.В. Лопатина [Лопатин 1975], А.Г. Лыкова [Лыков 1976], М.А. Михайлова [Михайлов 1989], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова 1986], И.А. Нефляшевой [Нефляшева 2009], Н.А. Николиной [Николина 2011, 2013, 2013а], Е.В. Петрухиной [Петрухина 2010], Л.И. Плотниковой [Плотникова 2004, 2008], Т.В. Поповой [Попова 2013], Е.В. Сенько [Сенько 2014], И.С. Улуханова [Улуханов 2012], В.Г. Фатхутдиновой [Фатхутдинова 2016], Э.И. Ханпиры [Ханпира 1972], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 2001] и др. Активные

процессы в области неологии в различных аспектах исследуются на кафедре современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, результаты отражены в коллективных монографиях «Новые тенденции в русском языке начала XXI века» [Новые тенденции 2015], «Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст» [Русский язык начала XXI века 2014], «Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов» [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты 2018], а также в работах Л.В. Рацибурской [Рацибурская 2003, 2016, 2018, 2019], Е.А. Ждановой [Жданова 2019, 2020], Н.А. Самыличевой [Самыличева 2011, 2015], Е.В. Мариновой [Маринова 2008], кандидатских диссертациях В.Е. Замальдинова [Замальдинов 2018], А.А. Сивовой [Сивова 2006], Д.В. Соловьевой [Соловьева 2019], А.А. Шишкиной [Шишкина 2010], О.А. Шишкаревой [Шишкарева 2009], А.В. Шумиловой [Шумилова 2011].

Актуальные вопросы медиалингвистики, в том числе в аспекте речевого воздействия, исследованы в работах Е.И. Бегловой [Беглова 2020], З.К. Беданокковой [Беданоккова 2017], М.Н. Володиной [Володина 2011], Т.Г. Добросклонской [Добросклонская 2008], М.Р. Желтухиной [Желтухина 2003], Н.И. Клушиной [Клушина 2008], М.А. Кормилицыной [Кормилицына 2015], В.Г. Костомарова [Костомаров 2005], Л.А. Мардиевой [Мардиева 2016], О.Б. Сиротининой [Сиротинина 2013], Г.Я. Солганика [Солганик 2008] и др.

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных изучению категории оценки, средств речевого воздействия в СМИ, проблемам словообразования и, в частности, неологии, на наш взгляд, многие вопросы в данных областях остаются дискуссионными и нуждаются в дальнейшей разработке с учетом новейшего речевого материала.

Научная новизна результатов работы, таким образом, заключается в комплексном исследовании словообразовательных способов выражения негативной оценки на материале разноструктурных новообразований 2010–2020-го гг. в заголовках российских электронных СМИ. В научный оборот введен новый

материал исследования. В рамках прагматического подхода осуществлена классификация способов создания оценки с помощью новообразований узуальной и неузуальной структуры с точки зрения адгерентности и ингерентности, имплицитности и эксплицитности выражения негативно-оценочного значения. Разработаны критерии разграничения адгерентности и ингерентности, имплицитности и эксплицитности выражения негативно-оценочного значения применительно к словообразовательным средствам, установлена связь между данными категориями. Выявлена градуальность параметров имплицитности/эксплицитности оценки в корреляции со структурно-семантическими особенностями новообразований. Определены актуальные словообразовательные способы выражения негативной оценки в заголовках интернет-медиа с учетом их прагматической функции в аспекте воздействия на массовое сознание. Проанализирована роль новообразований в реализации актуальных игровых и манипулятивных речевых стратегий и тактик медийной речи, охарактеризованы средства речевого воздействия в аспекте обеспечения лингвистической безопасности.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке системного и разноаспектного описания словообразовательных способов выражения негативной оценки в электронных СМИ. На основании широкого подхода к пониманию категории оценки разрабатываются критерии разграничения различных форм выражения оценки в современном медиатексте, результаты исследования вносят вклад в дальнейшее изучение категории оценки и средств ее выражения в разных типах дискурса, а также приемов манипулятивного воздействия на массовое сознание носителей языка. Анализ градуальности параметров имплицитности/эксплицитности оценочного значения медийных новообразований может способствовать построению шкалы оценки. Материалы и выводы работы могут использоваться в дериватологии и неологии, в прагмалингвистике, медиалингвистике, теории речевого воздействия, в лингвокриминалистических исследованиях.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения полученных результатов в практике вузовского преподавания курсов современного русского языка (лексикологии, словообразования), стилистики, спецкурсах и спецсеминарах по неологии, прагмалингвистике, изучению современного медиатекста. Полученные в ходе работы материалы и выводы могут быть использованы в лексикографической практике, при составлении словарей новых слов, а также в журналистской практике, в практике производства лингвистической экспертизы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современным медиатекстам, в частности текстам интернет-СМИ, свойственно выражение негативной оценки в рамках осуществления речевого воздействия на сознание адресата. При этом заголовок выступает действенным средством реализации прагматической установки на выражение негативной оценки.
2. Словообразовательные ресурсы языка, и в частности их речевая реализация в виде новообразований, являются актуальным средством формирования негативной оценочности в заголовках электронных медиатекстов. Для выявления словообразовательных средств выражения негативной оценки необходимо применение прагматически ориентированного подхода, учитывающего как структурно-семантические особенности новообразований, так и прагматическую специфику их употребления в условиях медиадискурса. Для классификации новообразований, выражающих негативную оценку, целесообразно использовать характеристики узуальности/неузуальности способа создания, а также ингерентности/адгерентности, эксплицитности/имплицитности оценочного значения.
3. Новообразования, выражающие негативную оценку в заголовках электронных СМИ, создаются узуальными и неузуальными способами. Продуктивными узуальными способами создания негативно-оценочных новообразований являются различные разновидности сложения, аффиксация и аффиксоидация. Среди неузуальных способов словотворчества для создания

негативно-оценочных новообразований востребованы междусловное наложение, заменительная деривация, графическое словообразование. Неузуальные способы создания выступают как дополнительный фактор эспрессивизации негативно-оценочного значения.

4. Новообразования, созданные узуальными и неузуальными способами, могут выражать ингерентную оценку, которая определяется их структурно-семантическими свойствами. К структурно-семантическим условиям создания ингерентной оценки относятся семантика и стилистическая окраска производящей основы (слова), семантика и стилистическая окраска форманта, семантика словообразовательной модели и типа.

5. Новообразования, созданные узуальными и неузуальными способами, могут выражать адгерентную оценку, которая определяется дискурсивно-прагматическими условиями употребления новообразования. Адгерентная оценочность формируется под влиянием «узкого» (контекст заголовка) и «широкого» (контекст целостного медийного произведения) вербальных контекстов, а также под влиянием экстралингвистических условий употребления (коммуникативно-прагматические установки автора, специфика системы ценностей в социуме, культурно-ассоциативный фон).

6. Новообразования, созданные узуальными и неузуальными способами, могут выражать оценку в эксплицитной (явной) и имплицитной (скрытой) форме. Эксплицитная оценка формируется благодаря оценочно маркированным компонентам структуры новообразований. Имплицитная оценка формируется за счет структурно-семантических элементов новообразований, косвенно указывающих на негативный характер обозначаемого явления, вызывающих негативные ассоциации, или за счет контекста, в котором новообразование с оценочно-нейтральными элементами опосредованно приобретает негативную окраску. При этом параметр имплицитности/эксплицитности градуален: оценка может выражаться в более или менее явной форме.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и

журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Результаты исследования были публично представлены на научных и научно-практических конференциях международного, всероссийского, регионального уровней (17 конференций): Международная научная конференция «Социальные варианты языка» (Н. Новгород, 2014, 2016), Международная молодежная научная конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (Н. Новгород, 2015), XX Нижегородская сессия молодых ученых (Н. Новгород, 2015), XXI Нижегородская сессия молодых ученых (Н. Новгород, 2016), Городская студенческая межвузовская конференция «Язык: история и современность» (Н. Новгород, 2016), Международная научная конференция «Актуальные проблемы обучения русскому языку» (Чехия, Брно, 2016), Международная научная конференция «Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина)» (Н. Новгород, 2016), Международная научная конференция «Интерактивные и интегративные методы современной филологии» (Москва, 2017), Международная лингвистическая конференция «Русская лексика: история и современность» (Венгрия, Будапешт, 2017), Международная научная конференция «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, 2017), VII Международная научная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: образ Другого» (Казань, 2019), Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (Н. Новгород, 2013, 2016, 2019), Международная научная конференция «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 2019), VII международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» (Саратов, 2019). По теме диссертационного исследования опубликованы 30 работ, в том числе 11 в изданиях, включенных в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАК РФ, из них две статьи опубликованы в журнале, индексируемом в базе данных Web of Science.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений. Общий объем диссертации вместе с приложениями составляет 278 страниц.

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, предмет и объект, источники материала и методологическая база исследования; характеризуются степень разработанности темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту; представляются сведения об апробации результатов научного исследования.

В первой главе «Оценочность и средства ее выражения как предмет лингвистики» анализируются различные подходы к изучению оценки в языкознании; рассматриваются различные типы оценок; характеризуются понятие дискурса в лингвистике и специфика медиадискурса, в том числе функции заголовков; анализируются актуальные тенденции в современном медиадискурсе; анализируется понятие новообразования в современном языкознании, классифицируются узуальные и незуальные способы деривации.

Во второй главе «Структурно-семантические способы создания негативной оценочности новообразований» анализируются новообразования узуальной и незуальной структуры как средства выражения ингерентной негативной оценки (как в эксплицитной, так и в имплицитной форме); определяются основные структурно-семантические факторы формирования ингерентной негативной оценочности новообразований.

В третьей главе «Дискурсивно-прагматические особенности формирования негативной оценочности новообразований» исследуются новообразования узуальной и незуальной структуры как средства выражения адгерентной негативной оценки; характеризуются контекстуальные факторы формирования негативной оценки, формирование оценки в процессе языковой игры на базе прецедентных феноменов, а также особенности функционирования новообразований в текстах с признаками речевой агрессии.

В **Заключении** обобщаются результаты работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Библиография состоит из двух разделов (словари и справочники, научная и учебно-методическая литература) и включает в себя 338 наименований (в т.ч. на английском языке – 12 наименований).

В **Приложении 1** представлен список электронных СМИ, послуживших источниками текстового материала. В **Приложении 2** в виде таблиц представлены результаты количественного анализа словообразовательных средств выражения негативной оценки.

ГЛАВА I. ОЦЕНОЧНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Категория оценки в современной лингвистике

В современной лингвистике существуют различные подходы к пониманию категории оценки. Оценочность в лингвистике понимается как свойство языкового знака, предопределяющее его способность служить в речи средством выражения оценки [Солодилова, Шепеля 2015]. В то время как оценка трактуется неоднозначно, поскольку «...являясь "интуитивно ясным", с трудом поддается дефиниции, которая могла бы удовлетворить хотя бы большинство, если не всех исследователей» [Иванов 2003: 69]. Таким образом, категория оценки понимается лингвистами по-разному, в зависимости от подхода. Можно выделить три основных подхода к пониманию оценки: логико-философский (аксиологический), прагматический и лингвистический.

Появление логико-философского подхода обусловлено тем, что изначально понятие «оценки» исследовалось именно в философии, логике, и лишь потом стало предметом изучения лингвистики. К изучению категории оценки обращались такие философы, как Дж. Мур, В. Брожек, Т. Гоббс, Г. Сиджуик, Р. Хэр. Оценка в философии рассматривалась как один из процессов, протекающих в человеческом сознании в ходе познания окружающей действительности: «оценка – способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта» [Новейший философский словарь 2003]. В диалектической логике высказывания оценки делятся на пять типов в соответствии с разделами философского знания: онтологические, гносеологические, аксиологические, прагматические, логические оценки [Абушенко 2020]. Особый интерес для лингвистики представляют аксиологические (ценностные) оценки, представляющие оценку через соотношение с философско-логическим понятием ценности. В рамках философской науки изучением данного вопроса занимается аксиология – философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его

онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений [Новая философская энциклопедия 2000].

С точки зрения аксиологии, объект действительности приобретает положительную или отрицательную оценку в зависимости от способности или неспособности удовлетворять потребности и отвечать интересам оценивающего субъекта, так как этим определяется его ценность для субъекта. Так, оценка в аксиологическом аспекте – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта [Философский энциклопедический словарь 1983]. В языке же находит отражение базовая система ценностей социума, поэтому такой подход актуален и для лингвистики.

В лингвистике одним из первых к категории оценки обратился Шарль Балли в середине XX века, по его определению, оценка – это «своего рода реакция на выраженное словом явление или вещь в широком диапазоне отношений: вызывает ли вещь радость или страдание, полезна или вредна, хороша или плоха сама по себе, а также соответствует или не соответствует принципам морали» [Балли 1955: 208].

Аксиологический подход имеет долгую историю развития, на современном этапе многие ученые по-прежнему обращаются к исследованию оценочности в данном аспекте (Н.Д. Арутюнова, А.А. Ивин). А.А. Ивин определяет оценку, или оценочное высказывание, как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2012: 203]. В соответствии с точкой зрения Н.Д. Арутюновой, оценочные предикаты «хороший» и «плохой» устанавливают соответствие между миром и его идеализированной моделью и сообщают нам о том, что есть аналог этого свойства в так называемой идеализированной модели [Арутюнова 1999: 182]. Аналогичной концепции придерживается Л.М. Васильев, отмечая, что оценка – «это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. для человека того, что обозначается оценочными предикатами, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям»

[Васильев 2006: 249]. К аксиологическому подходу близко определение А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, в котором оценка осмысливается как свойство языковой/речевой единицы, связанное с установлением ценностного отношения (оценки) субъекта речи к объекту в широком смысле (явлению материального или духовного порядка) [Копнина, Сковородников 2003].

В рамках прагматического подхода оценка определяется через коммуникативные цели соответствующих речевых актов, в особенности одобрения и неодобрения. Среди сторонников данного подхода Е.М. Вольф, В.И. Шаховский и другие. При этом подходе оценка трактуется как функционально-семантическая категория, реализуемая системой разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию. Уровнями языка, имеющими наибольший потенциал выражения оценки, признаются лексика и синтаксис. Именно при этом подходе очевидно, что оценка пронизывает всю познавательную человеческую деятельность, а значит присутствует в большинстве высказываний. Прагматический подход в современной лингвистической науке является одним из наиболее перспективных, так как в нем ключевым признается такой фактор, как цель говорящего и его ожидания того или иного эффекта от использования оценочных единиц.

Российские и зарубежные лингвисты (Е.М. Вольф, С. Ханстон и Дж. Томпсон и другие) указывают на связь оценки с прагматической функцией языка. Ю.С. Старостина отмечает, что прагматическая функция «представляет собой выражение положительного или отрицательного отношения говорящего к предметам высказывания» [Старостина 2007: 234].

Е.М. Вольф рассматривает оценку как семантическое понятие, подразумевающее ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться с позиции субъекта оценки в отношении объекта оценки с точки зрения параметров «хороший/плохой». При этом оценочная семантика может реализоваться в пределах лексемы или целостного речевого акта, и оценочная семантика определяется прагматической ситуацией, в которой участвуют адресант и адресат [Вольф 1985].

В.И. Шаховский характеризует оценочность как фундаментальное свойство языка: «Наша мысль <...> постоянно и преднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки» [Шаховский 1988: 114]. Ученый уделяет особое внимание вопросам соотношения оценочности и эмотивности, экспрессивности, коннотации. Говоря о соотношении оценки и эмоции, В.И. Шаховский связывает оценку с логико-предметным содержанием слова, это мнение субъекта о ценности объекта для него, а эмоция – это переживание субъектом данного мнения [Шаховский 1988].

К данному подходу концептуально близко и семиотическое понимание оценочности Т.В. Маркеловой. Так, Т.В. Маркелова, опираясь на идеи В.И. Шаховского, А.А. Ивина, Ю.С. Степанова, предлагает семиотический подход к системе оценочных знаков, выделяемых на основе прагматической функции. Исследователь разграничивает такие типы оценочных знаков, как функция, коннотация, прагмема, отмечая доминирующее место прагмемы в оценочном фрагменте языковой картины мира: «прагмема — это динамично развивающееся лексическое средство выражения оценки, знаковая природа которого основана на прагматике, диктующей семантику связи денотативного и оценочного значений; синтактике, эксплицирующей парадигму оценочных суждений; семантике «двойственной» аксиологической природы знака-прагмемы» [Маркелова 2019: 590].

В рамках лингвистического подхода к оценке исследуются добавочные коннотативные значения единиц языка. Долгое время в науке преобладала именно эта точка зрения, согласно которой оценка – это суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации [Ахманова 1969], или как особая языковая категория, выражающая в речи эмоциональное отношение, вызванное сложившимся мнением о предмете высказывания [Кожин, Крылова, Одинцов 1982]. Также Д.Э. Розенталь определяет категорию субъективной оценки как семантико-грамматическую категорию, выражающую субъективную оценку говорящим предмета, признака предмета или признака действия и вносящую в основное предметное значение

слова добавочные эмоционально-экспрессивные оттенки значения ласкательности, сочувствия, уменьшительности, увеличительности, пренебрежения, уничижения, иронии и т. д. [Розенталь, Теленкова 1976]. Другими словами, оценочными признавались только лексемы, имеющие стилистическую или эмоциональную окраску.

Очевидно, что многообразие подходов к изучению оценки не ограничивается данными тремя направлениями. Так, ряд ученых рассматривает оценку как компонент лексического значения слова. Согласно точке зрения Ю.Д. Апресяна, в значение слова входит в общем случае наивное понятие об обозначаемой вещи, ситуации, свойстве, процессе и т.д. и оценка этой вещи, ситуации со стороны участников коммуникации. При этом Ю.Д. Апресян оговаривает, что оценочный компонент значения присущ далеко не всем лексемам [Апресян 1974: 175].

Можно отметить, что, в зависимости от подхода, оценка понимается более или менее широко. В частности, логико-философский и прагматический подходы тяготеют к широкому пониманию оценочности, лингвистический – к узкому пониманию. Согласно узкому пониманию оценки, данная категория может быть присуща только стилистически или эмоционально окрашенным языковым единицам (в первую очередь, лексемам), выражающим отношение субъекта к объекту по параметру «хорошо/плохо». В широком понимании оценочность может быть свойственна стилистически и эмоционально нейтральной языковой единице и формироваться за счет ее семантики или условий употребления. В таком случае оценочные единицы пронизывают все уровни языка, не ограничиваясь лексикой. Особое значение имеет взаимодействие единиц не только в рамках текста, но и в пределах дискурса. Более того, признается активное влияние экстралингвистических факторов: ситуации употребления, системы ценностей данного социума.

Широко понимается оценка в работах зарубежных лингвистов. Для описания категории оценки наиболее распространенным является термин «evaluation» ([Thompson, Hunston 2006], [Bondi, Mauranen 2003], [Bednarek 2006] и др.), однако встречаются и другие термины, обозначающие оценку: «tenor», «attitude» [Halliday,

1985], «stance» ([Biber 1999], [Hyland 2005]), для описания положительной оценки – «appraisal» [Martin, White 2005].

Например, М. Беднарек и Х. Кейпл одной из ключевых категорий современного новостного дискурса называют оценочную дихотомию «негативность/позитивность» [Bednarek, Caple 2017: 9-10]. Однако М. Беднарек выделяет данную дихотомию лишь как один из оценочных параметров: в своей монографии она исследует оценочность в корпусе газетных текстов на основании оценочных параметров «хороший/плохой» (параметр эмотивности), «важный/неважный» (параметр важности), «ожидаемый /неожиданный» (параметр (не)ожиданности), «понятный/непонятный» (параметр понятности), «(не)возможность/(не)обязательность» (параметр (не)возможности/(не)обязательности), «истинность/ложность» (параметр достоверности). Данные параметры выражают оттенки оценочного значения. В соответствии с концепцией автора, данные параметры представляют для говорящего определенную ценность, и в контексте говорящий оценивает событие по одному или нескольким из параметров. Например, событие может быть оценено говорящим как важное (или неважное), из этого можно делать вывод о ценности (или отсутствии ценности) этого события для говорящего. Кроме того, учитывая специфику газетного текста, М. Беднарек утверждает, что говорящий может параллельно оценивать информацию с точки зрения достоверности и доказательности (в зависимости от источника информации и манеры ее подачи), а также учитывает параметры стиля и эмоционального отношения [Bednarek 2006]. В ходе исследования М. Беднарек в том числе утверждает, что «негативность» – в плане выбора тематики новостей и оценочного модуса их преподнесения – является одной из основных установок британских новостных текстов [Bednarek 2006: 16].

Как отмечает сама исследовательница, данное понимание оценочности опирается на концепцию С. Ханстона и Дж. Томпсона, которые определяют оценочность как широкую категорию выражения авторского отношения на основании обширного набора ценностей [Thompson, Hunston 2006]. Данное широкое понимание основывается на контекстуальном подходе к анализу оценки,

которая исследуется с учетом семантических модификаций не только в рамках высказывания, но и в пределах целого текста, а также с учетом экстралингвистической ситуации общения, социокультурных условий [Lemke 1998: 47], [Thompson, Ye 1991].

Некоторые зарубежные исследователи также не отождествляют оценочность и эмотивность, эмоциональность, рассматривая эмоциональность как тип оценочности (эмоциональная оценка) [Thompson, Hunston 2006]. Дж. Мартин и П. Уайт отмечают, что оценка выступает не только как средство передачи отношения говорящего к происходящему, но и как средство косвенного воздействия на позицию читающего/слушающего для подтверждения оценки говорящего. Говорящий использует языковые интенсификаторы и деинтенсификаторы ('intensification' и 'vague language') для усиления или ослабления этого воздействия [Martin, White 2005: 2].

С методологической точки зрения в зарубежной лингвистике для исследования категории оценки предлагается совмещение количественных методов корпусного анализа и качественных методов семантической интерпретации конкретных оценочных контекстов [Biber, Conrad, Rippen 1998], [Hunston 2011], [Bednarek 2006].

Кроме того, в изучении оценки спорным является вопрос, какими структурными характеристиками должно обладать оценочное высказывание. Например, М.Я. Блох и Н.В. Ильина считают, что «оценочной конструкцией может быть признана не любая конструкция, содержащая лексическую единицу оценочной семантики, а лишь та, в которой лексическая единица находится в предикативной позиции», в остальных случаях «оценка... передается как факт уже известный, а не приписываемый субъектом по основному смысловому заданию высказывания» [Блох, Ильина 1986: 15]. Современному широкому пониманию оценки больше соответствует позиция А.Н. Баранова, утверждающего, что с лингвистической точки зрения подобное суженное понимание оценки вряд ли будет оправдано, поскольку в этом случае из сферы анализа исключается целый ряд языковых феноменов, реализующих «периферию» когнитивной процедуры

оценивания [Баранов 1989: 75]. Таким образом, оценочными признаются такие высказывания, которые не являются оценочно-предикатными конструкциями, но в которых присутствуют единицы с оценочной семантикой, и оценка является коммуникативной целью. Причем под «единицами с оценочной семантикой» подразумеваются и единицы, нейтральные в системе языка, но приобретающие оценочное значение в контексте. Для достоверной интерпретации подобных высказываний как оценочных необходимы знание широкого контекста и учет всех прагматических параметров коммуникативной ситуации.

Лингвисты подчеркивают необходимость различения дескриптивных и оценочных высказываний. Оценочными является лишь те элементы, которые, описывая явление, отрицательно или положительно маркируют его, выражая отношение говорящего. К.И. Бринев утверждает, что описательные и оценочные высказывания противопоставляются на семантическом уровне: описательные высказывания отражают то, что происходит в реальном мире, оценочные высказывания конструируют новый возможный мир; высказывание содержит оценку, если в нем предмет речи тем или иным образом соотносится с ценностными установками говорящего [Бринев 2009: 125]. Тем не менее не всегда возможно однозначное разграничение дескриптивных и оценочных высказываний, поскольку дескриптивный и оценочный компоненты могут сочетаться: объективные свойства предмета могут стать основанием для оценки. В таких случаях следует принимать во внимание, являлась ли оценка коммуникативной целью говорящего.

Вопрос о структуре оценки и оценочного высказывания также является дискуссионным. В структуре оценки выделяются такие обязательные компоненты, как субъект оценки – лицо (или социум), определяющее ценность того или иного предмета путем выражения оценки; объект оценки – предмет или явление, которому приписывается ценность (или антиценность); основание оценки – мотивация, оценочный признак, с точки зрения которого происходит оценка (общественная или индивидуальная норма, относительно которой оценивается явление или предмет); характер оценки – признание ценности (положительной, отрицательной или нулевой) объекта оценки.

Обязательный характер данных компонентов признается большинством исследователей оценки, в том числе в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, А.А. Ивина, В.Н. Телии, Т.В. Маркеловой и др. Однако некоторые ученые считают нужным добавить в структурную модель оценки дополнительные элементы. Например, Е.М. Вольф как обязательный компонент оценки называет «шкалу» и «оценочные стереотипы». Эти компоненты обычно не имеют непосредственного языкового выражения, но всегда присутствуют в сознании автора текста и его читателя. По мнению Е.М. Вольф, идея сравнения присутствует в любом оценочном высказывании, поскольку вся система ценностей представляет собой некую иерархию, явления действительности проявляют свои качества лишь в соотношении с другими явлениями: «Только сравнив А с Б, можно сказать, что А – большое, а Б – маленькое» [Вольф 1985: 48]. Явления действительности могут сравниваться как между собой, так и с оценочным стереотипом, представляющим собой стандартные представления о необходимых качествах того или иного предмета, соотносимые с понятием нормы. Характерной особенностью выражения оценки является возможность ее интенсификации и деинтенсификации, отражающих движение по оценочной шкале. При этом интенсификация оценки не дискретна (нельзя измерить расстояние между «хорошим» и «очень хорошим») и не ограничена определенным числом позиций: «Интенсификаторы составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотнесенных друг с другом неопределенным образом» [Вольф 1985: 45]. Данную точку зрения поддерживает Н.Д. Арутюнова, отмечая, что «семантический комплекс «хорошо-плохо» принадлежит к разряду градуированных понятий, в которых каждый антоним указывает направление уходящей в противоположные бесконечности шкалы, разделенной осью симметрии» [Арутюнова 1983: 333].

Структурные компоненты оценки могут быть как выражены в высказывании, так и содержаться в имплицитной форме, выводиться из контекста, в том числе с привлечением экстралингвистических условий употребления.

Итак, понимание категории оценки значительно менялось с течением времени. В частности, наблюдается тенденция к расширению понятийного

содержания данного термина, в результате чего значительно увеличивается диапазон языковых единиц, признаваемых оценочными. Кроме того, современная наука тяготеет к рассмотрению категории оценки с позиций антропоцентризма, в современных исследованиях акцент ставится на изучении прагматической направленности, психолингвистических механизмах восприятия оценки. Это учитывается, в частности, при разграничении оценочных и дескриптивных высказываний. Так, несмотря на долгую историю изучения, в этой области осталось много спорных вопросов, что делает исследование категории оценки особенно актуальным.

В данной работе представлено широкое понимание оценки, т.е. оценка определяется как «акт человеческого сознания, который заключается в сравнении предметов, лиц, явлений и соотнесении их свойств и качеств с нормой, определенной системой ценностей. В соответствии с общеязыковой метонимической полисемией слова, оценка является не только ментальным актом – установлением качества объекта, но и его результатом – сформировавшимся мнением о ценности объекта, выраженным в языковой форме» [Смирнова 2013: 14]. В языке и речи оценка представлена как совокупность разноуровневых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи [Стилистический энциклопедический словарь 2003: 139].

1.2. Классификации оценок в современном языкознании

Оценка, будучи сложным и многоплановым явлением, может быть охарактеризована в разных аспектах. В лингвистической науке оценочные единицы анализируются с помощью различных параметров, относящихся как к формальным особенностям оценочно маркированных единиц, так и к их содержательной стороне.

Так, в зависимости от соотношения субъективного и объективного факторов выделяют общеоценочные и частнооценочные единицы. Общие оценки выражают отношение субъекта к объекту по признаку «хорошо/плохо» и ничего не сообщают

об объективных свойствах предмета, оценка составляет собственно денотативное значение подобных лексем [Смирнова 2013]. Данный тип оценки реализуется прилагательными «хороший» и «плохой», а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками, оценка составляет основу семантики данных лексем. Частнооценочные слова уже сочетают в себе дескрипцию и оценку, они строятся по модели «X, потому что Y», где X – оценка хорошо/плохо, Y – описательная характеристика [Вольф 1985]. Это значение присутствует в высказывании имплицитно, и негативная оценка формируется в сознании читателя при соотнесении объекта с системой ценностей и стереотипов, характерных для данного общества. Таким образом, частнооценочные слова позволяют не только оценить явление, но и описать его с точки зрения соответствия социальным нормам и этическим правилам, утилитарной ценности, особенностей психологического восприятия и интеллектуального осмысления и т.д. [Арутюнова 1984: 12–13]. Следовательно, их употребление в большей степени отвечает специфике журналистского текста, одновременно описывающего и интерпретирующего актуальные явления действительности.

Также существует классификация оценочных единиц в зависимости от фактора, формирующего оценочное значение: номинативная оценка (оценочный компонент содержится в лексическом значении слова), коннотативная оценка (оценка формируется за счет коннотации), прагматическая оценка (контекстуальная оценка, обусловленная прагматической установкой говорящего) [Маркелова 1994].

В рамках прагматически ориентированного исследования способов выражения оценки в языке СМИ важными представляются такие характеристики оценочных единиц, как ингерентность и адгерентность, эксплицитность и имплицитность. Эти параметры отражают связь формальных характеристик языковой единицы с особенностями передаваемого оценочного значения. Параметр «адгерентность/ингерентность» характеризует источник формирования оценочного значения: мотивировано оценочное значение «внутренними» (структурно-семантическими) свойствами языковой единицы или «внешними»

(контекстуальными) условиями ее употребления. ИмPLICITность и эксплицитность характеризуют степень открытости/скрытости выражения оценочного значения при восприятии оценочно маркированного элемента адресатом, что особенно важно при изучении медийного текста в аспекте его воздействующей функции.

1.2.1. Ингерентные и адгерентные оценки

Характеристики ингерентности и адгерентности применяются к широкому кругу лингвистических явлений: в науке встречаются понятия «ингерентная/адгерентная коннотация» [Полякова 2013], «ингерентная/адгерентная экспрессивность» [Гималетдинова 2003], «ингерентная/адгерентная оценочность» [Лукьянова 1986], «ингерентные/адгерентные ассоциации» [Телия 1981]. Ингерентность и адгерентность используются при прагматическом описании особенностей семантических оттенков, являющихся добавочными по отношению к денотативной семантике.

В концепции Н.А. Лукьяновой ингерентная оценочность определяется как «отраженные сознанием эмоциональная реакция и оценка говорящего (лица или коллектива) по отношению к определенному референту и закрепленные в значении данной лексемы или ЛСВ в качестве самостоятельной инвариантной семы, которая реализуется в речи в конкретных словоформах в той или иной ее аллосеме» [Лукьянова 1986: 52]. Таким образом, основной источник ингерентной оценочности – семантика лексемы. При этом ингерентной оценочностью обладают как лексемы, для которых оценка составляет собственно денотативное значение (*плохой, ужасный, хороший, изумительный* и под.), так и лексемы, для которых оценочная сема относится к коннотативной семантике и является только ее частью. При этом коннотация понимается как добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая

высказыванию тон торжественности, непринужденности, фамильярности и т.п. [Розенталь, Теленкова 1976].

Оценочная сема может относиться как к ядру семантического поля лексемы, так и к его периферии, в зависимости от этого ингерентная оценочность может выражаться более или менее очевидно для адресата. Также ученые отмечают, что ингерентная оценочность присуща стилистически маркированным лексемам [Полякова 2013]. Таким образом, можно заключить, что факторами формирования ингерентной оценочности лексемы являются денотативная семантика, коннотативная семантика, стилистическая окраска лексемы.

Адгерентная же оценка – это «не закрепленные в значении слова эмоциональная реакция и мнение (оценка) говорящего по отношению к некоторому референту, актуализирующиеся данной словоформой лишь в определенном речевом акте, на фоне конкретного контекста. Эмоциональная окраска в таком случае рассматривается как те конкретные эмоциональные наслоения, оттенки, которые приобретает данная словоформа в конкретном контексте, как бы «вбирая, впитывая в себя» эмоциональный тон высказывания» [Лукьянова 1986: 52].

Так, адгерентная оценочность определяется языковым окружением единицы и общим тоном высказывания, актуализируется в контексте. В современных гуманитарных исследованиях контекст понимается в узком смысле как «фрагмент текста или речи, содержащий избранное для анализа языковое выражение или единицу языка» или в широком смысле как «ситуация употребления анализируемого выражения» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009].

Выделяются различные типы контекста. В первую очередь, ученые разграничивают вербальный (языковой) и невербальный (ситуативный, экстралингвистический) контексты.

Вербальный контекст традиционно определяется как «ограничиваемый рамками чисто языкового воплощения содержания коммуникации и детерминированный конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических значений» [Колшанский 1980: 38].

По области охвата выделяют «широкий» и «узкий» контексты. Под «узким контекстом» (микрконтекстом, минимальным контекстом) обычно понимается контекст словосочетания или предложения. Противопоставляемый ему «широкий контекст», или «макрконтекст», трактуется как языковое окружение единицы, выходящее за рамки предложения (это может быть как контекст группы предложений, абзаца, главы, так и контекст всего произведения в целом) [Бархударов 1975]. В зависимости от функций выделяются такие типы вербального контекста, как «разрешающий» (контекст, снимающий полисемию языковой единицы), «поддерживающий» (обеспечивающий повторяемость единицы), «погашающий» (контекст, создающий значение единицы, не совпадающее с ее значением в системе языка), «компенсирующий» (обеспечивающий восприятие смысла в условиях невыраженности какого-либо элемента) и «интенсифицирующий» (способствующий приращению смысла в рамках текста, одновременной реализации нескольких значений одной единицы) [Лингвистический энциклопедический словарь 2002]. В аспекте формирования адгерентного оценочного значения особенно актуален разрешающий тип контекста, который дает читателю понять, что единица употреблена именно в оценочном значении при наличии полисемии, и погашающий тип контекста, обеспечивающий возникновение адгерентного оценочного значения у нейтральной в системе языка единицы.

В современных лингвистических исследованиях в рамках прагматического и дискурсивного подхода речевые единицы исследуются в процессе своего употребления в рамках дискурса в совокупности с экстралингвистическими факторами [Мощанская 2014]. Экстралингвистический контекст включает «все факторы, сопутствующие вербальной коммуникации, начиная от конкретной ситуации, в которой протекает общение, и заканчивая совокупностью культурных и социальных условий, определяющих весь смысловой и языковой комплекс коммуникативных актов» [Колшанский 1980: 38].

Как отмечают исследователи, адгерентная оценочность возникает в рамках контекста под влиянием сочетающейся единицы; под влиянием коммуникативной

ситуации; как отражение языкового сознания говорящего/пишущего и его системы ценностей; под воздействием социальных условий употребления, влияющих на систему ценностей [Стернин 1985].

Адгерентная (контекстная, речевая, окказиональная) оценочность характеризуется учеными как квазиоценка. При этом Л.Г. Смирнова отмечает, что существуют определенные факторы формирования квазиоценочного значения у лексем. В первую очередь, квазиоценочность определяется интенцией говорящего, который в рамках высказывания может выражать индивидуальное, личностное отношение к предмету оценки, которое может не совпадать с общепринятыми представлениями о положительном/отрицательном характере данного явления («*Я не люблю уверенности сытой...*» // В. Высоцкий. *Я не люблю фатального исхода...* – лексема *уверенность*, обладающая положительно-оценочной семантикой, в контексте приобретает адгерентную негативную оценку) [Смирнова 2013]. Во-вторых, квазиоценочным потенциалом обладают целые группы лексики в рамках определенного дискурса. Так, квазиоценка характерна для социальной лексики в рамках медиаполитического дискурса, в частности, для слов-идеологем (*социализм, либерализм, тоталитаризм, демократия, рынок* и др.). Подобные единицы оценочно-нейтральны в системе языка и не имеют оценочного компонента в своей семантике, но в рамках медиаполитического дискурса функционируют как оценочно окрашенные. Причем в условиях идеологически разделенного общества социально-политические номинации имеют амбивалентный оценочный потенциал: они могут использоваться для выражения как положительной, так и отрицательной оценки в зависимости от того, какую систему политических ценностей поддерживает говорящий. Также амбивалентная квазиоценка характерна для новых слов, называющих значимые реалии в жизни общества, определяющие в последние десятилетия его идеологические, мировоззренческие установки (*модернизация, инновация, стабильность, нанотехнология, полиция, потребление, менеджер* и т.д.) [Смирнова 2013].

Итак, разграничение ингерентной и адгерентной оценочности основывается на определении различных факторов формирования оценочного значения.

Ингерентная оценка определяется структурой новообразования. К структурно-семантическим условиям создания ингерентной оценки относятся семантика и стилистическая окраска основы и/или форманта, семантика словообразовательной модели. Особое значение имеет источник мотивации новообразования: «Источником мотивации для изобретения новообразований представителями СМИ являются ежедневные негативные события в стране и мире, природные катаклизмы, тяжелое положение во всех сферах социальной жизни, для обозначения которых часто не хватает существующих визуальных обозначений» [Шаховский 2007: 763]. Структурные отклонения от словообразовательной нормы, неузуальные способы создания усиливают ингерентную оценочность.

Адгерентная оценка не зависит от наличия или отсутствия оценочного компонента, определяется узким, широким или экстралингвистическим контекстом. Особое значение в данном случае имеет языковой опыт адресата и адресанта оценки, связанный с распознаванием таких категорий, как ирония, юмор, сарказм.

Итак, новообразования с точки зрения их оценочного потенциала понимаются как новые слова с внутренне присущей им ингерентной и проявляющейся в контексте адгерентной оценочностью, созданные в процессе речи, не вошедшие в систему языка и не зафиксированные в лексикографических источниках.

1.2.2. Имплицитные и эксплицитные оценки

Языковая единица может выражать оценочную информацию как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитность/имплицитность выражения информации является «важной характеристикой соотношения содержательного и формального планов языка, семантической структуры языковых единиц и организации дискурса» [Ваулина, Берестнев 2006: 131].

Соотношение имплицитности/эксплицитности выражения оценочных значений исследуется в трудах И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, А.Н. Баранова, И.А. Стернина и др.

В лингвистике «наиболее распространенное понимание эксплицитности и имплицитности связано с явным или неявным выражением семантики языковых единиц компонентов различных уровней языка. Имплицитные (скрытые) компоненты значения, как правило, не имеют самостоятельного явного выражения в формальной структуре языка. Они выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах, через контекст» [Шептухина 2006: 249]. Также А.В. Бондарко подчеркивает, что «эксплицитное», «имплицитное» применительно к языковым явлениям относятся не только к формальным способам выражения, но и к самому языковому содержанию: эксплицитность «предполагает полноту проявления, отчетливость данного значения <...> его подчеркнутый характер», в то время как «имплицитный семантический элемент... лишь вытекает из явно выраженного значения», следовательно «эксплицитность/имплицитность как формы существования языкового содержания и как свойства его формального выражения взаимосвязаны» [Бондарко 1987: 103]. Кроме того, А.В. Бондарко указывает, что имплицитность/эксплицитность может быть обусловлена как системно-языковыми, так и речевыми факторами [Бондарко 2006: 24]: языковая единица как таковая имеет смысловую основу и интерпретационный компонент, однако те или иные компоненты значения проявляются в речи.

Эксплицитной считается информация, непосредственно, очевидно выраженная данной языковой единицей или системой единиц без ее преобразования. Как правило, эксплицитная информация зафиксирована в словарном значении слова. Эксплицитная информация в тексте может быть представлена в форме эксплицитных утверждений, под которыми понимаются «утверждения, которые несут информацию, непосредственно вытекающую из словарных значений употребленных в высказывании слов, то есть такие, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, непосредственно не проводя дополнительных смысловых преобразований» [Баранов 2007: 41]. В узком смысле эксплицитные компоненты значения понимаются как «компоненты, которые имеют явное словообразовательное

(морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение» [Васильев 1990: 90].

Оценочные значения являются одной из частных разновидностей имплицитной/эксплицитной информации. Как отмечают исследователи, эксплицитная оценка – аксиологическое значение, закрепленное в семантической структуре ЛСВ и объективированное в ее словарной статье; а имплицитная оценка – оценочные смыслы, несущие формально не выраженную в семантике языкового знака оценочную информацию и приобретаемые в контексте окказионально [Новиков 1992: 6].

И.В. Заложная, исследуя такую функциональную разновидность категории негативной оценки, как инвективность, отмечает, что для эксплицитных оценочных (и, в частности, инвективных) значений характерна закрепленность в русской языковой картине мира, регулярный характер воспроизводимости, возможность внеконтекстного установления негативной семантики единицы. Для единиц, выражающих имплицитную негативную семантику, свойственно отсутствие данных признаков: они полисемантически, а негативная семантика имеет контекстуальный характер. Также И.В. Заложная указывает на существование зоны синкретизма – ограниченной группы лексики, негативный компонент семантики которых осознается большинством носителей языка, однако не является первичным и актуализируется в определенных контекстах [Заложная 2011: 6].

В исследованиях, затрагивающих частные вопросы эксплицитности/имплицитности оценочных значений, к эксплицитным формам выражения оценки относят: субъективно-оценочные суффиксы, слова категории состояния, оценочные прилагательные, компаративы для сравнительных оценок и др. [Шаповаленко 2010].

В противоположность эксплицитной информации выделяется имплицитная, которая открыто не выражается языковой единицей, но предполагается в ней, подсказывается ею или ее речевым окружением, выводится из них посредством интерпретации [Молчанова 1988: 19]. В лингвистике для обозначения данного явления используются термины *подтекст*, *намек*, *имплицитный смысл*,

имплицитная информация, имплицитное значение, второй план, косвенный смысл, скрытый смысл [Стернин 2011: 9].

Имплицитная информация может содержаться в конкретной языковой единице (например, в конкретной лексеме) и раскрываться в процессе высказывания, при взаимодействии единиц в речи. В подобных случаях говорят об имплицитном значении (или имплицитных компонентах значения). Так, М.В. Никитин рассматривает имплицитные значения как «речевые эксплицитно не выраженные, некодифицированные значения, значения сверх собственного словарного значения языковых единиц и сверх регулярных правил их семантического комбинирования и модификации. Они возникают в результате взаимодействия эксплицитных значений с обстоятельствами и условиями их речевой реализации» [Никитин 1988: 163].

Способом выявления имплицитных оценочных сем, свойственных языковой единице, служит прием трансформации дефиниции значения в условную фразу, завершающуюся компонентом «и это хорошо/плохо», предложенный И.А. Стерниным [Стернин 1985: 71]. К этому методу прибегают и Р.М. Якушина [Якушина 2003], и Е.Н. Токарева [Токарева 2005]. Если значение слова можно сформулировать так, чтобы в него не входили оценочные слова, но в то же время эта формулировка допускала завершение условной фразой — «и это хорошо/плохо», тогда оценка является составной частью коннотативного макрокомпонента [Стернин 1985: 71]. Денотативный компонент в этом случае содержит объективную характеристику, а оценка, следовательно, в этом случае будет дополнительной.

При этом в процессе речевого взаимодействия говорящий/пишущий вкладывает в высказывание имплицитную информацию, а слушающий/читающий выявляет ее в полном или неполном объеме в зависимости от различных коммуникативных факторов. Так, Е.Н. Ширяев рассматривает следующие "опоры" для выявления невербализованной части информации: 1) контекст, 2) визуально-чувственная ситуация, 3) частно-апперцепционная база [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 208].

Для имплицитной информации характерна «необязательность ее получения при понимании, несто процентность ее восстановления слушающим» [Баранов 2007: 42]. В условиях медиакоммуникации для говорящего/пишущего важно, чтобы реципиент воспринял имплицитную информацию в полном объеме, поскольку от этого зависит успешность коммуникации. Так, если читатель не воспринимает заложенную журналистом имплицитную оценочную информацию, не реализуется прагматическая установка на воздействие. Ученые отмечают большой воздействующий потенциал имплицитных способов выражения информации, поскольку «действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения, точнее, на том, что адресат уже затратил на ее получение дополнительные интеллектуальные усилия» [Баранов 1990: 15]. Автор медиатекста для наилучшей реализации воздействующей функции должен внимательно относиться к выбору средств выражения имплицитной оценочной информации, чтобы читатель, с одной стороны, мог распознать ее, но с другой стороны, чтобы процесс выявления не был для него слишком простым, а информация – слишком очевидной.

Таким образом, имплицитная информация, в частности оценочная, создается с помощью как лингвистических, заключающихся во взаимодействии разноуровневых языковых единиц, так и экстралингвистических средств. Экстралингвистические факторы формирования имплицитных значений включают в себя коммуникативную ситуацию употребления оценочной единицы, прагматические установки автора, особенности восприятия текста адресатом, в том числе его фоновые знания, влияющие на интерпретацию текста.

Имплицитная информация может быть потенциально вербализуемой, если скрытый смысл можно сформулировать на основании интерпретации высказывания, или невербализуемой, когда имплицитная информация интуитивно распознается, но не может быть четко сформулирована, возникает в сознании реципиента в форме ассоциаций [Баранов 2007].

Имплицитная информация также может быть обязательной, т.е. однозначно распознаваемой носителями языка на основании общеизвестных сведений, или

факультативной (необязательной): «различные коннотации, культурно обусловленные ассоциации слов, устойчивых словосочетаний относятся к факультативной части содержания текста: они могут восстанавливаться адресатом, а могут и оставаться нераскрытыми» [Баранов 2007: 41].

Следует отметить, что в лингвистике встречается и иное понимание явления имплицитности/эксплицитности, в соответствии с которым имплицитная оценка заложена в значении слова, эксплицитная же присуща не конкретному слову, а его употреблению [Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования 2003]. При подобной трактовке понятие имплицитности/эксплицитности совпадает с понятием ингерентности/адгерентности, однако в рамках нашего исследования представляется целесообразным разграничить данные категории.

Соотношение эксплицитности и имплицитности выражения смыслов является важной характеристикой соотношения содержательного и формального планов языка, семантической структуры языковых единиц и организации дискурса. Эксплицитность и имплицитность как степень вербализации информации имеет разнообразные способы проявления в языке и речи.

Современные ученые активно описывают и систематизируют способы выражения имплицитной информации в речи. При этом наиболее разработанными являются классификации способов выражения имплицитной информации на текстовом уровне (А.Н. Баранов, И.А. Стернин). Так, И.А. Стернин разрабатывает теорию рецептивных схем – регулярных моделей порождения имплицитных смыслов (например, в публицистическом тексте сообщение о правонарушениях друзей, соратников, сотрудников того или иного лица равнозначно сообщению о причастности самого лица к аналогичным правонарушениям и др.). И.А. Стернин также подчеркивает роль концептуальных признаков единицы для выражения имплицитной оценочной информации в процессе интерпретации (например, наличие связанных с лексемой *женщина* негативных ассоциаций – *капризная*, *непостоянная* и др. – которые могут актуализироваться в сознании реципиента в определенном контексте) [Стернин 2011: 36].

Н.В. Клушина, исследуя особенности выражения имплицитной/эксплицитной оценки на материале публицистических текстов начала XXI века, к актуальным средствам выражения эксплицитной оценки относит пейоративные лексемы, мелиоративные лексемы, оценку через сравнение; имплицитной – метафоры, эвфемизмы, «скорнения», квазисинонимическую ситуацию, контекст. Исследователь приходит к выводу, что из разнообразных типов оценок, используемых в публицистическом дискурсе, наиболее востребованными оказываются имплицитные оценки [Клушина 2008: 146-149]. Также к формам выражения имплицитной негативной информации ученые относят иронию [Никитин 1998: 156].

А.Н. Баранов также приводит классификацию форм выражения имплицитных смыслов на уровне текста/высказывания: использование эллиптических предложений, помещение текста в рубрику, использование образного фразеологизма, использование пресуппозиции, выведение следствия, постановка в оценочный контекст, немотивированное сближение языковых единиц, выбор единицы измерения, использование метафор, использование фразеологизма/поговорки/пословицы, использование риторических вопросов и др.

Особое внимание уделяется специфике имплицитного значения поговорок, пословиц, фразеологизмов и устойчивых выражений. У некоторых типов фразеологизмов актуальное значение имеет образный характер и отличается от внутренней формы, которая осознается носителями языка. Например, фразеологизм *выйти сухим из воды* имеет актуальное образное значение *избежать заслуженного наказания за проступок*, которое не совпадает с внутренней формой, буквальным значением *выйти сухим из воды = не промокнуть*. Таким образом, актуальное значение имеет негативно-оценочный характер, а буквальное – нет. А.Н. Баранов предлагает классифицировать такое оценочное значение как имплицитное. Аналогично пословицы, поговорки могут выражать негативную информацию имплицитно, поскольку оценочное значение имеет образный характер, оно дискретно и может быть сформулировано лишь приблизительно. Однако, как отмечает исследователь, «несколько иная ситуация с идиомами,

внутренняя форма которых не осознается как живая современным носителем русского языка. Актуальные значения идиом *не видно ни зги* (= ничего не видно), *испокон веков/веку/века* (= всегда), *не хухры-мухры* (= что-то, что нельзя рассматривать как неважное) более эксплицитны, поскольку не «подавляются» семантикой легко осмысляемой внутренней формы» [Баранов 2011: 320]. Следует обратить внимание, что значения характеризуются как «более эксплицитные», таким образом эксплицитность представляется как признак, который может проявляться в большей или меньшей степени. Таким образом, имплицитность/эксплицитность как степень выраженности информации «очевидно не бинальна, а градуальна» [Баранов: 318] и представляет собой шкалу. При этом большое значение имеет коммуникативная, культурная компетенция реципиента, для которого имплицитная информация представляется более или менее очевидной. На существование различных степеней имплицитности обращает внимание Е.В. Ермакова, исследуя имплицитную информацию в когнитивном аспекте: «Знания, участвующие в образовании имплицитных смыслов в речи, относятся к разным типам и обладают разной степенью имплицитности. Высокую степень имплицитности имеет прагма-коммуникативное знание схемного типа (знание поведенческих фреймов и сценариев) <...> Наименее имплицитно знание декларативного типа (фактов научного, философского, литературного и т.д. характера)» [Ермакова 2010: 7].

Исследователи отмечают взаимосвязь параметров адгерентности/ингерентности и имплицитности/эксплицитности оценочного значения: «интегерентная оценка слова обусловлена наличием у него оценки в эксплицитной части словозначения <...>, а адгерентная оценка – наличием оценки в слове в имплицитной части значения» [Бугаева 2012: 153]. В целом ученые признают, что имплицитность является имманентным свойством языковой единицы, однако «лишь контекст способен сделать ощутимым имплицитное, лишь во «внутренней перспективе речевого ряда» выявляется имплицитный потенциал языковой единицы» [Ермакова 2009: 59].

Как отмечают исследователи, имплицитная информация отличается не только большим воздействующим потенциалом, но и смысловой емкостью, «план содержания превосходит план выражения по смысловости» [Просьянникова 2004: 7].

Итак, эксплицитная ингерентная оценочность формируется за счет семантико-стилистических свойств лексемы, при этом оценочные семы принадлежат к ядру семантической структуры слова, оценка относится к основным компонентам значения слова. Для выявления подобных лексем используется анализ словарной дефиниции: у лексем с эксплицитной ингерентной оценочностью в словарной дефиниции оценка содержится в явной форме, оценочный признак «плохой/хороший» (а также частнооценочные признаки «ценный/не ценный», «полезный/вредный» и под.) относятся к основным дефиниционным признакам лексемы. Также к эксплицитно-оценочным лексемам относятся стилистически сниженные и эмоционально маркированные лексем, обладающие потенциалом негативной экспрессивности.

Имплицитную ингерентную оценочность мы определяем как оценочность, формирующуюся за счет семантико-стилистических свойств лексемы, при этом оценочный компонент относится к периферии семантической структуры слова. Оценка может формироваться за счет оттенков значения, факультативных оценочных сем; при этом оценочное значение имеет характер не явного порицания, а скрытого неодобрения, в том числе часто выражается в форме иронии. Для выявления подобных лексем используется метод трансформации словарной дефиниции (предложенный И.А. Стерниным) в условную фразу, завершающуюся компонентом «и это хорошо/плохо». При реализации данного типа оценки бывает задействован контекст как вспомогательное средство, таким образом наблюдается взаимодействие ингерентных и адгерентных условий формирования оценки.

1.2.3. Рациональные и эмоциональные оценки

Структура оценки осложняется тем, что в ней сочетаются рациональный и эмоциональный компоненты. Вопрос о первичности одного из этих факторов тесно связан с проблемой соотношения объективного и субъективного начал в оценке. Данному вопросу посвящены исследования Ю.Д. Апресяна, Е.М. Вольф, Т.В. Романовой, Т.А. Трипольской, Н.В. Уфимцевой, В.И. Шаховского и др.

Ряд исследователей (Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский) полагает, что первичным является эмоция – непосредственная реакция человека на событие, определяющая оценку; рациональная же сторона высказывания вторична [Шаховский 2008], [Шмелева 2004]. Другая точка зрения (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.Н. Баранов) состоит в том, что рациональный оценочный аспект является приоритетным, а эмоциональный компонент вторичен; объясняется это тем, что естественный язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Так, эмоциональная составляющая накладывается на рациональную оценку ситуации: «эмоциональная оценка имеет сугубо личностные, иррациональные основания. Она накладывается на рациональную оценку и усиливает последнюю присущими ей способами» [Сандомирская 1991: 114].

При этом большинство ученых признают, что в конкретных высказываниях преобладает либо рациональный, либо эмоциональный компонент. В соответствии с этим выделяют оценку рациональную (интеллектуальную, интеллектуально-логическую), основанную на логическом осмыслении ценности объекта, и эмоциональную (эмотивную), выражающую непосредственную реакцию субъекта, его чувственное восприятие объекта [Касторнова 2005: 123]. Некоторые ученые также выделяют эмоционально-интеллектуальный (эмоционально-рациональный) тип оценки, который совмещает в себе оба аспекта, поскольку возникновению эмоции предшествует рациональное восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта [Апресян 1995: 47-48].

Е.М. Вольф, отмечая, что разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке является условным, приходит к выводу, что способы выражения двух видов оценки в языке различаются, «показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное» [Вольф 1985: 40].

Рациональная оценка предполагает соотношение объекта с системой ценностей, зафиксированной в картине мира говорящего. Основанием оценки в таком случае будет являться некий образец, идеал, стандарт, эксплицированный в тексте или имплицитно отсылающий к системе ценностных установок автора. Таким образом, рациональная оценка социально обусловлена, ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части [Арутюнова 1988: 6]. При этом система ценностей включает в себя как общепринятые ценностные установки, социальные стереотипы, так и специфические групповые и индивидуальные ценности говорящего. Рациональная оценка может выражаться в тексте с помощью высказываний, выражающих соответствие/несоответствие объекта оценки аксиологическим ориентирам говорящего, при этом в высказывании не должны встречаться эмоционально маркированные элементы. Рациональная оценка в структуре слова входит в денотативный компонент семантической структуры значения слова [Железовская 2015].

Эмоциональная же оценка отражается в коннотативном (добавочном) значении слова [Железовская 2015], она всегда связана с экспрессией, в ней ярче проявляется субъективное начало. Экспрессивность в подобных случаях связана с целенаправленным воздействием на адресата, повышенной интенсивностью выражения субъективного отношения. Большинство лингвистов считает экспрессивность частью коннотативного значения слова, «его сопутствующими семантическими или стилистическими оттенками, которые накладываются на его основное значение» [Ахманова 1966: 203-204]. Экспрессивность, как правило, связывают с наличием эмоциональной и стилистической окраски слова [Телия 1991: 40–41].

Эмоциональная оценка на уровне высказывания может выражаться с помощью таких элементов, как фразеологизированные конструкции соответствующей семантики (например, вопросительные по форме высказывания, не имеющие собственно-вопросительного значения), междометные высказывания, прерванные предложения, эмоциональные паузы, парцелированные, сегментированные, присоединительные конструкции, повторы, восклицательные высказывания, императивы. Также эмоциональная оценка создается с помощью лексики, передающей эмоциональное состояние говорящего: глаголов, которые указывают лишь на эмоциональное отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего (*нравиться/не нравится, радоваться, ненавидеть, огорчаться, возмущаться* и под.), прилагательных, которые содержат аффективность в своем значении (*потрясающий, замечательный, немыслимый, ужасный, кошмарный*), слов с суффиксами со значением уменьшительности, ласкательности [Романова 2008: 114].

В то же время различить их бывает затруднительно, поскольку эмоциональный и рациональный компоненты могут сочетаться в высказывании. Так, новообразование, выражающее оценку рационального типа, может употребляться в эмоционально окрашенном контексте. Исходя из этого, рациональность/эмоциональность оценки использовалась как дополнительная характеристика при классификации материала в случаях, когда данный параметр выступал как прагматически значимый для реализации оценочной стратегии.

1.3. Категория оценки в медийном дискурсе

1.3.1. Понятие дискурса в современном языкознании. Специфика медиадискурса

В настоящее время в науке не существует однозначного общепринятого определения такого явления, как «дискурс». Трудности с формулировкой универсального определения связаны с тем, что дискурс – объект междисциплинарного изучения. Помимо лингвистики с исследованием дискурса

связаны такие науки, как семиотика, психология, философия и логика, социология, антропология, политология и некоторые другие. Закономерно, что данные науки рассматривают явление дискурса в разных аспектах, поэтому его определения, при некой семантической общности, имеют разные смысловые акценты. Таким образом, дискурс – это многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение явлений языка и речи. Более того, в рамках одной науки – лингвистики – существуют различия в понимании дискурса, в частности, в определении четких границ и объема данного понятия. Существуют широкий и узкий подходы к пониманию дискурса.

Узкий подход был распространен в период становления лингвистики текста и представлен в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева 1978: 467]. Таким образом, понятия «текст» и «дискурс» практически отождествлялись. Понимание дискурса расширилось, когда это явление стали соотносить не просто со связным текстом, а с совокупностью текстов: «дискурс – совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами» [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике 1996: 179].

Позже определение «дискурса» вышло за пределы текста или отрезка текста и стало включать в себя перечисление условий, в которых этот текст актуализируется. Одно из наиболее актуальных для современной лингвистики определений в рамках широкого понимания дискурса было создано В.В. Петровым и Ю.Н. Карауловым: «... дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989]. Эта дефиниция соотносится с пониманием дискурса

Т.А. ван Дейком, определявшего его в широком смысле как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в определенном временном, пространственном контексте, а также с учетом социальных и личностных условий коммуникации [ван Дейк 1989]. Таким образом, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и в силу этого как категория с ярко выраженным социальным аспектом. Подобной точки зрения придерживается и Н.Д. Арутюнова, рассматривая дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Медийный дискурс как один из типов дискурса по-разному определяется в современной науке. С одной стороны, термин «дискурс» используют для обозначения жанра или совокупности жанров, выделяя медийный (или медиаполитический) дискурс наряду с научным, художественным и другими видами дискурса [Буркитбаева 2005: 17]. В то же время, придерживаясь широкого понимания дискурса, медиадискурс можно определить как совокупность медиатекстов, созданных и функционирующих в сфере СМИ, в единстве с коммуникативной ситуацией [Зиновьева 2016]. При исследовании медиадискурса необходимо учитывать такие факторы, как прагматическая установка автора, связь данного медиатекста с другими текстами, а также экстралингвистические условия функционирования текста. Ученые выделяют такие тенденции развития современного медийного дискурса, как интертекстуальность, интернационализация как в сфере языковых средств, так и в сфере аксиологических установок, агрессивность и конфликтогенность, манипулятивность, ироничность и саркастичность и др. [Буряковская 2014].

Развивая идеи дискурсивного осмысления деятельности СМИ, следует исходить из того, что СМИ представляют собой «средства разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому – массовому – адресату с целью воздействия на него. В этом качестве дискурс СМИ отражает определенные структуры знания

и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия, поведение. Именно лингвист должен оценить силу и степень воздействия использованных языковых средств» [Язык средств массовой информации 2008: 184].

Важным элементом медиадискурса является заголовок медийного текста. С.В. Ляпун отмечает, что «имя текста в современной газетной публицистике отличается высоким экспрессивным фоном <...> Выполняя информативную и прагматическую функции, заголовок играет роль первой скрипки в тексте и во всем заголовочном ансамбле и служит ориентиром для читателя» [Ляпун 1998: 48]. Л.В. Уманцева подтверждает этот факт, говоря о том, что «заголовок, предваряя текст, несет определенную информацию о содержании публицистического произведения и имеет эмоциональную окраску. Исследования психологов показывают, что около 80% читателей уделяют внимание только заголовкам» [Уманцева 1997: 13]. Особенно важную роль играет заголовок для электронных СМИ: большие объемы данных в интернет-пространстве усиливают конкуренцию между СМИ, привлечь внимание читателя и выделить публикацию в условиях переизбытка информации становится все сложнее. Среди наиболее важных функций газетного заголовка исследователи выделяют информативную, номинативную, контактоустанавливающую, текстообразующую, апеллятивную, рекламную (аттрактивную), функцию воздействия (эмоционально-оценочную/прагматическую) [Присяжнюк 2005: 205] и др. Заголовок должен содержать мощный информационный и воздействующий посыл, будучи кратким и лаконичным, поэтому все элементы заголовка становятся прагматически значимыми, выполняют определенные функции. При этом задействованы единицы различных уровней, в том числе большую роль играют словообразовательные средства. Как отмечают исследователи, словообразовательные неологизмы активно употребляются в заголовках СМИ для реализации их основных функций, поскольку отвечают требованиям краткости, сочетания информативности и выразительности [Шумилова 2011].

1.3.2. Актуальные тенденции в современном медиадискурсе

1.3.2.1. Языковая игра в современном медиадискурсе как средство выражения оценки

Медийная речь является динамичным объектом, который постоянно развивается, подстраиваясь под нужды общества, отвечая на социальные вызовы. В развитии современной речи в целом, и в частности словотворчества, отмечаются такие актуальные тенденции, как стремление к субъективизации, повышение оценочной плотности, функциональный динамизм, усиление игровой составляющей и др. [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты 2018].

Исследователи по-разному определяют понятие языковой игры. Однако можно выделить общие свойства языковой игры, отмечаемые большинством ученых: языковая игра является средством реализации лингвокреативных способностей личности, строится на использовании намеренного отклонения от языковой нормы и предполагает создание новых семантических, ассоциативных связей, двусмысленности. При этом «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [Гридина 1996: 7].

Современный медиатекст как часть публицистического дискурса представляет собой пространство коммуникации автора и читателя. В то же время публицистический дискурс является персуазивным, воздействующим типом дискурса [Клушина 2008], что особенно ярко проявляется в современных российских СМИ, которые из средств массовой информации превращаются в средства массового воздействия [Ильясова, Амири 2009]. Языковая игра, направленная на воздействие, в современных СМИ становится средством выражения скрытой оценки: очевидной негативной оценке, речевой агрессии авторы предпочитают иронию, завуалированную оценку с оттенком насмешки, неодобрения, поэтому «оценка (положительная или отрицательная) задана, она заложена в сообщение, но ее присутствие в тексте незаметно, она не навязывается, а исподволь внушается адресату» [Клушина 2008: 20]. В современных условиях

ученые рассматривают развлекательность как способ оптимизации воздействия на получателя информации и как одну из ключевых ценностей массовой культуры: «В современном постиндустриальном обществе возрастает игровая составляющая в разных видах социальной практики» [Карасик 2011: 20].

Ученые отмечают социальную функцию языковой игры в условиях массовой коммуникации: «языковая игра является социальным инструментом, поскольку посредством ее возможно сознательное моделирование определенных эмоций <...> Языковая игра всегда заметна в коммуникативных ситуациях, т.к. она всегда экспрессивна и прагматична. Языковая игра – всегда изобретение новых или замена старых знаков языка, иное употребление, отклонение от формальных правил» [Шаховский 2003: 4].

При этом скрытый характер негативной оценки при языковой игре является сознательной установкой автора: «Ведущим приемом современных журналистов становится ирония, приобретая индивидуально-личностные характеристики. При этом в ряде случаев декодируемость информации происходит только среди подготовленной аудитории. Менее образованная часть адресатов может не распознать интенции автора, иллюзивность его высказывания, выраженного косвенными речевыми актами» [Молчанова 2000].

Формы языковой игры разнообразны: «среди различных форм языковой игры как разновидности речетворчества выделяют нонсенсы, пародии, остроты, каламбуры, парадоксы, присловья, повторы-отзвучия, анаграммы, акростиhi, мнемонику, шуточные призывы, лозунги, заголовки, палиндромы, каламбуры и др. (В.З. Санников, В.И. Шаховский, Э.М. Береговская, В.Ю. Новикова)» [Симутова 2008: 7]. Особенно ярко языковая игра проявляется в словотворчестве журналистов: «...деривация в языке СМИ, представляя собой реализацию игрового потенциала языка, может интерпретироваться как творческий когнитивный акт, вскрывающий имплицитные механизмы и возможности языковой системы. <...> модифицируются новые знания о мире, актуализируются скрытые и периферийные смыслы, причем инновационные оттенки смыслов задаются автором-журналистом, творящей языковой личностью, намеренно» [Мезенцева 2009: 101].

Актуальным средством языковой игры в современном медиадискурсе является игра на базе интертекстуальности.

Одним из специфических свойств современного медийного дискурса является интертекстуализация. Интертекстуальность в медиалингвистике понимается как вписанность текста «в единое глобальное информационное пространство», медиатекст рассматривается как «фрагмент информационного континуума, являющегося для него коммуникативным фоном и обеспечивающего неоднозначность и диапазон интерпретации сообщения читателями» [Современный медиатекст: 16]. Поэтому для создания оценочных характеристик современные публицисты часто задействуют средства, выходящие за пределы конкретного текста и реализующиеся в рамках дискурса, требующие взаимодействия языковых единиц с другими единицами того же текста, другими текстами, экстралингвистической ситуацией.

Стремлением к интертекстуальности обусловлено использование в текстах СМИ прецедентных феноменов – речевых единиц, значимых для личности и социума в познавательном и эмоциональном отношениях, отсылающих к национальному и мировому культурному фонду [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997].

Интертекстуальность в данном аспекте может проявляться в форме включения в текст цитат, высказываний известных людей (как исторических личностей, так и современников), названий литературных произведений, кинофильмов, телепередач и под., имен ключевых исторических фигур или деятелей современности, отсылок к значимым историческим событиям. Подобные речевые единицы могут употребляться как в неизменном виде в соответствии с первоисточником, так и в трансформированном, и отсылать к актуальным событиям и явлениям современности, либо к культурным знакам, мировым и национальным культурным ценностям.

Опираясь на труды Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Ю.Н. Караулова, для описания подобных отсылок мы используем термин «прецедентные феномены», к которым относятся прецедентные тексты, имена, события, зафиксированные в

культурной памяти общества: прецедентные феномены обладают такими признаками, как известность и узнаваемость, актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, воспроизводимость, частотность [Красных 1998: 52], а также коннотативность, образность, экспрессивность, аксиологичность [Язык средств массовой информации 2008: 402].

Прецедентный феномен выступает как средство воздействия и «является единицей с «двойной референтностью»: актуализирует этнокультурные смыслы в сознании читателя для того, чтобы через эти смыслы передать особенности индивидуально-авторского когнитивного пространства» [Сидорова 2014: 176].

С целью воздействия на массовое общественное сознание журналисты обращаются к использованию прецедентных феноменов – осознанных или неосознанных, точных или преобразованных отсылок к речевым (прецедентные тексты, имена) или неречевым (прецедентные ситуации) элементам культуры. К прецедентным феноменам также целесообразно относить фразеологизмы (устойчивые выражения) [Земская 2004], речевые клише [Кронгауз 1998], которые не отсылают к определенному источнику, однако воспринимаются носителями языка как семантическое и синтаксическое единство.

Прецедентность рассматривается исследователями как характерный для современного медиаполитического дискурса способ придания тексту информативной насыщенности и эмоциональной окрашенности [Джанаева 2009], [Семенец 2017]. Особое внимание уделяется воздействующему потенциалу прецедентных единиц в словообразовательных инновациях [Намиитокова, Нефляшева 2004], [Бакич 2018].

Выражение оценки с помощью средств языковой игры, в том числе на базе прецедентных феноменов, отражает тенденцию к смягчению негативной оценочности, смене агрессивной направленности текста на ироническую, выбор завуалированных средств выражения оценки.

Тенденции к смягчению оценочности противостоит тенденция к повышению агрессивности медийной коммуникации. Медийные издания, использующие скандальность и провокационность как средство привлечения внимания,

допускают употребление оценочных высказываний с признаками речевой агрессии, нарушающих коммуникативные и этические, а также юридические нормы.

1.3.2.2. Вербальная агрессия и оценочность. Юрислингвистические аспекты медиадискурса

Современный медиадискурс является потенциально конфликтогенным, чему способствуют актуальные тенденции в языке СМИ: усиление личностного начала, выражающееся в обилии субъективных оценочных суждений преимущественно негативного характера, полемизация медиаполитического дискурса – наличие четко разграниченных, активно противостоящих друг другу мнений. При этом выражение личного мнения, критика, полемика, оценочность вполне уместны в рамках публицистического стиля, реализуют право автора на свободу слова. Однако негативные суждения в зависимости от выбора языковых средств, контекста, коммуникативной ситуации могут перерасти в речевую агрессию.

Вербальная агрессия – это использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-л. самолюбие, достоинство [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 341].

Исследователи выделяют различные виды речевой агрессии, проявляющиеся как в межличностном общении, так и в публичной коммуникации. В частности, к ним относятся оскорбление (умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме), враждебное замечание (замечание, которое сводится к выражению негативной позиции к адресату или окружающим), порицание (выражение неодобрения, осуждения, как правило, структурно состоящее из обращения к адресату или названия его в третьем лице и оценочного глагола или синтаксически цельного словосочетания, также может оформляться в виде риторического вопроса-восклицания), насмешка (обидная шутка, высказанная в чей-либо адрес с целью сказать собеседнику неприятное, подвергнуть его

осмеянию, часто имеет иронический характер), а также угроза, грубое требование, грубый отказ, ссора [Ефремов 2016а: 89-91]. Такие формы, как оскорбление, враждебное замечание, порицание напрямую связаны с выражением негативной оценки, а насмешка (ирония) зачастую представляют собой выражение негативной оценки в скрытой форме.

В аспекте изучения речевой агрессии особое внимание уделяется изучению инвективы, инвективных речевых актов. Понятие инвективы определяется как «способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный» [Жельвис 2000: 195]. Ненормативная лексика может как быть адресована конкретному человеку с целью унижить, оскорбить его, так и употребляться безадресно, для спонтанного обобщенного выражения негативных эмоций, в междометной функции. Понятие инвективы относится именно к случаям адресного негативно-оценочного использования, поэтому характеризует не только состав лексики, но и условия ее употребления, в таких случаях говорят об инвективном словоупотреблении.

В связи с повышением речевой агрессии в публичном общении, и в частности в медиадискурсе, возрастает востребованность такой междисциплинарной области научного знания, как юрислингвистика (лингвокриминалистика).

Лингвисты отмечают связь речевой агрессии и оскорбления, понимая под оскорблением «иллокутивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления» [Кусов 2004: 11]. Проблемные области теории и практики лингвокриминалистики во многом объясняются ее междисциплинарным характером. При экспертной оценке медийных текстов как объекта юрислингвистического анализа важно учитывать несовпадение традиционной лингвистической и юрислингвистической терминологии и их соотношение с терминологией собственно юридической. Например, термин «оскорбление» не является лингвистическим, и лингвист-эксперт не может оперировать данным термином при оценке текста. «Оскорбление» определяется как «унижение чести и достоинства другого лица,

выраженное в неприличной форме» [Большой юридический словарь], и может быть выражено как вербально (устно или письменно), так и невербально (с помощью действий, жестов и пр.). Для установления факта оскорбления учитывается не только вербальная составляющая конфликтной ситуации, но и наличие умысла, психологическое состояние участников конфликта, многие экстралингвистические условия [Шахматова 2013]. Для описания лингвистической составляющей феномена оскорбления целесообразно использовать понятие инвективы, которая является одним из форм речевой агрессии.

В.А. Ефремов отмечает существенные различия между восприятием речевого феномена оскорбления с точки зрения носителей языка (в наивной картине мира) и профессиональным восприятием юристов и лингвистов: «различными оказываются представления об этико-эстетическом воздействии оскорбления, а также о личных чувствах и переживаниях оскорбленного, которые практически не фиксируются в юридическом дискурсе» [Ефремов 2016б: 307]. При этом юридическое и лингвистическое профессиональное восприятие также сильно различается: некоторые лингвисты относят к признакам оскорбления умышленное нарушение табу, скрытый характер воздействия оскорбления, допускаемую адресантом возможность пересечь социальную границу, по другую сторону которой находится оскорбление, признак пейоративной модификации образа адресата и другие социо- и лингвокультурные признаки, которые не входят в поле правового регулирования [Ефремов 2016б: 303].

С точки зрения юрислингвистики ученые по-разному подходят к трактовке понятия «оскорбление», стараясь осмыслить это понятие для проекции его в плоскость лингвистических исследований. Встречается узкое и широкое понимание оскорбления. Узкое понимание встречается в работах И.А. Стернина: «бранное словоупотребление в адрес лица (*сволочь, мерзавец, дрянь, тварь, придурок* и под.) является при узком понимании оскорбления не оскорблением (хотя потерпевший может в бытовом смысле слова «оскорбиться», то есть обидеться), а демонстрацией личной неприязни к потерпевшему. С точки зрения культуры речи, это грубое нарушение коммуникативных норм, этикета общения,

но этот факт не подлежит правовому регулированию» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 34]. Сторонники узкого понимания справедливо отмечают, что негативная оценка может иметь общественный характер, основанный на сравнении качеств объекта оценки с системой общественных ценностей, а может быть субъективной, личностной, выражать негативное эмоциональное отношение к объекту оценки. При этом согласно узкому пониманию потенциально оскорбительной может быть лишь негативная оценка личности, имеющая общественный характер, характеризующая человека с точки зрения несоответствия его качеств и действий общественным стандартам. Таким образом, как считают сторонники узкого понимания, личностная эмоциональная оценка, даже выраженная в неприличной форме, с помощью обценных, бранных слов, не может считаться оскорбительной в юридическом смысле [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 4]. При такой трактовке правовому регулированию подлежат только публичные общественные оценки, поскольку унижение чести и достоинства лица – это общественный акт, который дискредитирует лицо как члена социума, понижает его социальный статус.

В то же время, в противоположность подходу, сформулированному в работах И.А. Стернина, некоторые исследователи считают эмоционально-оценочную лексику основным средством вербального оскорбления: «Структурная формула оскорбления (по А. Вежбицкой) предельно проста: «Ты – X», при этом местоимение «ты» может опускаться. Вторая часть оскорбления («X») определяет смысловое наполнение оскорбительного высказывания. С лексической точки зрения, это различные (обидные, неприятные, нежелательные для адресата) эмоционально-оценочные слова с отрицательной (в том числе, окказионально негативной) семантикой вплоть до нецензурной брани («мата»))» [Щербинина 2006: 155–156].

С нашей точки зрения, целесообразно включить в круг потенциально оскорбительной как эмоционально-оценочную лексику, так и лексемы с рациональной оценкой, основанной на социальных стереотипах. Таким образом, мы придерживаемся широкого юрислингвистического понимания термина

«оскорбление», представленного в работах А.Н. Баранова, М.В. Горбаневского, В.И. Жельвиса. В соответствии с широким подходом вербальным оскорблением признается высказывание, обладающее «признаками ярко выраженной адресности, признаком семантической (смысловой) негативности, признаком неприличной формы выражения отрицательной характеристики адресата. Кроме того, негативная характеристика в неприличной форме должна быть адресована гражданину, а не коллективу или группе людей, утрачивающих в групповой целостности личностную определенность» [Гневэк 2014: 381]. Таким образом, при экспертной оценке конфликтных текстов, сопутствующих судебным делам об оскорблении для выявления инвективных речевых актов, необходимо обращать внимание на такие критерии, как: семантическая (смысловая) негативность, неприличность формы выражения, адресованность конкретному лицу.

Упомянутое как в законе, так и в исследованиях ученых понятие «неприличной формы» также является юридическим, а не лингвистическим: «Опираясь на рекомендации, представленные ранее в практике Верховного Суда РФ по этому вопросу, неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком» [Колмакова, Шалков 2017: 112].

Как правило, неприличность формы высказывания связывается учеными с использованием определенных семантико-стилистических разрядов лексики. Неприличность формы создается за счет неуместного употребления ненормативной лексики, запрещенной к публичному употреблению нормами морали и речевого этикета: обсценной (нецензурной) лексики, бранной лексики, стилистически сниженной лексики (жаргонизмы, сленгизмы, вульгаризмы, просторечие) [Стернин 2010]. В то же время многие ученые отмечают, что непристойность, неэтичность может быть обусловлена и семантическими свойствами лексемы: потенциально оскорбительной может служить литературная лексика, выражающая яркую, прямую негативную оценку личности, приписывающая человеку антиобщественную, социально-вредную деятельность, социально осуждаемое поведение [Щербина 2006]. Подобные инвективные

лексико-фразеологические средства в рамках литературного языка хотя и являются нормативными, но воспринимаются как недопустимые с точки зрения общественной морали (например: *подлец, мерзавец* и т. п.) [Понятия чести, достоинства 2004: 80].

Подобная лексика, участвующая в речевых актах оскорбления, характеризуется лингвистами как инвективная лексика, нецензурная лексика, ненормативная лексика, табуированная лексика, непристойная лексика и др.

В теории и практике юрислингвистических экспертиз распространена классификация инвективной лексики, которая перечисляет основные категории лексических и фразеологических единиц, в определенных контекстах употребления способных иметь в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для данного лица характер: 1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*. 2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*. 3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека. 5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*. 6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п. без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*. 7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер. 8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы*. 9. Нецензурные слова в качестве характеристики лица. [Цена слова... 2002: 182].

Существование данной классификации позволяет решить некоторые методологические проблемы проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, служит ориентиром для лингвистов-экспертов. Однако, как отмечают

многие лингвисты, на практике возникают проблемы определения инвективности лексемы в рамках конкретного высказывания [Грачев 2010].

Также объектом изучения лингвистики, и в частности лингвокриминалистики, является «языковой экстремизм» (или «язык вражды», от англ. «hate speech»). В современной лингвистике языковой экстремизм определяется как «лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [Кузнецова, Соколова 2004: 448]. Это языковые средства выражения резко отрицательного отношения к носителям иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей [Хроменков 2016: 36]. Понятие языкового экстремизма пересекается с понятием вербальной агрессии. Языковой экстремизм является крайней формой проявления вербальной агрессии по отношению к специфическому адресату, представителю определенной национальной, социальной группы, на основании его принадлежности к данной группе. Как отмечают исследователи, языковой экстремизм связана с вербализацией архетипической для человеческого сознания и культуры оппозиции «свой – чужой» [Ефремов 2018].

В науке встречаются различные классификации средств выражения языка вражды, одной из общепринятых является классификация А.М. Верховского, основанная на разграничении степени жесткости видов языка вражды, используемых в отношении религиозных и этнических групп. К жесткому языку вражды относятся прямые и непосредственные призывы к насилию, а также подобные призывы в виде общих лозунгов; прямые и непосредственные призывы к дискриминации, а также подобные призывы в виде общих лозунгов; завуалированные призывы к насилию и дискриминации. Средний язык вражды включает в себя оправдание исторических фактов насилия и дискриминации определенных групп; высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические случаи насилия и дискриминации определенных групп; утверждения

о преступлениях определенной социальной, национальной, религиозной группы как таковой; указания на связь группы с политическими и государственными структурами с целью дискриминации; утверждения о криминальности той или иной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной группы в материальном достатке, властных полномочиях и т.д.; обвинение в негативном влиянии той или иной группы на общество; призывы не допустить закрепления в регионе представителей той или иной группы. Мягкий язык вражды заключается в создании негативного образа группы; упоминании названия группы в уничижительном контексте; утверждении о неполноценности группы как таковой; утверждении о моральных недостатках той или иной группы; упоминании группы или ее представителей в уничижительном или оскорбительном контексте; цитировании высказываний и текстов, имеющих явно дискриминирующий характер, без комментария [Верховский 2002: 42-43].

Таким образом, как проявление языка вражды в текстах СМИ могут рассматриваться высказывания с негативной оценкой, направленные на формирование негативного образа определенной национальной, социальной, религиозной группы, в том числе упоминание группы и ее представителей в уничижительном, уничижительном, оскорбительном контексте. При этом негативная оценка группы может выражаться через негативную оценку отдельных ее представителей, чьи отрицательные характеристики распространяются на всю группу.

Подобные тенденции в определенных коммуникативных условиях способствуют повышению конфликтности медийной коммуникации, при этом словообразовательные средства могут выступать как фактор рискогенности. Т.А. Сидорова отмечает юридизацию деривационных процессов в публицистическом тексте – способность словообразовательных средств маркировать возникающие в тексте смыслы, релевантные для юридической практики выявления речевых стратегий дискредитации и дискриминации [Сидорова 2010: 227].

В частности, большим потенциалом агрессивности обладают новообразования, созданные с помощью различных словообразовательных средств и способов: «о неуместном, некорректном использовании экспрессивных новообразований следует говорить тогда, когда их экспрессивная окраска имеет выраженный агрессивный характер, противоречит этическим и эстетическим нормам» [Соловьева 2019: 138]

Негативно-оценочные новообразования могут служить средством формирования речевой агрессии, употребляться в инвективных высказываниях или высказываниях с признаками языкового экстремизма.

При анализе новообразований в рамках экспертной оценки текста могут возникать затруднения, связанные с тем, что подобная лексика, как правило, не зафиксирована в словарях. Поэтому особую роль играет изучение факторов, которые влияют на формирование негативной окраски новообразований, которые в зависимости от своей структуры и условий употребления могут выражать негативную оценку, выступать в качестве инвектив или участвовать в формировании «языка вражды».

1.4. Новообразования как средство выражения оценки в СМИ

1.4.1. Понятие новообразования в современной лингвистике

Среди разнообразных средств выражения негативной оценки в медийных текстах выделяются словообразовательные неологизмы. Для современной эпохи характерен «лавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве», образно определяемую как «праздник вербальной свободы» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005: 15]. Как отмечают исследователи, «в современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы

словоупотребления» [Валгина 2001: 149]. В медиадискурсе выбор языковых средств, в том числе и словообразовательных, «связан с оценкой, имеющей целью воздействие на адресата, с системой ценностной ориентации, когда на первый план выступают концептуальные, социальные, образные и эмоциональные характеристики [Володина 2007: 40-41].

В современной лингвистике при описании новых лексических единиц используются различные термины, наиболее распространенные из которых следующие: «неологизм», «окказионализм» («окказиональное слово»), «инновация», «неолексема», «новообразование», «неодериват».

Термин «инновация» имеет наиболее общий характер и используется для обозначения новых явлений на разных уровнях языка (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические инновации). В том числе для описания новых лексических единиц или единиц с новым значением используются термины «лексические инновации», «семантические инновации» [Сенько 2000], а также «лексико-семантические инновации» [Касьянова 2012].

Термин «неолексема» используется для характеристики различных типов новых лексических единиц и обозначает «все новые лексические единицы (потенциальные и окказиональные слова), отсутствующие в узусе русского языка и созданные автором намеренно, в определенном контексте, для реализации, прежде всего, эстетической и/или концептоформирующей функций» [Промах 2017: 20]. Также под неолексемами некоторые ученые понимают новые слова, являющиеся результатом заимствования [Попова 2005: 30].

Термин «неологизм» является одним из наиболее распространенным, при этом сущность данного явления определяется по-разному в зависимости от подхода: неологизмы исследуются в структурно-семантическом (О.А. Габинская [Габинская 1981], А.Г. Лыков [Лыков 1972], Р.Ю. Намитокова [Намитокова 1986]), социолингвистическом (А.Д. Дуличенко [Дуличенко 1994], Л.П. Крысин [Крысин 2010]), психолингвистическом (Т.Ю. Сазонова [Сазонова 2000], С.И. Тогоева [Тогоева 2000]) и др. аспектах. Одним из наиболее емких нам представляется определение Н.З. Котеловой, в соответствии с которым неологизмы понимаются

«как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы» [Котелова 2015: 171].

Термины «неологизм» и «окказионализм» во многих научных трудах употребляются для описания новых слов с точки зрения их принадлежности к фактам языка или фактам речи (например, в работах В.В. Лопатина [Лопатин 1973], А.Г. Лыкова [Лыков 1976], в учебном пособии Т.В. Поповой, Л.В. Рацибурской, Д.В. Гугунавы [Попова, Рацибурская, Гугунава 2005], в работах Н.М. Шанского [Шанский 2005] и др.). Изначально разграничение неологизмов и окказиональных слов было предложено в работе Н.И. Фельдман «Окказиональные слова в лексикографии», в которой отмечается контекстуальный характер окказиональных слов как основное их отличие от неологизмов [Фельдман 1957: 65].

Различие между собственно неологизмами и окказионализмами «Русская грамматика» описывает так: «Встречающиеся в речи индивидуальные новообразования, присущие только данному контексту, называются окказиональными словами, или окказионализмами <...> Отличие таких слов от новых слов, вошедших в язык, ставших общеупотребительными (неологизмов), состоит в том, что они создаются в речи, а не воспроизводятся как готовые единицы языка» [Русская грамматика 1980]. Э. Ханпира характеризует окказиональность как «известную степень незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы» [Ханпира 1972: 246]. Критерии окказиональности подробно описаны в трудах А.Г. Лыкова: 1) принадлежность к речи, 2) творимость (невоспроизводимость), 3) словообразовательная производность, 4) ненормативность, 5) функциональная одноразовость, 6) зависимость от контекста, 7) экспрессивность, 8) номинативная факультативность, 9) синхронно-диахронная диффузность, 10) индивидуальная

принадлежность [Лыков 1976]. Таким образом, окказионализм представляет собой индивидуально-авторское экспрессивное образование, употребленное единожды в том или ином речевом произведении и не вошедшее в систему языка.

Следует отметить, что в медиадискурсе и интернет-дискурсе новообразования могут функционировать особым образом, что может затруднить разграничение неологизмов и окказионализмов. Ученые характеризуют окказионализмы как «новообразования, присущие только данному контексту» [Русская грамматика 1980], «слово, создаваемое говорящим или пишущим в определенном контексте для однократного употребления» [Шумилова 2011: 10], слова, существующие только в определенном, породившем их, контексте [Самыличева 2011]. Не поддается сомнению, что медийные окказионализмы имеют индивидуально-авторский характер образования, создаются автором для конкретного контекста. Однако в условиях интертекстуальности медийного дискурса это не гарантирует единичность употребления нового слова: особенно яркие, меткие наименования становятся популярными в СМИ, быстро распространяются в медиaprостранстве (особенно в интернет-медиа), употребляются и другими авторами. Однако это не всегда свидетельствует о вхождении нового слова в систему языка: новообразование активно употребляется в СМИ, пока актуально то общественное событие, к которому относится новая номинация, но по мере неизбежного снижения интереса к данному событию новообразование выходит из употребления. Так, некоторые новообразования на волне своей популярности существуют в медийной речи на протяжении нескольких месяцев или лет, могут даже выходить за пределы медиадискурса и проникать в разговорную речь, сленг. Таким образом, слово, изначально имевшее окказиональный характер и предназначавшееся для единичного употребления в конкретном контексте, начинает активно употребляться вне этого контекста. Как отмечают исследователи, существуют «многочисленные примеры многократного употребления окказиональных слов. Поэтому утверждение о речевом характере окказионального слова верно лишь в отношении его образования, но не функционирования. Даже одноразовость употребления не доказывает

принадлежность окказионализма к речи, так как оно используется в общении с другими людьми и может быть извлечено из памяти как готовая лексическая единица» [Радченко 2013]. Как отмечают исследователи, многократное употребление окказионализмов свойственно разговорной речи (в том числе интернет-общению) и дискурсу СМИ [Захарова 2013]. При многократном употреблении окказионального слова в результате оно может перейти в разряд неологизмов, в зависимости от того, «насколько другие языковые личности в той же мере будут ожидать получения коммуникативной «выгоды» от использования данного новшества. Если вследствие сходных коммуникативных стратегий лексическая инновация будет многократно повторяться и использоваться другими, то со временем она перейдет в общее употребление и станет неологизмом» [Никитина 2016: 163]. Однако данный процесс может быть довольно длительным по времени и требует не просто неоднократного, но регулярного воспроизведения в речи. Очевидно, что в подобных условиях бывает сложно разграничить неологизмы и окказионализмы, многие номинации имеют в этом плане спорный характер. Поэтому в данной работе не ставилась цель четко разграничить неологизмы и окказионализмы с точки зрения их функционирования, определения принадлежности к фактам языка или фактам речи. В аспекте формирования оценочного значения более важным фактором нам представляются стандартность и нестандартность структуры нового слова, особенности способа его создания с точки зрения узуальности/неузуальности.

Исходя из этого в работе используется термин «новообразование», под которым понимаются новые производные слова, лексико-словообразовательные неологизмы узуального и неузуального характера. Данный термин активно используется в современной лингвистике для характеристики новых единиц, как правило, словообразовательных (М.А. Бакина [Бакина 1973], Т.В. Попова [Попова 2005], Н.Н. Кошкарлова [Кошкарлова 2016], И.С. Улуханов [Улуханов 2012] и др.). В работе Р.Ю. Намитоковой «Авторские неологизмы: словообразовательный аспект» неологизмы и новообразования разграничиваются, для последних определяющим является критерий производности [Намитокова 1986]. Термин «новообразования»

широко используется в работах нижегородских лингвистов (например, в коллективной монографии «Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов» [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты], а также в работах В.Е. Замальдинова [Замальдинов 2018], Д.В. Соловьевой [Соловьева 2019], А.В. Шумиловой [Шумилова 2011]). Термин «неодериват» в данных работах используется как синонимичный термину «новообразование».

1.4.2. Узуальные и незуальные способы создания новообразований

Многие ученые используют критерий нестандартности словообразовательной структуры в качестве основного для разграничения различных видов новых слов. Некоторыми учеными окказионализм понимается как слово, образованное с обязательным нарушением языковых норм, по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста [Розенталь, Теленкова 1976], [Жеребило 2011]. В соответствии с данной точкой зрения окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются, как правило, сознательно, законы построения соответствующих общезыковых единиц, нормы языка. Так, выделяются окказиональные слова: 1) произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов; 2) произведенные по образцу типов непродуктивных и малопродуктивных, т.е. с нарушением законов эмпирической продуктивности [Современный русский язык 1989]. Логически продолжая данную концепцию, некоторые исследователи (Э. Ханпира, Е.А. Земская, М.У. Калниязов и др.) отличают от окказиональных слов потенциальные слова. Данный термин впервые употребляет Г.О. Винокур для обозначения слов, «которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1943: 15]. В современном словообразовании потенциальные слова понимаются как единицы лексики, которые образованы по высокопродуктивной языковой модели и без нарушения словообразовательных норм, однако на данном

этапе пока не входят в языковую систему. Потенциальные слова имеют реальную или гипотетическую возможность войти в узус и «заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм, т.е. реализуют действие законов словообразования» [Земская 1992: 180].

Для выработки критериев различения данных категорий новообразований лингвистами используется концепция стандартности/нестандартности новообразований. Так, например, Р.Ю. Намитокова ставит стандартность и нестандартность новообразований в зависимость от соответствия или несоответствия их словообразовательной структуры параметрам, входящим в понятие словообразовательного типа. Р.Ю. Намитокова предлагает считать новообразования, созданные в соответствии со словообразовательным типом, стандартными; новообразования, созданные с отклонениями от словообразовательного типа на один параметр, частично нестандартными первой степени, на два параметра – частично нестандартными второй степени, на три параметра – частично нестандартными третьей степени. Новообразования, созданные вне словообразовательных типов, рассматриваются как полностью нестандартные [Намитокова 1986].

Разграничение узуальных и неuzuальных (оkказиональных) способов словопроизводства легло в основу классификации И.С. Улуханова: ученый выделяет 79 узуальных и оkказиональных способов словообразования путем использования исчислительно-объяснительного метода [Улуханов 1996: 203].

В данной работе также разграничиваются новообразования типовой структуры, созданные узуальными способами, и новообразования нестандартной структуры, при создании которых участвуют собственно оkказиональные словообразовательные способы и приемы. Несмотря на то, что механизм реализации оценочного значения в некоторых аспектах схож для новообразований узуального и неuzuального типа, данное разграничение целесообразно, поскольку неuzuальный характер создания значительно увеличивает экспрессивность номинации, интенсифицирует оценочное значение.

Среди продуктивных узуальных способов создания новообразований в медиадискурсе исследователи отмечают продуктивность префиксальных, суффиксальных, префиксально-суффиксальных и флексийных способов, способа чистого сложения, сложно-аффиксального способа [Шумилова 2011: 11].

В соответствии с собранным языковым материалом, в данной работе особое внимание уделяется новообразованиям, созданным путем суффиксации и префиксации. Также выделяются способы префиксоидации и суффиксоидации. Аффиксоиды понимаются как промежуточные, гибридные аффиксально-корневые морфемы [Левашов 2009: 3]. Также аффиксоид осмысляется как словообразовательный компонент сложных слов, «повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способности образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу» [Лопатин 2017]. Е.В. Сенько отмечает продуктивность аффиксоидов в активных словообразовательных процессах, что отражает тенденцию современного русского языка к аналитизму [Сенько 2014].

Особым типом словообразовательного процесса является деривация по конкретному образцу (данный термин используется в работах Е.А. Земской, М.А. Михайлова, Л.В. Рацибурской, И.С. Улуханова), также «аналогическое словообразование или словообразование по аналогии» (Е.С. Кубрякова). При данном способе словообразования «создание производного слова происходит по ориентации на существующий лексический образец. В этих словообразовательных процессах по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации» [Кубрякова 1981: 26]. Ученые по-разному характеризуют деривацию по образцу. Так, некоторые ученые относят деривацию по конкретному образцу к незузальным способам словотворчества [Шишкарева 2009], в том числе отождествляют ее с контаминацией [Сковородников 2003] или с заменительной деривацией [Нефляшева 1998].

И.С. Улуханов же отмечает, что при деривации по конкретному образцу, когда в новообразовании воспроизводится формант слова-образца и в результате создается слово типовой структуры, целесообразнее характеризовать это как узуальный способ словообразования: «Формантом при образовании по конкретному образцу является не новый корень или основа (они входят в мотивирующее слово), а служебные морфемы и другие словообразовательные средства. Слово, являющееся образцом для нового слова, не может рассматриваться как мотивирующее» [Улуханов 2012: 393]. Так, слово *родителехульство* он характеризует как созданное сложно-суффиксальным способом с ориентацией на конкретный образец слова *богохульство* [Улуханов 2012: 393]. Таким образом, если слово создано с использованием существующих в языке аффиксов, по стандартной словообразовательной модели (которая воплощается в конкретном слове-образце), и в результате создается новообразование стандартной структуры, то подобные случаи следует характеризовать как созданные узуальными способами.

Однако при деривации по конкретному образцу могут происходить нарушения системных правил, создаваться новообразования нетиповой структуры. Е.А. Земская уточняет, что в качестве форманта, структурирующего новообразования, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза [Земская 1992]. Н.А. Самыличева отмечает, что слова, созданные по конкретному образцу, можно разделить на три группы: окказионализмы стандартной структуры, соответствующие нормам языка; окказионализмы нестандартной структуры, нарушающие нормы словообразования; окказионализмы нетиповой структуры [Самыличева 2013: 219].

Таким образом, деривация по конкретному образцу представляет собой особый тип словообразовательного процесса, при котором могут создаваться как новообразования узуальной структуры, так и новообразования нестандартной структуры.

Ученые разрабатывают критерии разграничения случаев создания новообразований по конкретному образцу и новообразований, созданных по

словообразовательной модели. К новообразованиям, созданным по конкретному образцу, относятся случаи воспроизведения в новообразовании уникальной структуры, свойственной единственному слову языка, либо воспроизведения в нем идиоматического приращения, характерного для конкретного слова языка [Михайлов 1989: 90-91]. Также к случаям деривации по конкретному образцу относятся случаи, когда новообразование воспроизводит не уникальную структуру, но слово-образец выявляется из контекста: «о деривации по конкретному образцу можно говорить, прежде всего, в тех случаях, когда образец представлен в контексте; если же образца в контексте нет, то критериями выделения деривации указанного типа могут быть, например, прецедентный текст или семантические связи окказионализма с узуальным словом, а именно: общая тематическая группа, наличие общей семы, синонимические, антонимические отношения» [Самыличева 2013: 219].

Для новообразований стандартной структуры оценочность не является обязательной чертой, однако возможно возникновение ингерентной оценки благодаря семантическим и стилистическим свойствам производящей словообразовательной основы, форманта или их сочетания, либо адгерентной оценки в зависимости от условий употребления.

Более ярким средством выражения оценки являются новообразования нестандартной структуры. Расцвет незуального словообразования называется в качестве одной из типичных черт современного русского языка. Под незуальными способами понимаются способы деривации с нарушением существующих в языке словообразовательных законов [Мусатов 2010]. К незуальным способам деривации относятся, в частности, такие способы, как контаминация (различные ее виды), заменительная деривация, графическое словообразование.

Контаминация представляет собой создание нового слова путем произвольного совмещения формально схожих частей производных слов [Рацбурская 2016]. Контаминация возможна как в чистом виде, так и с формальными видоизменениями производных слов. Различаются способы контаминации: скорнение (В.П. Григорьев, Н.А. Николина) представляет собой

значимое соположение основ нескольких слов без участия какого-либо форманта, ср.: *бахлома* (*Ба(ландин)* + *(хо)хлома*); междусловное наложение (Е.А. Земская, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина) – когда на финаль одного исходного слова накладывается омонимичное начало другого узуального слова, ср.: *педальтоник* (*педаль* + *дальтоник*); тмезис (В.П. Изотов, Р.Ю. Намитокова), частный случай междусловного наложения, когда внутрь одного исходного слова вставляется другое узуальное слово или морфема, ср. *словралик* (*словарик* + *враль*); перекрестное наложение (Н.А. Николина) – взаимозамена инициальных частей в двух контактно расположенных узуальных лексемах, ср.: *Серкоров и Кирдючка* (*Киркоров* и *Сердючка*). Некоторые ученые также отмечают возможность внутрисловного наложения (А.П. Сквородников [Сквородников 2003], С.В. Ильясова [Ильясова 2016], О.А. Шишкарева [Шишкарева 2009]), когда наложение происходит не на стыке соседних формально тождественных частей, а внутри слова, ср: «*ЗАТОСКАЛИ*» (*затаскали* + «*Тоска*»+ *о/а*). В подобных случаях некоторые ученые определяют способ деривации как мену фонем [Улуханов 1996]. Однако в новообразовании ощущаются формально-семантические следы присутствия обоих исходных слов, поэтому представляется обоснованным относить подобные случаи к разновидностям контаминации.

Для разграничения контаминации и других способов неuzuального словотворчества используется критерий формальной близости: структурное подобие или тождество взаимодействующих единиц [Ефанова 2015]. Также контаминированные новообразования отличаются произвольным характером внутрисловных, межморфемных границ [Рацибурская 2003: 115].

При этом статус контаминации как способа словотворчества по-разному оценивается учеными. Так, Н.А. Янко-Триницкая [Янко-Триницкая 2001] последовательно разграничивает контаминацию и междусловное наложение, считая каждый из этих способов самостоятельным. Эта концепция также отражена в трудах Е.А. Земской [Земская 2009], А.Г. Лыкова [Лыков 1976] (без использования термина «контаминация») и И.С. Улуханова [Улуханов 1996] (с употреблением термина «междусловное совмещение»). Мы придерживаемся

широкого понимания контаминации, в соответствии с которым контаминацией является способ словообразования, при котором происходит слияние, скрещивание слов или частей слов в одно неразложимое целое – формальное и семантическое, предполагающее обязательное взаимопроникновение объединяемых компонентов на основе их звукового сходства [Изотов, Панюшкин 1997: 21–22]. При таком подходе междусловное наложение рассматривается в качестве разновидности контаминации (Н.А. Николина, З.И. Минеева). Данный подход широко представлен в работах нижегородских лингвистов (Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, Д.В. Соловьева).

Ученые отмечают, что на современном этапе контаминация переместилась с позиции периферии словообразования в центр частотных и продуктивных средств номинации и экспрессивизации [Минеева 2015]. Н.А. Николина отмечает, что данный способ словопроизводства из окказионального явления постепенно превращается в активно действующий способ современного словопроизводства [Николина 2017].

Заменительное словообразование, или субституция (А.Ф. Журавлев, И.С. Улуханов) представляет собой мену аффикса при том же корне (трансаффиксация) или мену одного из корней в сложном слове (трансрадикация), ср.: *опростоголосились* (*опростоволосились*, с заменой корня на *голос*) [Шишкарева 2009]. В.П. Изотов выделяет различные виды субституции в зависимости от характера заменяемой части: морфемно-морфемная, морфемно-сегментная, сегментно-морфемная, сегментно-сегментная [Изотов 1998].

Заменительное словообразование по-разному трактуется в современной словообразовательной науке. Так, большинство ученых сходится во мнении, относя к заменительному словообразованию случаи трансаффиксации: мены аффикса в узуальном слове при сохранении того же корня (*захожанин* ← *прихожанин*) [Шишкарева 2009]. Спорным является вопрос, относятся ли к заменительному словообразованию случаи трансрадикации (как в сложных словах с несколькими корнями, так и в словах с одним корнем).

Некоторые ученые понимают заменительную деривацию широко, как словообразование путем замены в исходном слове морфемы или неморфемного сегмента морфемой или неморфемным сегментом, по аналогии со структурой конкретного слова [Изотов, Панюшкин 1997]. При таком подходе заменительная деривация и словообразование по конкретному образцу не разграничиваются (Н.А. Янко-Триницкая, И.А. Нефляшева). Так, Н.А. Янко-Триницкая отождествляет трансрадикацию с деривацией по конкретному образцу, когда образование слова происходит «не по образцу как структурной схеме, а по аналогии к конкретному слову путем извлечения из него корня (основы) и замены его другим корнем» [Янко-Триницкая 2001: 463].

А.Ф. Журавлев выделяет трансрадикацию, как мотивированную (в сложных слова: *белобрысый – чернобрысый*), так и не мотивированную внутренне (в словах с одним корнем: *бикини – монокини; январь – зимарь*) [Журавлев 1982: 72–76]. Вступая в полемику с А.Ф. Журавлевым, И.С. Улуханов отмечает, что такие случаи трансрадикации относятся скорее к деривации по конкретному образцу [Улуханов 2012]. Таким образом, И.С. Улуханов, признавая возможность трансрадикации, отождествляет трансрадикацию в сложных словах с деривацией по образцу: «явление, трактуемое иногда как трансрадикация (замена корня), представляет собой образование по конкретному образцу и используется лишь при создании окказионализмов, стилистическая функция которых основана на смысловых связях со словом-образцом» [Улуханов 1998: 146–147].

Мы поддерживаем точку зрения ученых, разграничивающих заменительную деривацию и деривацию по конкретному образцу (М.А. Михайлов, Л.В. Рацибурская). Исследователи отмечают: «Если при деривации по конкретному образцу новообразование, воспроизводя формант слова-образца, имеет иную, отличную от последнего производящую базу и, следовательно, иные корневые морфемы, то при заменительном словообразовании сложный дериват, имея тот же формант, что и конкретное узуальное слово, отличается от последнего лишь одной корневой морфемой или одной из своих частей; тем самым узуальное слово выступает не как конкретный образец, а как исходное для деривата слово, в

котором заменяется одна из базовых частей» [Рацибурская 2003: 114]. Таким образом, к заменительной деривации мы относим случаи замены аффикса при том же корне (трансаффиксация) и случаи замены одного из корней в сложном слове (трансрадикация).

К неузואальным относятся новообразования, созданные путем чересступенного словообразования (Е.А. Земская, Н.А. Янко-Триницкая, Л.В. Промах) – это создание нового слова, минуя одно из звеньев словообразовательной цепи, с пропуском звена, на месте которого должно быть непосредственно мотивирующее слово. Как замечает Н.С. Валгина, «такое словообразование свидетельствует о развитости словообразовательной системы в целом, так как производное слово как бы появляется вне очередности, раньше непосредственно производящего» [Валгина 2001: 44].

При графическом словообразовании (В.П. Изотов) (также обозначается как графическая гибридизация (В.М. Костюков, Л.В. Рацибурская), графическая деривация или графодеривация (Т.В. Попова, А.В. Стахеева)) в качестве словообразовательного форманта выступают графические и орфографические средства: монографикация (используются графические средства одной языковой системы, ср. *ОбЛУЧение*), полиграфикация (задействованы средства разных алфавитов, ср. *SPAcение*), кодографикация (используются единицы неязыковых знаковых систем: *Py\$\$kie*) [Шишкарева 2009: 17].

Среди неузואальных способов, востребованных для создания медийных новообразований, современные исследователи особо отмечают контаминацию и заменительную деривацию [Самыличева 2011], подчеркивая, что такие новообразования, как правило, отличаются внутренне присущей им экспрессивностью. Нестандартность структуры привлекает внимание читателя, что усиливает воздействующий потенциал новообразования.

Новообразования, созданные как узואальными, так и неузואальными способами, могут выражать негативную оценку. Механизм образования оценочного значения схож для обоих типов новообразований и зависит от структурно-семантических свойств новообразования и наличия в его структуре

оценочно маркированных элементов (ингерентная оценка), а также условий его употребления (адгерентная оценка). При этом структурные отклонения от словообразовательной нормы, неузальные способы создания выступают как фактор экспрессивизации.

ВЫВОДЫ

Итак, несмотря на большую историю изучения оценки в лингвистике, спорные вопросы в этой области существуют до сих пор. Оценка понимается в современной науке более или менее широко в зависимости от подхода. В соответствии с широким пониманием оценочности, распространенным в современной науке (Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, Л.Г. Смирнова, В.И. Шаховский и др.), в спектр негативно-оценочных единиц входят как экспрессивно окрашенные слова, так и экспрессивно нейтральные слова с негативной семантикой, обозначающие порицаемые и антиобщественные явления в соответствии с актуальной системой ценностей. Согласно данному подходу, признаются оценочными единицы, нейтральные в системе языка, но приобретающие негативную окраску в контексте, в соответствии с прагматической установкой автора. В языке и речи оценка представлена как совокупность разноуровневых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Способность языковой единицы выражать оценку называется оценочностью.

С лингвистической точки зрения оценка является сложным языковым явлением, поэтому в науке существуют различные классификации оценочных единиц. По характеру мотивированности оценку разделяют на ингерентную и адгерентную. Ингерентная оценка возникает на базе внутренних свойств самой единицы – стилистической, эмоциональной окраски либо семантики единицы или ее компонентов. Адгерентная же оценка зависит от условий употребления единицы и определяется узким, широким или экстралингвистическим контекстом. В зависимости от формы выражения выделяется эксплицитная (открытая) и имплицитная (скрытая) оценки. Эксплицитную оценку выражают единицы, в явной форме содержащие оценочный компонент: единицы, в словарном значении которых закреплены оценочные семы, относящиеся к ядру семантики; единицы, выражающие оценку за счет функциональной окраски (стилистически сниженные единицы); единицы, имеющие явную эмоционально-оценочную коннотацию.

Прочие единицы, не имеющие выраженного оценочного компонента (зафиксированного в номинативном или коннотативном значении слова), но приобретающие оценочность в речи, относятся к имплицитным формам выражения оценочного значения. Кроме того, выделяются эмоциональная и рациональная оценки, различающиеся по наличию или отсутствию эмоционального компонента семантики и экспрессивности.

Оценочные средства рассматриваются в контексте медиадискурса, который представляет собой совокупность текстов СМИ в единстве с коммуникативной ситуацией (прагматическими установками автора, интертекстуальными связями, экстралингвистическими условиями и пр.). Среди тенденций развития современного медиадискурса можно выделить такие разнонаправленные тенденции, определяющие специфику оценочных средств, как повышение агрессивности коммуникации и, в то же время, стремление к усилению игровой составляющей. Распространение речевой агрессии повышает конфликтогенность медиадискурса, поэтому подобные формы выражения негативной оценки целесообразно рассматривать в юрислингвистическом аспекте, в соответствии с которым инвективное использование негативно-оценочных средств может являться формой оскорбления или языкового экстремизма. Усиление игройю составляющей медиадискурса проявляется в том числе в стремлении выразить негативную оценку в скрытой форме, изменении оценочной окраски с резко негативной на ироничную. Подобные скрытые формы выражения негативной оценки зачастую воплощаются с помощью средств языковой игры, в том числе на базе прецедентных феноменов.

Оценочность в современном медиатексте может выражаться с помощью новообразований. Под новообразованиями понимаются новые производные слова, лексико-словообразовательные неологизмы узуального и неuzuального характера. Новообразования могут создаваться как узуальными способами (существующими в языке), так и неuzuальными способами (с нарушением законов системной или эмпирической продуктивности).

Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические факторы, влияющие на формирование негативной оценочности новообразований, рассматриваются соответственно во второй и третьей главах.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ

2.1. Новообразования, созданные узуальными способами

Негативная оценочность в текстах СМИ часто выражается средствами словообразования, поскольку «словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов» [Голуб 1989: 46]. В частности, новообразования являются актуальным средством выражения оценки в современных СМИ.

Ингерентная оценочность может быть свойственна новообразованиям, созданных узуальными способами, к которым, в частности, относится сложение, сложно-суффиксальный способ, префиксация и префиксоидация, суффиксация и суффиксоидация. При этом оценка может выражаться в эксплицитной, явной форме, или иметь имплицитный, скрытый характер.

2.1.1. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью

Некоторые оценочные единицы на словообразовательном уровне отличаются ингерентной, внутренне присущей им и не зависящей от контекста экспрессивностью [Лыков 1976]. Ингерентная оценочность определяется структурой образования, где оценочный компонент значения может обеспечиваться за счет стилистических и семантических свойств словообразовательной основы, форманта или их сочетания.

2.1.1.1. Семантико-стилистические свойства производящей основы (слова) как фактор ингерентной эксплицитной оценочности новообразований

Новообразования нередко создаются на базе лексем, имеющих негативно-оценочные компоненты семантики. Подобным новообразованиям свойственна

ингерентная оценочность, обусловленная семантическо-стилистическими свойствами производящего слова (основы).

Оценка выражается эксплицитно, если семантика производящего слова в явной форме содержит указание на негативный характер обозначаемого явления.

Так, новообразование приобретает негативное значение, если образовано от слова, обозначающего порицаемое, антиобщественное явление, предмет, к которому сформировалось негативное отношение в обществе. При этом оценка носит рациональный характер, поскольку опирается на сопоставление объекта оценки с общественными нормами и стандартами поведения.

Часто способом создания подобных номинаций служит сложение. Так, оценку в эксплицитной форме выражают новообразования, созданные путем сложения слов (основ), одно из которых (или оба производящих слова) обозначает социально осуждаемое нравственное качество или поведение, обусловленное такими качествами, ведущее к негативным последствиям: *Вокруг России создается русофобско-варварский пояс* (Взгляд, 10.06.2019) – новообразование на базе лексем с негативной семантикой *русофобский* (←*русофоб* ‘приверженец русофобии’, *русофобия* ‘неприятное отношение ко всему русскому, к самим русским как к чуждому и опасному для представителей иной нации’ [НСРЯ]) и *варварский* (← *варвар* ‘невежественный, грубый, жестокий человек’ [ТСРЯ]). При этом может актуализироваться переносное значение производящего слова: *Социалистическая экономика как «зомби-идея»* (Ведомости, 04.03.13) – *зомби* перен. ‘Человек, который слепо подчиняется воле – обычно злой – воздействующих на него людей или специальных средств воздействия’ [НСРЯ].

Аналогично создаются сложносокращенные слова на базе лексем, обозначающих социально осуждаемое поведение: *Политбойцы и политпредатели* (Завтра, 10.12.2012) – *политические предатели* ‘тот, кто предал кого-л., нарушил верность кому-л., чему-л’ [НСРЯ]; *Лазарев устоял перед угро-провокациями британцев* (Интернет-портал ТВЦ, 16.05.2019) – *украинские провокации* ‘предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, к-рые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия’ [ТСРЯ].

Также негативная семантика может выражаться за счет переносного значения производящего слова: *Оргпытки*. *Выпускник девятого класса Геннадий Докучаев рассказывает о первом из череды госэкзаменов* (Новая газета, 10.06.2019) – *организационные пытки* перен. ‘Сильное нравственное страдание; мучение, терзание’ [НСРЯ]; *Суицидбаты* – *новая старая опасность Донбасса. Основные зверства «суицидбатов» приходятся на 2014–2016 годы* (Взгляд, 22.10.2019) – новообразование можно рассматривать как сложение с усечением *суицид (суицидальный) батальон*, по аналогии с военными наименованиями *штрафбат*, *медбат* и под., новообразование в данном контексте обозначает ‘военное подразделение, готовое выполнить задание ценой собственных и чужих жизней’.

Негативную оценку в эксплицитной форме выражают новообразования, созданные на базе слов (основ), обозначающих противозаконную деятельность: *Энерговорам* *усложняют жизнь. Силовики подключаются к борьбе с незаконным потреблением электричества* (Независимая газета, 17.10.2017) – ср. *вор* ‘тот, кто ворует, совершает кражи’ [МАС].

В современных медиатекстах активно используются сложные новообразования агглютинативного типа с элементом *vin-/vip-*, нередко имеющие негативную окраску. Элемент *vin-/vip-* (оформляемый в текстах СМИ как с помощью латиницы, так и с помощью кириллицы) заимствованного характера от английской аббревиатуры *VIP* (*very important person*) ‘особо важная персона’ [Словарь многих выражений] характеризуется как ‘часть сложных слов агглютинативного типа, передающая значение важности, влияния, исключительности’ [НСРЯ]. В медиадискурсе новообразования с *vin-* могут функционировать как оценочно-нейтральные в номинативной функции (ср.: *Vin-менеджер* *компании Вадим Алемский пояснил, что договор будет подписан в течение ближайших недель* // *Коммерческие вести*, 13.07.2017 – *vin-менеджер* ‘менеджер по работе с важными клиентами’) и как положительно-оценочные в рекламной функции (*Crocus Fitness предлагает клубное членство с индивидуальной программой тренировок, а также ВИП-обслуживание, которое предусматривает отдельные раздевалки, косметику, персональный шкаф и услугу*

валет-паркинга // Коммерсантъ, 19.03.2019 – *vip-обслуживание* ‘обслуживание с особыми привилегиями’).

Однако в медийном словотворчестве данный элемент нередко присоединяется к основам с негативной семантикой. Подобные новообразования создаются на базе наименований лиц, занимающихся противозаконной деятельностью: *VIP-коррупционер* из команды Порошенко задержан при попытке покинуть Украину (Life, 17.12.2019) – ср. *коррупционер*, от *коррупция* ‘подкуп, продажность должностных лиц, политических деятелей и т.п.’ [НСРЯ]. Создаются новообразования, обозначающие лиц с высоким социальным статусом, которые нарушают юридические нормы и нормы морали, пользуясь особыми привилегиями: *Vip-браконьерам* нашли лазейку. Они смогут гонять зверя, «замаскировавшись» под ученых (Московский комсомолец, 22.07.2012); В Зауралье завершено расследование дела *vip-браконьеров* из Тюмени. Напомним, в феврале 2019 года в Зауралье с поличным были задержаны *vip-браконьеры* из Тюмени – член политсовета «Единой России» Тюменской области (Новый день, 06.09.2019) – на базе лексемы *браконьер* ‘тот, кто занимается браконьерством’, *браконьерство* ‘охота или ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время или запрещенным способом, а также недозволенная рубка леса’ [НСРЯ], которая обозначает противозаконную деятельность. Таким образом создается номинация, обозначающая лиц, которые не только совершают аморальные противозаконные действия, но и имеют высокий социальный статус, дающий им особые привилегии и позволяющий избежать ответственности, что поддерживается контекстом: *смогут гонять зверя, «замаскировавшись» под ученых, Возбуждение вражды ... используется ... с единственной целью – укрепить свою власть.*

Новообразования, созданные путем сложения на базе лексем, обозначающих социально порицаемые, противозаконные действия и качества, выполняют не только оценочную, но и компрессивную функцию, служат ярким и лаконичным средством характеристики.

Новообразования на базе лексем с негативно-оценочной семантикой активно создаются и путем аффиксации и аффиксоидации.

Так, в СМИ эпохи технического и информационного прогресса частотны новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-*, которые изначально принадлежали научному стилю и встречались преимущественно в составе терминов, а в современном медийном словотворчестве нередко используются для создания экспрессивно окрашенных и оценочных новообразований. При этом в процессах медийного словотворчества изменяется их семантика, расширяется сочетаемость.

Новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-* могут выполнять в СМИ номинативную функцию, если обозначают новые понятия, объекты действительности. Так, в связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал префиксоид *кибер-* ‘связанный с компьютерными сетями, Интернетом’ [Викисловарь]. Уже вошли в узус и зафиксированы в словарях лексемы *кибератаки*, *кибербезопасность*, *кибервойна*, *киберпреступление* [Словарь синонимов], [Словарь сокращений] и др., в то время как в медийном словотворчестве продолжают создаваться новообразования с данным префиксоидом для обозначения новых компьютерных, информационных и интернет-реалий, объектов виртуальной реальности: *Кибер-дружины сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей* (Российская газета, 28.03.2017) – в знач. ‘объединения людей, следящих за распространением информации и информационной безопасностью в интернете’; *В новом "Призраке" сложная кибермифология оригинальных комикса и аниме редуцирована до понятных голливудских оппозиций* (Коммерсантъ, 21.02.2017) – в знач. ‘мифология виртуальной реальности’.

Префиксоид *крипто-*, изначально имеющий семантику ‘соответствующую по значению словам тайный (напр., *криптография*) или скрытый (напр., *криптофиты*)’ [ТСИС], в составе медийных новообразований обозначает связь какого-либо явления с криптовалютой: *Совы или жаворонки. В какое время можно больше заработать на криптобирже* (РБК, 06.02.2019) – новообразование имеет

семантику ‘финансовая биржа, позволяющая производить покупку и продажу, хранение и обмен криптовалютой’; *Налоговики ограничили доступ к крипто-СМИ Cointelegraph. Федеральная налоговая служба России добилась внесения в реестр запрещенных сайтов издания Cointelegraph, посвященного криптовалютам и блокчейну* (NewsBTC, 17.10.2019) – новообразование имеет семантику ‘СМИ, публикующие материалы по теме криптовалюты’; *В России откроют первое крипто-детективное агентство* (Российская газета, 14.11.2017) – новообразование имеет семантику ‘агентство, занимающееся расследованием преступлений в области криптовалюты’. Таким образом, семантика префиксоида модифицируется в процессе медийного словотворчества.

В то же время новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-* могут использоваться не столько для обозначения новых реалий, сколько для выражения оценки. Преобладание оценочной функции над номинативной обуславливается структурой новообразования, а также прагматической установкой автора, конкретными условиями коммуникации и поддерживается за счет контекста.

Так, в публикациях, посвященных преступлениям в сфере информационных технологий, нарушениям информационной безопасности используются новообразования с префиксоидами *крипто-*, *кибер-* на базе лексем с негативной семантикой: *Запад и Россия в шаге от киберкатастрофы. Великобритания включается в гонку технологичных вооружений* (Независимая газета, 28.03.2018) – ср. *катастрофа* ‘неожиданное событие с трагическими последствиями’ [НСРЯ], новообразование имеет семантику ‘катастрофа, наступившая вследствие использования информационных технологий’; *Киберущерб превысил 100 млрд. Аналитики НАФИ подсчитали убытки бизнеса от хакерских атак* (РБК, 20.12.2017) – ср. *ущерб* ‘потери, причиненные кому-, чему-л.; урон.’ [МАС], новообразование имеет семантику ‘ущерб от хакерской атаки на информационную систему’.

Активно создаются новообразования, обозначающие негативные последствия развития информационных технологий: *Атаки без возмещения: как страховые компании защищают своих клиентов от киберрисков* (Коммерсантъ.

2016.12.дек.) – ср. *риск* ‘возможная опасность чего-л.’ [МАС], новообразование имеет семантику ‘риск кибернетической атаки на информационную систему’; *Рубль ослаб на киберобвинениях. Биржевой курс доллара впервые с 19 сентября превысил 67 руб.* (Коммерсантъ, 04.10.2018) – ср. *обвинение* ‘то, что вменяется кому-л. в вину’ [МАС], новообразование имеет семантику ‘обвинение в кибернетических атаках’. Подобные новообразования не только созданы на базе лексем, содержащих негативно-оценочные компоненты семантики, но и в контексте обозначают явления действительности, негативно влияющие на жизнь общества.

В связи с развитием интернет-преступности востребованными становятся новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-* на базе лексем, называющих лиц, виновных в преступной деятельности: *Киберубийца: родители не справились с зависимостью подростка* (Вести образования, 07.11.2019) – новообразование имеет семантику ‘убийца, действовавший с помощью информационных технологий’; *Криптомошенник обманул жительницу ЕАО на 100 тысяч рублей* (Российская газета, 08.08.2018) – новообразование имеет семантику ‘мошенник в сфере криптовалюты’; *Криптовор получил условный срок. Житель Кургана превратил серверы госслужб в майнинговые фермы* (Коммерсантъ, 30.11.2018) – новообразование имеет семантику ‘вор, совершавший незаконные операции с криптовалютой’.

В некоторых случаях семантика словообразовательного форманта может усиливать негативную оценочность словообразовательной основы. Так, негативная оценочность основы усиливается за счет префиксов *мега-*, *супер-*, *гипер-*, которые в медийном словотворчестве добавляют оттенки эмоциональной интенсификации негативного качества или явления, называемого производящим словом.

Префикс *супер-* имеет значение ‘высокая или высшая степень чего-л.’ [Лопатин, Улуханов 2016: 229], таким образом за счет семантики префикса происходит интенсификация негативных признаков, содержащихся в семантике производящего слова (основы): *Wikileaks: суперпровал разоблачителей. Ситуация не могла сложиться более трагичным образом. Интернет-платформа Wikileaks*

доводила до сведения общественности скандальные факты, которые от нее пытались скрыть (ИноПресса, 02.09.2011) – провал перен. ‘Полная неудача в каком-л. деле’ [МАС]; *Американцы раскручивают суперскандал в гимнастике. Тюремный срок в 175 лет для бывшего врача американской сборной Ларри Нассара наверняка будет не единственным итогом одного из самых громких скандалов в истории американского спорта* (Спорт экспресс, 23.04.2018) – скандал ‘случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников’ [МАС]. В том числе за счет префикса *супер-* создаются номинации лиц, обладающих отрицательными моральными качествами, проявляющимися в крайне высокой степени: *Судьба двух суперпредателей России* (Конт, 01.11.2018) – ср. *предатель*.

Как отмечают ученые, префикс *мега-* выражает «крайнюю, чрезмерную протяженность, объем или масштаб, превышающие обычные» [Шишикина 2009: 211] и в медийном словотворчестве способен приобретать «ранее ему несвойственное значение степени, превышающее степень, выражаемую приставками *супер-* и *гипер-*» [Шишикина 2009: 211]. Таким образом при соединении данного префикса с основами с негативной семантикой создаются экспрессивные новообразования, обозначающие крайне негативные общественные события: *ГОТОВЯТ УКРЫ МЕГАКАТАСТРОФУ...* (Завтра, 25.01.2015) – ср. *катастрофа; ГОТОВИТСЯ МЕГАСКАНДАЛ. Внимание, провокация! в СМИ уже начали гулять версии, согласно которым гробница Александра Третьего и захоронения других русских царей были ограблены и осквернены в начале 20-х годов* (Завтра, 16.11.2016).

Префиксам *супер-*, *мега-* изначально свойственна мелиоративная экспрессивность, однако при соединении с основой, обозначающей негативные явления и качества, создается обратный, пейоративный, эффект.

Префикс *гипер-* используется для создания производных, имеющих значение ‘что- или кто-л., обладающее(ий) в высокой (иногда чрезмерно высокой) степени признаками того, что названо мотивирующим существительным’ [Лопатин, Улуханов 2016: 70]. Таким образом, префикс *гипер-* не только вносит оттенки усиления, но и указывает на превышение нормы, что подчеркивает негативную

оценочность производящего слова (основы): *Гиперпредательство* вместо *гиперзвукового оружия*. Как ракетные секреты продавали оптом и в розницу (Аргументы недели, 31.05.2012) – ср. *предательство*; *Черная метка Чубайса: «развитие нанотехнологий» приносит гипер-убытки*. На различных проектах "Роснано" потеряны миллиарды (Московский комсомолец, 27.04.2017) – *убытки* 'материальный ущерб, потеря' [МАС]; *Гиперпассивность*. Россияне за годы экономического кризиса привыкли к экономии. Это не лучшим образом сказалось на бизнесе ритейлеров, которые вынуждены сворачивать свои программы по открытию гипермаркетов, и 2018 год может стать началом заката этого формата (Коммерсантъ, 30.12.2018) – *пассивность* 'бездеятельность, инертность' [МАС], новообразование также может рассматриваться как созданное по образцу *гиперактивность*, при этом обыгрывается антонимия *активность* – *пассивность*.

Примечательно, что обратный процесс деинтенсификации негативной оценки основы за счет семантики словообразовательного форманта может не происходить. Так, в публикации с заголовком *Православный терроризм-лайт* (*Вакханалию вокруг «Матильды» можно было остановить одним движением. Но это не сделано. Почему?* // Новая газета, 11.09.2017) новообразование создано с помощью заимствованного элемента *-лайт*, который характеризуется одними учеными как самостоятельная лексема [НСЗ-90] (тогда новообразование *терроризм-лайт* следует трактовать как созданное путем сложения), другие же ученые относят его к аффиксоидам [Козулина, Левашов, Шагалова 2009] (Е.В. Сенько рассматривает его как префиксоид, ср. *лайт-питание* [Сенько 2014]). Элемент *-лайт* имеет семантику 'легкий, незначительный' (англ. *light* – незначительный, слабый) [Сенько 2014], которая, однако, не нивелирует негативную оценочность основы *терроризм* (от *террор* 'политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами' [МАС]), а скорее вносит оттенок иронии.

Суффиксальное словообразование на базе слов с негативной семантикой нередко происходит с ориентацией на конкретный образец. Так, новообразование может создаваться по образцу оценочно-нейтральной лексемы, но на базе лексем

с негативной семантикой: *Неуспеваемость* и *спиваемость*. *Минобрнауки* определило основания для исключения из школы (Коммерсантъ, 16.01.2013) – *спиваться* + *-есть*, по образцу *успеваемость*, на базе лексемы, обозначающей социально порицаемое действие *спиваться*. При этом в процессе языковой игры обыгрываются семантические отношения слова-образца и лексемы, послужившей базой для новообразования.

Таким образом, в семантике рассмотренных выше новообразований в эксплицитной форме содержится отрицательная оценка, которая обусловлена семантикой производящих слов, обозначающих явления, качества, к которым в социуме сформировалось негативное отношение (*пытки, русофобский, варварский, провокация, терроризм, предатель, вор, мошенник, убийца, коррупционер, браконьер* и др.).

Итак, эксплицитная негативная оценочность рационального типа свойственна новообразованиям, созданным на базе лексем, обозначающих социально порицаемые качества и действия, в том числе противозаконную деятельность. Эксплицитность оценки обусловлена наличием в семантике производящего слова (основы) прямого указания на негативность описываемого явления, к которому в обществе сформировалось неодобрительное отношение. Оценка имеет рациональный характер, поскольку основана на сравнении свойств объекта оценки с закрепленной в сознании общества системой ценностей; кроме того, в структуре новообразования отсутствуют стилистически и эмоционально маркированные элементы, которые указывали бы на эмоциональный характер оценки. При этом оценочность приведенных выше новообразований обусловлена именно семантикой производящего слова (основы), поскольку при их создании использовались словообразовательные средства, не выражающие негативной оценки: новообразования созданы путем сложения, сложносокращенным способом, с помощью присоединения стилистически нейтральных аффиксов и аффиксоидов, не содержащих негативно-оценочный компонент семантики.

Лексемы с негативной семантикой могут также обладать сниженной эмоционально-экспрессивной и стилистической окраской, которая выступает как

дополнительный фактор формирования негативной оценки и придает оценке эмоциональный характер.

Так, ингерентная эксплицитная оценочность приобретает эмоциональный характер, если производящее слово (основа) имеет не только негативную семантику, но и негативную коннотацию, обусловленную эмоциональной или стилистической окраской.

Эмоциональная эксплицитная оценка создается в новообразованиях на базе лексем, имеющих негативную семантику и сниженную эмоциональную окраску, отраженную в словарных пометах (*груб.*, *презр.*, *пренебр.* и под.): *Материалы дела об автохамах, напавших с ножом на нижегородскую семью, исчезли* (Комсомольская правда, 14.09.18) – *хам* '1. Грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости. 2. Употребляется как бранное слово, которым обзывают такого человека' [НСРЯ], в словаре С.И. Ожегова, Ю.Н. Шведовой также имеет пометы *презр.*, *бран.* [ТСРЯ].

Как правило, эмоционально-экспрессивная окраска свойственна стилистически сниженным словам. В таких случаях эмоциональная оценка усиливается за счет функциональной маркированности лексем.

Стилистически маркированная лексика часто встречается в современных СМИ. Это является отражением общеязыковых тенденций к стиранию границ между устно-разговорной и книжно-письменной формами речи, отражением тенденции функционального динамизма [Современный русский язык 2010], а также процесса демократизации речи в сфере публичного общения [Петрова, Рацибурская 2011].

Вследствие демократизации языка СМИ употребление лексем разговорного стиля в медийной речи не воспринимается большинством носителей языка как нарушение коммуникативных норм. Поэтому разговорные лексем выражают оценку в эксплицитной форме только при наличии негативно-оценочных компонентов семантики: *Как наказывают авиадебошира и что делать, если он летит вместе с вами?* (Аргументы и факты, 16.12.2013) – *дебошир* разг. 'Тот, кто устраивает дебош; буйан, скандалист' [НСРЯ].

В отличие от разговорной, просторечная, жаргонная лексика всегда выступает в текстах прессы как экспрессивно маркированная, поскольку выходит за пределы литературной нормы. Поэтому просторечные и жаргонные лексемы, послужившие основой для создания новообразований, способствуют формированию эксплицитной негативной оценки за счет своей семантики и стилистической сниженности. Подобные новообразования являются нарушением коммуникативных и этических норм. Однако стилистически сниженные элементы имеют больший потенциал негативной экспрессивности по сравнению с литературной лексикой, что позволяет им служить средствами выражения неодобрительного, пренебрежительного, осуждающего отношения.

Следует отметить, что подобные примеры относительно немногочисленны в проанализированных текстах (всего 28 текстов с новообразованиями узувальной структуры на базе стилистически сниженных лексем). Вероятно, это обусловлено как коммуникативными факторами, так и юридическим контролем употребления ненормативной лексики в медиа, в том числе интернет-изданиях, имеющих официальную регистрацию СМИ.

Просторечная лексика обладает большим потенциалом негативной экспрессивности, например, в новообразованиях, созданных путем сложения. Подобные новообразования нередко служат пейоративными номинациями людей низких моральных качеств: *«Быдломолодцы»* — *«освободители Европы»* (Московский комсомолец, 14.06.2016) – новообразование создано путем сложения на базе просторечной лексемы [ТСРЯ], семантика которой выражает негативную оценку в явной форме ‘человек низкой духовной культуры, плохо воспитанный’ [ССЛ]; *Наступление «головожопов»: депутаты и эхо «Зимней вишни». «Дети погибли, потому что кинотеатр был на четвертом этаже – кто-нибудь правда готов так думать?»* (Московский комсомолец, 02.04.2018) – мотивирующее слово относится к просторечию, имеет грубую окраску [ТСРЯ]. Также сложные новообразования на базе просторечной лексики могут использоваться как средство резко негативной эмоциональной характеристики общественных явлений: *«Дерьмо-работы»: экономика слуг. Но даже там, где эти технологии*

появляются, они ведут к ухудшению положения простых людей, которым все чаще приходится сталкиваться со стремительной «**дермовизацией**» рынка труда (Газета.ру, 20.06.2019) – мотивирующее слово относится к просторечию, имеет грубую окраску [ТСРЯ].

Также встречаются примеры новообразований, созданных путем префиксоидации на базе просторечной лексики: *Запашный пожаловался на попытки «зоошизиков» заработать деньги и хайп* (Лента.ру, 01.11.2019) – производящее слово *шизик* относится к просторечию [ТСРЯ] и имеет пейоративный характер.

Для выражения резкой негативной оценки актуальных процессов современности также используются новообразования с суффиксом *–(из)аци(я)* на базе просторечных лексем: «*На Украине идет **дебилизация** населения*». *Интервью военного эксперта Игоря Коротченко — Илье Азару* (Медуза, 10.06.2015) – ср. *дебил* перен., разг-сниж ‘глупый, несообразительный человек; тупица’ [НСРЯ].

Новообразования на базе просторечной лексики нередко выносятся в заголовок публикации для привлечения внимания через провокацию, эпатаж читательской аудитории.

В текстах СМИ встречаются и жаргонные лексемы, обладающие негативно-оценочной семантикой, подобные новообразования нередко создаются путем сложения: *Рынок **инста-шкур**. Продавцы иллюзий. После рейтингового разоблачения на ТВ на всех бьюти-тревел-блогерш начинают смотреть с мыслью "что по прайсу?". На рынке шкур нынче все крутится вокруг накачанного зада и пухлых губ* (Life, 27.10.2019) – сложение с усечением *инста(грам)* (англ. Instagram – название популярной социальной сети) + *шкура* жарг. ‘Ненадежная женщина; женщина легкого поведения, проститутка’ [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона]. Лексема *шкура* в словарях фиксируется в словарях и как разговорно-сниженная, просторечная с негативно-оценочным значением, ср.: *м.* и *ж.* 1. разг.-сниж. ‘Человек, проявляющий или проявивший себя отрицательным образом’; 2. ‘Употребляется как порицающее или бранное слово’ [НСРЯ], ‘муж. и жен. Продажный человек, вымогатель и шкурник (прост. презр.)’ [ТСРЯ]. Однако в

контексте публикации актуализируется именно жаргонное значение, причем данная жаргонная лексема активно употребляется в современном интернет-пространстве среди молодежи как пренебрежительная номинация женщины, девушки, некоторые словари отмечают принадлежность лексемы к сленгу (сленг, пренебр. 'Девушка, женщина' [Викисловарь]), что говорит о распространении жаргонного элемента.

Новообразования на базе жаргонизмов в экспрессивной форме передают резкое неодобрение общественных реалий: *«Дань памяти жертвам Холокоста» обернулась антисемитским **трэш-шоу*** (Завтра, 28.02.2020) – производящее *трэш* (от англ. trash 'мусор') жаргонного характера обозначает 'что-либо невообразимо ужасное, чудовищное, вызывающее удивление и отвращение' [Викисловарь], а новообразование на его базе обозначает шокирующее и вызывающее осуждение происшествие.

Новообразования на базе жаргонизмов выражают оценку в эксплицитной форме, если они содержат негативно-оценочные компоненты семантики и имеют негативную эмоциональную окраску: *Мордобой и гоп-мажорство пытаются сделать нормой для всех* (Взгляд, 10.10.2018) – сложение *гоп-* (связанный корень, ср. *гопник* жарг., презр. 'Молодой человек, обычно малообразованный, слепо следующий вульгарной молодежной моде, часто агрессивный' [Викисловарь]) и *мажорство* жарг. 'Образ жизни, поведение мажоров' [Викисловарь] (← *мажор* 'нарицательное название молодых людей, чью жизнь и будущее, в основном, устроили их влиятельные или высокопоставленные родители, из-за чего она стала легкой и беззаботной, а сами они стали ее прожигателями' [ССЛ], в данном словаре относится к молодежному сленгу).

Просторечные и жаргонные лексемы в СМИ выступают как средство снижения называемого явления, формируют негативный образ в сознании читателя [Петрова, Рацибурская 2011]. В некоторых случаях жаргонные лексемы выражают негативную оценку даже при наличии оценочно-нейтральной семантики, поскольку имеют негативную коннотацию: *Пора уйти от «бабловерия»*. <...> *Такие предостережения – признак заражения «бабловерием». Мы считаем (нам*

*внушают), что деньги – это какая-то мистическая субстанция, в которой предметно и зримо воплощена «милость Божья», и поэтому деньги нельзя просто так взять и напечатать. А надо обязательно спросить разрешения у «старшего распределителя милости Божьей» – у империи добра США (Взгляд, 23.12.2014) – новообразование создано сложно-суффиксальным способом на базе лексем *бабло* и *вера*. Лексема *бабло* в словарях относится различными словарями к молодежному сленгу [ССЛ] или жаргону [ТСРР], при этом семантика слова оценочно-нейтральна: *бабло* ‘деньги’. У данной лексеммы оценочный компонент заключен не в денотативном, а в коннотативном компоненте значения. За счет стилистической маркированности лексема *бабло* и дериват на ее базе приобретает негативную коннотацию, презрительную эмоциональную окраску, что подтверждается контекстом: используется негативно-оценочная метафора (*заражения «бабловерием»* – скрытое сравнение с болезнью), ирония (*(нам внушают), что деньги – это какая-то мистическая субстанция, в которой предметно и зримо воплощена «милость Божья»; «старшего распределителя милости Божьей» – у империи добра США*). Таким образом, в контексте новообразование *бабловерие* обозначает отрицательное нравственное качество, что согласуется с традиционной системой ценностей, характерной для русской языковой картины мира: излишне трепетное отношение к деньгам, провозглашение их высшей ценностью осуждается [Ермакова 2012].*

Исследователи определяют как лингвистические, так и экстралингвистические причины распространения стилистически сниженных лексем в СМИ: провозглашение свободы слова, криминализация общественного сознания, увеличение количества деклассированных элементов, снятие табу с арго при экспрессивности арготизмов [Грачев 2001: 67–72], распространение мифа о всемогуществе преступного мира [Чудинов 2001: 35]. Ученые отмечают, что «СМИ не спешат ставить заслон на пути слов уголовного жаргона. При этом забывается, что СМИ – это средства массовой коммуникации, поэтому речевые стандарты активного коммуниканта (органы печати, теле- и радиостанции) немедленно

берутся на вооружение определенной частью адресатов массовой коммуникации» [Клобуков, Ревзина, Чернейко и др. 2002: 92].

Эмоционально маркированные новообразования узуальной структуры нередко создаются также на базе сленгизмов (как правило, единиц молодежного сленга), в том числе лексем заимствованного характера, употребление которых характерно для электронных СМИ и интернет-коммуникации в целом. В определенных случаях стирается граница между жаргоном и сленгом, некоторые единицы неоднозначно определяются различными словарями как принадлежащие к жаргону или молодежному сленгу (ср. примеры, приведенные выше: *бабло, шкура, мажор* ← *мажорство*). Из молодежного же сленга через активное использование в интернет-пространстве (в частности, в социальных сетях и блогах) лексемы проникают в медиадискурс (особенно в интернет-СМИ), рекламный дискурс и получают широкое распространение.

Негативная оценочность в эксплицитной форме свойственна новообразованиям на базе сленгизмов, имеющих негативную семантику и/или негативную коннотацию, а стилистическая окраска производящего слова выступает как фактор экспрессивности.

Так, лексема *фейк* заимствована из английского языка (*fake* (adjective) ‘фальшивый, искусственный’ [Cambridge Dictionary]), в русском языке относится к интернет-сленгу и содержит негативно-оценочный компонент семантики ‘об интернет контенте: подделка, фикция’ [ССЛ]. Лексема соединяется с оценочно-нейтральными существительными в составе сложных новообразований, обозначающих ложные качества и явления, подделки: **Фейк-эксклюзив** «*Эха Москвы*» о грядущем дефиците продовольствия в Москве. Совсем недавно на портале радиостанции «*Эхо Москвы*» оказалось размещено сообщение с явным кликбейтом в заголовке, целью которого является дезинформация аудитории, и жителей Москвы в частности (Газета о газетах, 01.02.2019) – ‘ложный эксклюзив, содержащий неправдивые сведения’; **Новая порция фейк-данных** от «*Эхо Москвы*». Раздел «Блоги» интернет-ресурса «*Эхо Москвы*» вновь послужил площадкой для размещения материалов, основанных на лжи (Газета о газетах,

02.09.2018) – ‘ложные, неправдивые данные’. Префикс *супер-* усиливает негативную оценочность лексемы, в экспрессивной форме подчеркивая масштабность обмана, заключающегося в распространении ложной информации: **СУПЕРФЕЙК СТЕКЛЕНЕВА**. То есть, по мнению Стекленева, враги России Климов, Светланин, Волынский и Ведяев сговорились и вбросили фейк с целью дестабилизировать, раскачать Россию (Завтра, 17.01.2019). Негативно-окрашенные новообразования, обозначающие лиц, распространяющих ложные сведения, могут создаваться и путем аффиксоидации: *Русофобы* и **фейкометы** объединились в "Синдикат-100" (Завтра, 01.03.2020).

Лексема *хайп* стала широко распространяться в 2017 году [Косырева 2018: 200], заимствована из английского: *hype* ‘a lot of attention that something gets, especially in newspapers, on television, etc, making it seem more important or exciting than it really is – шум, суета, пускание пыли в глаза’ [Cambridge Dictionary]. В русском языке лексема приобрела значение ‘искусственно создаваемый ажиотаж вокруг какой-либо темы’ [Викисловарь]. Исследователи отмечают, что лексема принадлежит к молодежному сленгу или компьютерному жаргону [Смирнова, Бондаренко 2018: 180], однако со временем широко распространяется в сфере медиа, рекламы, PR-технологий [Разумов 2018: 468]. Отмечается деривационная активность лексемы *хайп*, появление производных *хайповый*, *хайпануть*, *хайпить* [Мельникова 2017: 80] и др. В том числе *хайп* встречается в составе экспрессивных медийных новообразований. Лексема *хайп* имеет амбивалентный потенциал оценочности и в контексте может как выражать негативную характеристику, подчеркивая излишнюю скандальность действий объекта оценки (*Хайп на Матильде: бессмысленный и беспощадный* // Взгляд, 28.11.2017; *Дудь-вДудь // циничный хайп на трагедии Беслана* // Завтра, 06.09.2019), так и использоваться в качестве положительной характеристики (*Сам турнир — это хайп во всем мире, большое количество просмотров* (Коммерсантъ, 30.05.2019) – в значении ‘популярность’) или как нейтральное описание молодежной моды (*Между тем, основной хайп на вейпы прошел, но появляются альтернативные системы* // Коммерсантъ, 23.07.2019). Однако в рамках медийного словотворчества

новообразования с *хайп-*, как правило, выражают негативную оценку, что обусловлено структурой новообразования: в новообразованиях, созданных путем сложения, *хайп-* соединяется с другими стилистически маркированными единицами, что усиливает негативную экспрессивность (*Народный хайпожор. Андрей Малахов годами копался в грязном белье россиян, но не замарал руки* (Лента.ru, 08.09.2017) – сложение с нулевой суффиксацией от *хайп* + *жрать* (разг-сниж.) [НСРЯ]), в том числе со стилистически сниженными единицами с негативной семантикой (*Хайп-лохотрон. Внутри финансовой пирамиды: мошенники увлекают биткоидами* (Московский комсомолец, 12.03.2018) – сложение *хайп* + *лохотрон* ‘разного рода игры и лотереи, устраиваемые для лохов [лох III] – доверчивых, легковверных людей’ [НСРЯ]). Негативная оценочность может поддерживаться и адгерентно, за счет контекста: *Хайполов Кулаченков довел до смерти родную дочь* // RF-SMI, 04.04.2019 – суффиксоидацию *хайп* + *-лов* можно характеризовать и как сложение с нулевым суффиксом (*хайп* + *ловить*).

Итак, новообразования на базе стилистически маркированных элементов могут выражать ингерентную эмоциональную негативную оценку, при этом, как правило, имеют негативную семантику. В частности, новообразования на базе разговорных лексем, единиц молодежного сленга выражают негативную оценку в эксплицитной форме, если при этом обладают негативно-оценочной семантикой, обозначают социально порицаемые явления и качества. Просторечные, жаргонные лексемы имеют наибольший потенциал выражения эксплицитной негативной оценки, поскольку выходят за рамки литературного языка.

Таким образом, негативная оценка формируется за счет семантики лексемы, а стилистическая окраска производящего слова повышает его экспрессивность, обуславливает эмоциональный характер оценки.

Итак, эксплицитная ингерентная негативная оценочность может формироваться за счет семантико-стилистических свойств производящей основы (слова). При этом рациональная оценочность формируется за счет семантики производящих основ (слов), которая характеризует объект оценки как негативный, не соответствующий общественным нормам и стандартам. Эмоциональная же

оценочность формируется за счет коннотации производящего слова, его негативной эмоциональной окраски и/или стилистической сниженности. Можно выделить основные группы лексем, на базе которых активно создаются медийные новообразования, выражающие оценку в эксплицитной форме:

—лексемы с негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл (*катастрофа*), в том числе в переносном значении (*пытки*);

—лексемы, обозначающие социально осуждаемое нравственное качество или идеологическую позицию (*русофобский, варварский*);

—лексемы, обозначающие социально осуждаемое поведение, агрессивное или ведущее к негативным последствиям (*провокация, терроризм*);

—лексемы, обозначающие лиц, обладающих низкими моральными, интеллектуальными качествами (*предатель, зомби, дебошир*), в том числе со сниженной эмоциональной окраской (*хам*);

—лексемы, обозначающие лиц, имеющих отношение к противозаконной деятельности (*вор, мошенник, убийца, коррупционер, браконьер*);

—стилистически маркированные лексемы, имеющие негативную семантику: разговорные лексемы (*дебошир*), просторечные лексемы (*быдло, дебил, шизик*), жаргонные лексемы (*гон-, шкура*), сленгизмы (*фейк, хайп*);

—стилистически сниженные, нелитературные лексемы, обладающие негативной коннотацией (*бабло*).

2.1.1.2. Семантико-стилистические свойства словообразовательного форманта как фактор ингерентной эксплицитной оценочности новообразований

Среди способов выражения ингерентной оценки с помощью узуальных словообразовательных элементов следует, в первую очередь, отметить слова с суффиксами субъективной оценки. Эти суффиксы служат для образования форм имен существительных, качественных прилагательных и наречий с особой, эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к

предмету, качеству, признаку. Суффиксы субъективной оценки имеют разговорную стилистическую окраску и придают словам различные оттенки: ласкательность, сочувствие, пренебрежение, презрение, уничижение, ирония, также реальное уменьшение или увеличение [Розенталь, Теленкова 1985]. Оценка новообразований-диминутивов имеет эксплицитный характер, обусловленный оценочной семантикой суффикса. В данном случае реализуется эмоциональный тип оценки, возникающей за счет эмоционально-стилистических свойств суффикса.

Эмоционально окрашенные размерно-оценочные суффиксы активно используются для создания диминутивов-существительных с оттенком уничижения, пренебрежения. Особенно продуктивными являются размерно-оценочные суффиксы *-к-/-ик-/-чик-*, *-ишк-/-ушк-*, *-очк-/-ечк-* в сочетании с оценочно-нейтральными основами, в результате создаются как одушевленные, так и неодушевленные существительные. Так, одушевленные существительные-диминутивы, в частности с суффиксами *-ишк-*, *-чик-*, могут обозначать лиц по их идейно-политическим взглядам: *Либералишки несчастные!* (Московский комсомолец, 06.04.2015); *Расследования мальчика-либеральчика. Доброхотов занимается ну очень преступной деятельностью* (Завтра, 13.09.2018) – новообразование *либеральчик* фонетически перекликается с узуальным *мальчик* и может быть рассмотрено либо как результат контаминации (*либеральный* + *мальчик*), либо как результат деривации по конкретному образцу при исходном *либерал* (в случае актуализации членения лексемы *мальчик* с суффиксом *-чик-*), также новообразование можно воспринимать как языковую игру – отсылку к названию сказки «Мальчик-с-пальчик». Одушевленные существительные-диминутивы могут характеризовать лиц по роду их деятельности, профессии: *«Депутатику нравится»: заксо украсили карикатурами на коррупционеров. В здании свердловского заксобрания открылась передвижная выставка карикатур на тему борьбы с коррупцией* (Новый день, 10.06.2019); *«Вон тот футболистишка ударил меня стулом»: Кокорин рассказал, за что пытался еще раз напасть на чиновника Пака* (Комсомольская правда, 25.04.2019). Подобные

номинации передают уничижительное, пренебрежительное отношение к обозначенным группам лиц или их конкретным представителям.

Неодушевленные существительные-диминывы, как правило, обозначают явления политической и социальной жизни общества, к которым автор выражает пренебрежение. Наибольшую деривационную активность при этом проявляет суффикс *-к-/-ик-/-чик*. Мотивирующим словом выступают оценочно-нейтральные лексемы: названия государственных органов (*В офис «Мемориала» пришла прокуратурка <...> Еще в «Мемориал» пришел самый мерзкий НТВ-шник, бегаёт за всеми, снимает и постоянно повторяет: «Вы получаете финансовую помощь из-за рубежа?» // Труд, 13.03.2013*), юридических документов (*Игра в мандатики. Правила передачи депутатских мест в региональных парламентах будут унифицированы с федеральными // Московские новости, 23.04.2015*). Встречаются новообразования и с другими размерно-оценочными суффиксами, например, суффиксом *-очк-* (*Запрещеночка. Фейсбук запретил писать про секс, а Государственная дума РФ планирует запретить ругаться на себя в интернете. Зачем нужны соцсети без сисек и чинуши без критики – непонятно // Коммерсантъ Автопилот, 24.12.2018*).

Также с помощью эмоционально маркированных размерно-оценочных суффиксов создаются наречия и слова категории состояния с иронической окраской. Активность проявляет суффикс *-еньк-*, который в медийном словотворчестве добавляет к значению мотивирующего слова экспрессию уничижительности. Нередко подобные новообразования-диминывы создаются путем чересступенного словообразования: *Рукопожатненько. И логично – ведь у Лени после перечислений есть миллион, а у них нет. Хотя и не долларов, конечно, но это пока. В начале пути. (Комсомольская правда, 19.11.2012)* – восходит к прилагательному *рукопожатный* с пропуском ступени – наречия **рукопожатно* или прилагательного **рукопожатненький* (при условии полимотивированности); *Рукопожатненько, вечерненько, русофобненько!* (Newsland, 07.11.2015) – новообразование *вечерненько* восходит к прилагательному *вечерний* с пропуском ступени – наречия **вечерне* или прилагательного **вечерненький* (при условии

полимотивированности), новообразование *русофобненько* восходит к прилагательному с негативной семантикой *русофобный* с пропуском ступени – наречия **русофобно* или прилагательного **русофобненький* (при условии полимотивированности); **Толерантненько**. Факт давно общеизвестный: *те, кто громче всех кричит о необходимости свободы слова, требуют этой свободы слова не для всех, а только лишь исключительно для себя* (Завтра, 13.09.2012) – новообразование *толерантненько* мотивировано наречием *толерантно*, также может рассматриваться как созданное путем чересступенного словообразования с пропуском производящего **толерантненький* (при условии полимотивированности). Также встречаются новообразования-диминытивы с суффиксом *-оват-*: **Грешновато**, но **православненько** (Московские новости, 07.11.2015) – новообразование *грешновато* мотивировано наречием *грешно*, также может рассматриваться как созданное путем чересступенного словообразования с пропуском производящего **грешноватый* (при условии полимотивированности), новообразование *православненько* мотивировано наречием *православно*, также может рассматриваться как созданное путем чересступенного словообразования с пропуском производящего **православненький* (при условии полимотивированности).

Производящими словами для диминытивов (как существительных, так и наречий) могут выступать лексемы и устойчивые выражения с негативно-оценочной семантикой (*грешно*, *русофобный*), но преимущественно диминытивы создаются на базе оценочно нейтральных лексем (*прокуратура*, *мандат*, *вечерний*) или лексем с потенциалом положительной оценки (*толерантно*; а также *рукопожатный* – лексема имеет положительно-оценочную семантику ‘порядочный, приличный’ [Словарь синонимов], но в то же время в интернет-дискурсе часто употребляется с пренебрежительной коннотацией [Шмелева 2014]).

Наличие негативной окраски при этом подтверждается контекстом. Например, заголовочное новообразование **толерантненько** создано на базе лексемы *толерантно* ← *толерантный* ‘терпимый, снисходительный к кому-чему-н.’ [ТСИС], которая не имеет негативно-оценочного компонента в семантике и в

современном медиаполитическом дискурсе в определенных контекстах имеет потенциал выражения позитивной оценки [Аболин 2009]; однако в исследуемом контексте новообразование связывается с негативными характеристиками поведения *«те, кто громче всех кричит о необходимости свободы слова, требуют этой свободы слова не для всех, а только лишь исключительно для себя»*.

Суффиксы с разговорной окраской в целом крайне востребованы в современном медийном словообразовании, так как позволяют не только выразить негативную оценку, но и приблизить стиль медийного текста к повседневной речи целевой аудитории.

Так, оценку могут выражать суффиксы с эмоциональной окраской, обозначающие незрелых особей, детенышей животных. Новообразования с данными суффиксами могут приобретать эмоциональную окраску пренебрежительности, уничижительности, присоединяясь к оценочно-нейтральным основам: *Умиротвореныши*. *Человек во все века ел мясо, носил шкуры и сочинял поэмы о любви мужчины к женщине, а теперь нам предлагается жидкая кашлица в виде «правильного питания» и — правильных толкований. В тренде — умиротворяющие «практики» на базе якобы-йоги. Брутальность — пугает. Нужны пресные умиротвореныши* (Завтра, 19.10.2019) – новообразование создано с помощью суффикса *-ыши-*, вносящего семантику ‘живое существо (чаще незрелое) или неодушевл. предмет – носитель признака, названного мотивирующим прилагательным или причастием’. Также суффиксы *-онок-/енок-* (во мн.ч. *-ат-/ят-*) передают уничижительную эмоциональную окраску при присоединении к именам собственным для негативного обозначения последователей кого-либо (А. Навальный, Б. Чубайс. Дж. Сорос): *"Лежу калачиком и похныкиваю"* – *Раскрыта схема глумления над Россией для дрессированных "навальнят"* (интернет-портал телеканала «Царьград», 05.02.2018); *«Приватбанк», соросята и бенифилы: «Перетягивание каната упырями»* (EADaily, 26.11.2019). Суффиксы *-онок-/енок-* могут обозначать ‘незрелое живое существо (лицо или животное), связанное с предметом или признаком, названным мотивирующим словом’, также данные суффиксы могут

добавлять ‘к значению мотивирующего слова экспрессию ласкательности, уничижительности либо уменьшительности’ [Лопатин, Улуханов 2016: 601–603]. Как отмечают исследователи, неоминации с подобными суффиксами, в том числе на базе антропонимов, активно употребляются в интернет-коммуникации, при этом могут приобретать как отрицательную, так и положительную коннотацию с оттенком ласкательности. Так, в статье С.В. Ильясовой, Ли Ли приводятся примеры медийных новообразований *абдуленок* (от фамилии актера *А. Абдулов*), *фостеренок* (от фамилии актрисы *Дж. Фостер*) и под., обозначающие детей знаменитостей; в данных новообразованиях суффикс *-енок-* выражает сему невзрослости [Ильясова, Ли 2019: 77] и не придает отрицательную коннотацию. Т.И. Стексова, анализируя особенности употребления некоторых новообразований на базе фамилий политиков с суффиксами *-ат-/-ят-*, отмечает, что они употребляются с положительной или отрицательной коннотацией в зависимости от контекста употребления и политических взглядов говорящего [Стексова 2013]. Таким образом, в зависимости от структуры новообразования (в том числе репутации публичного лица, фамилия которого является мотивирующим словом) и условий его употребления, новообразования с подобными суффиксами выражают различные экспрессивно-оценочные оттенки. Однако в исследованных текстах подобные новообразования имеют отрицательную коннотацию с оттенком пренебрежительности и используются для создания образа несамостоятельных, интеллектуально и морально слабых последователей политического деятеля, употребляются в негативно-окрашенных контекстах.

В медийном словотворчестве остается востребованном стилистически маркированный суффикс *-щин(а)*, за которым закрепился ярко выраженный коннотативный компонент ‘явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущ. с неодобрительной оценкой)’ [Лопатин, Улуханов 2016: 700]. Суффикс *-щин(а)* в сочетании с оценочно нейтральными основами используется для создания отвлеченных существительных, обозначающих общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской [Николина, Рацибурская 2013: 72]. Основой для новообразований с

суффиксом *-щин-* выступают названия политических течений (*Это не совместимо с либеральщиной — преодолеть смуту начала XX века // Потаенное. 2013 г, № 3(56)*), громких политических событий (*От майданщины к атаманине. Украина стремительно теряет остатки государственности // Свободная пресса, 03.02.2015*). Часто новообразования с суффиксом *-щин-* создаются на базе имен собственных известных личностей. Нередко основой для подобных новообразований выступают фамилии политиков: *Милоновщина добра и света* (Независимая газета. 05.12.2010) – *В.В. Милонов*; *Горбачевщина и ельцинизм* (Советская Россия. 05.02.2011) – *М.С. Горбачев*; *Кадыровщина: футбол по закону гор. Снова футбол, снова Кавказ, и снова скандал...* (Труд, 30.04.2013) – *Р.А. Кадыров*. Новообразования создаются на базе фамилий медийных деятелей: певцов (*«Киркоровщина», на мой взгляд, это не просто жанр, это вирус, вызывающий не только изжогу, но и тошноту, головные боли, инсульты, психические расстройства // Аргументы и факты, 06.06.2012*), телеведущих (*Диагноз — киселевщина. ...нашлись медийные персонажи, которые попытались использовать трагедию для достижения неких политических эффектов* (Сегодня.ру, 10.03.2016); *Псковские депутаты призвали избавить телевидение от «малаховщины»* (Лента.ру, 24.11.2016); *Соловьевщина лидирует, но не владеет умами россиян. Опрос, проведенный «Левада-центром», показал, что соловьевщина как стиль агрессивной телепропаганды лидирует* (журнал 7x7, 06.09.2019)). При этом репутация публичного лица не является фактором создания оценочности, поскольку негативный эффект создается за счет аффикса.

Новообразования с этим суффиксом часто создаются в СМИ, становятся популярными, интенсивно используются в полемике, например, на протяжении нескольких лет в медиаполитическом дискурсе активно употребляется новообразование *чуровщина*: *С уходом Чурова кончится сама "чуровщина"* (Коммерсантъ, 20.01.2012); *Соцопрос для "волшебника", или Чуровщина-2016?* (Собеседник, 28.01.2016). Новообразование возникло на базе фамилии председателя Центральной избирательной комиссии В.Е. Чурова после событий на парламентских выборах 2011 года: *Нарушения на выборах, на которые, по мнению*

независимых наблюдателей, закрывал глаза ЦИК многие годы председательства Чурова, называют "**чуровщиной**", а апофеозом "**странностей**" в подсчете голосов стал эпизод с некорректной инфографикой на телеканале "Россия 24", когда сумма результатов всех партий на парламентских выборах 2011 года превысила 146% (Русская служба ВВС, 04.03.2016). Эта номинация, образованная от имени собственного, в рамках медиадискурса стала использоваться как нарицательная для обозначения ошибок или намеренных фальсификаций при подсчете голосов, не связанных с деятельностью В.Е. Чурова: **Чуровщина** какая-то... Итак, представляю Вам краткий анализ Выборов депутатов Воронежской городской Думы третьего созыва (Эхо Москвы, 22.01.2012); «**Чуровщина**» не ушла из мурманского областного Избиркома (СеверПост.ру, 22.08.2016). Лексема стала базой для создания новых новообразований различной структуры, использующихся в политической полемике: **Нечуровщина**. Элла Памфилова меняет политический курс Центризбиркома (Независимая газета, 21.04.2016). При этом данное новообразование не выходит за рамки медиаполитического дискурса.

Таким образом, в деривационные процессы вовлекаются стилистически и эмоционально маркированные суффиксы, придающие новообразованиям оттенки уничижения, пренебрежения. Несмотря на то, что дериваты с данными суффиксами могут выражать в речи и положительно-оценочное значение (например, диминутивы с оттенком ласкательности), в медийном словотворчестве они преимущественно имеют негативную коннотацию. Исследованные новообразования с подобными суффиксами выражают ингерентную оценочность в эксплицитной форме за счет негативной коннотации, вносимой суффиксом. Новообразования со стилистически и эмоционально маркированными суффиксами формируют эмоциональный тип оценочности, передают субъективное пренебрежительное, уничижительное отношение говорящего к описываемым явлениям.

Для создания негативно-оценочных новообразований активно используются и стилистически нейтральные аффиксы, которые в составе медийных новообразований передают оценку за счет своей семантики.

Например, продуктивность проявляет суффиксоид *-гейт*, заимствованный из английского языка, ср. *-gate* ‘used in combination with other nouns to create a name for a situation that causes public shock or disapproval’ [Cambridge Dictionary] (используется в комбинации с существительными для создания номинации ситуации, повлекшей общественный шок или порицание, *перевод наш – В.К.*). В русском языке суффиксоид используется для создания новообразований, обозначающих ‘политический скандал, вызванный какой-либо неблагоприятной ситуацией’ [НСРЯ], при этом заимствованный аффиксоид присоединяется как к исконным, так и к иноязычным основам. Негативная оценочность имеет эксплицитный ингерентный характер, поскольку семантика суффиксоида содержит прямое указание на негативность обозначаемой ситуации за счет ее скандальности, неблагоприятности. При этом в рамках медийного словотворчества семантика аффиксоида расширяется, и новообразования с *-гейт* обозначают не только скандалы в сфере политики, но и в целом громкие общественные события, связанные с нарушением юридических и этических норм, повлекшие публичное осуждение: *Московский "пиццагейт"*. *Сеть пиццерий подозревают в связях с наркомафией* // интернет-портал Радио «Свобода», 08.02.2018; *«Климатгейт»: кому выгодно пугать замерзающих россиян страшилками о глобальном потеплении* (Заголовки.ру, 28.06.2017).

Суффиксоид *-гейт* нередко присоединяется к основам имен собственных, называющих географические объекты, организации, публичных лиц, с которыми связаны обсуждаемые скандальные события.

Новообразования с *-гейт* на базе топонимов обозначают место, в котором произошли негативно оцениваемые скандальные события. Так, суффиксоид присоединяется к названиям российских городов: *Челябинскгейт*. *В Челябинской области не утихают коррупционные скандалы, связанные со схемами по распилу бюджетных средств, выделяемых на дорожное строительство* (Наша Версия, 21.02.2019); *Мытищи-гейт*. *68 председателей избиркомов в одном только подмосковном городе переписали результаты выборов* (Новая газета, 05.12.2016). Основой для создания новообразований служат и названия зарубежных городов и

территорий: *"Карачи-гейт"* повернулся против экс-премьера. ... правоохранительные органы, расследуя теракт в пакистанском городе Карачи в 2002 году <...> обнаружили связь правительства Франции <...> с Пакистаном (Коммерсантъ, 07.10.2011); СМИ: участницу скандала *"Ибица-гейт"* укрывают спецслужбы на Балканах. Речь идет о видеозаписи острова Ибица с участием бывшего вице-канцлера Австрии Хайнца-Кристиана Штрахе (интернет-портал ТАСС, 04.12.2019).

Новообразования с *-гейт* также создаются на базе фамилий русских и зарубежных публичных лиц, являющихся виновниками скандальных событий. Нередко основой для создания таких новообразований выступают фамилии российских политиков: *Чайка-гейт*: как выйти из прокурорского кризиса (РБК, 02.02.2016); *Грудинин-гейт*. У кандидата в президенты России от КПРФ Павла Грудинина на момент его официального выдвижения оказалось 13 счетов в швейцарском банке, о которых ранее он вроде как не уведомил Центризбирком (Газета.Ру, 06.03.2018); *Гайзергейт*. Уголовное дело против главы Республики Коми Вячеслава Гайзера, нескольких руководителей республики и ряда бизнесменов — беспрецедентный случай для российской политики (Коммерсантъ, 21.09.2015). Также используются и фамилии зарубежных известных личностей: *Роналду-гейт*. СМИ сообщили об отстранении футболиста от матчей из-за обвинений в изнасиловании (Интернет-портал БФМ.РУ, 04.10.2018).

Скандальные события могут быть связаны с деятельностью не только конкретных публичных лиц, но и организаций, названия которых становятся основой для новообразований: *Медуза-гейт*: активистка Лиза Лазерсон объясняет, почему всех так задел скандал с сексуальными домогательствами в «Медузе» (Esquire, 08.11.2018) – название интернет-газеты «Медуза». При этом базой для создания новообразований могут выступать и аббревиатуры, называющие коммерческие организации и государственные структуры: *ФИФА-гейт*: почему чиновников арестовали сейчас и чем это грозит ЧМ-2018 в России (Комсомольская правда, 27.05.2015); Всеволод Чаплин: «Это не просто дело Шестуна. Это *АП-гейт*»... это — *АП-гейт*, – считает Чаплин, имея в виду

разоблачительные записи, сделанные бывшим главой Серпуховского района в администрации президент (Общая газета, 17.10.2019) – АП – аббревиатура администрация президента.

Таким образом, суффиксоид *-гейт* служит для создания негативно-оценочных новообразований, обозначающих какие-либо скандальные события, компрометирующие лиц, организации, являющихся их участниками.

Оценочная семантика новообразования может также формироваться за счет семантики префиксов и префиксоидов. При этом важным фактором выступает сочетание семантики основы и форманта.

Ингерентная оценка, имеющая рациональный характер, может выражаться с помощью стилистически нейтральных префиксов и префиксоидов, которые присоединяются к основам с положительной или нейтральной оценочностью, в результате чего создаются новообразования, выражающие несоответствие качеств объекта общественным стандартам.

Так, отрицательную оценку выражают новообразования, созданные с помощью префикса *не-* со значением отрицания, который присоединяется к основам с положительной коннотацией: *Мозговая **непобеда**. Сегодня, власть в Одессе ошестинилась оружием и массой силовиков. Даже флотские, ожидая чего-то, объявили, что будут применять оружие. А против кого? Против жителей Одессы* (Конт, 03.05.2017).

Распространены в современных СМИ новообразования-существительные и новообразования-прилагательные с префиксом *анти-* со значением противоположности, образованные от лексем с положительной коннотацией: *«**Антиперсона** года»: кого «мочили» российские СМИ в 2011 году* (РБК, 26.12.2011); *Народная **антидипломатия**. Противостояние России и Украины перешло в новую фазу — нападению подверглось посольство РФ в Киеве* (Коммерсантъ, 16.05.2014).

Таким образом, подобные новообразования выражают негативную ингерентную оценочность в эксплицитной форме за счет семантики отрицания положительных явлений, качеств, называемых основой.

Ученые отмечают продуктивность препозитивных формантов *недо-*, *полу-* и концептуальную значимость новообразований с данными формантами: «Репрезентантами значения неполноты (квалитативного признака) <...> являются препозитивные форманты *недо-*, *около-*, *полу/пол-*. За каждым из перечисленных компонентов закреплены устоявшиеся значения: *недо-* – неполный, недостаточный; <...> *полу-* — не вполне или почти: *недомастер*, *недопевец*, *недоправитель*, *недостудент*; <...> *полугвардейцы*, *полудемократ*, *полукандидат*, *полурыночник* и др.» [Плотникова 2008: 13].

Так, префикс *недо-* выражает семантику неполноценности, недостаточной степени проявления признака и используется для создания новообразований, обозначающих лиц, чьи качества не соответствует стандартам, необходимым для получения определенного социального статуса: ***Недолидер***, ***недовождь*** (Риск, 22.10.2013); ***Недорекорформаторы***. Украинским правительством будет руководить Сорос? (Аргументы и факты, 10.12.2014); ***Недоотец***: Тарасов опозорился случайным упоминанием старшей дочери. Экс-супруг Бузовой облажался, пытаюсь доказать, что он хороший папа (новостной портал Sputnik, 11.02.2019). Префикс *недо-* присоединяется к субстантивам, обозначающим лицо по профессии: ***Битва недополитиков-недоблоггеров***. Гиркин (Стрелков) vs. Навальный (портал Интернет-Ополчение, 16.06.2017); ***Бумажка недоспикера*** об отзыве приглашения наблюдателей ПАСЕ на выборы абсолютно незаконна (информационно-аналитический портал «Альтернатива», 03.07.2019); ***Недоадвокат***. Кантемир Карамзин был задержан по возвращению в Москву из США, где длительное время игнорировал запросы российских правоохранителей рассказать о коррупционных отношениях с должностными лицами госорганов и причастности к рейдерским посягательствам (Новый взгляд, 22.05.2019). Ученые отмечают необычность подобных новообразований и их семантическую противоречивость [Плотникова 2008: 13].

Для обозначения социально неполноценных групп создаются новообразования с префиксом *недо-*: ***Недоблокадники***. Так чиновники называют тех, кто прожил в блокадном Ленинграде меньше установленного ими срока

(Новая газета, 04.02.2014); *День Победы? Почему же опять из граждан делают «недопensionеров» и «недороссиян»?* (Красноярское Время, 10.05.2019). Префикс *недо-* выражает семантику неполноценности, недостаточной степени проявления признака, тем самым новообразование *недоблокадник, недопенсинер, недороссиянин* служат негативной характеристикой.

При этом для формирования оценочности подобных новообразований большое значение имеет контекст. Так, в публикации *«Недомать и недочеловек. Дело психопатки, забившей насмерть собственного пятилетнего ребенка, наконец, дошло до суда»* (Вечерняя Москва, 19.03.2019) негативная оценочность имеет эксплицитный характер, и это определяется как ингерентно-оценочными, так и адгерентно-оценочными факторами. Ингерентная негативная оценка создается за счет присоединения префикса *недо-* к основе (слову), обозначающей важную в системе ценностей социальную роль (*мать*), поэтому неполноценность исполнения этой роли подвергается осуждению; при этом контекст усиливает негативную оценочность новообразования за счет сочетания с другими эксплицитно-оценочными лексемами с негативной экспрессией (*психопатки, забившей насмерть*). Таким образом, наблюдается взаимодействие ингерентных и адгерентных средств создания негативной оценки.

Ученые отмечают, что актуальная для медийного словотворчества модель отсубстантивных новообразований с префиксом *недо-* является нарушением норм продуктивности, поскольку *недо-* обычно присоединяется к глаголам, а не существительным [Радченко, Вискович 2015: 276].

Также продуктивность проявляют префиксоид *лже-*, префиксы *псевдо-*, *квази-*, обозначающие ложные явления действительности и выражающие несоответствие общественным стандартам.

Активно создаются новообразования с префиксоидом *лже-*, которые обозначают лиц с ложным социальным статусом, выдающих себя за кого-либо в корыстных целях. Префиксоид *лже-* присоединяется к основам существительных, обозначающих лицо по профессии или роду деятельности: *Лжебанкиры идут на перехват. Заемщики все чаще рискуют стать жертвами мошенников* (Российская

газета, 13.09.2017); *Лже-инкассаторов осудили за кражу 3 миллионов* (Российская газета, 08.05.2013); *Лжеадвокат, защищавший Саддама Хусейна, получил 14 лет тюрьмы* (Российская газета, 29.03.2013); *Лже-сурдопереводчик работал на похоронах Манделы. Мужчина <...> оказался самозванцем* (Российская газета, 11.12.2013); *Полиция пресекла деятельность группы лже-экстрасенсов в Москве. По данным следствия, участники группы входили в доверие к гражданам, после чего предлагали решить их семейные и личные проблемы* (Российская газета, 16.07.2014); *В Волгограде задержана лже-колдунья, обманувшая клиентов на полмиллиона* (Российская газета, 23.04.2014); *Лже-маги обманули россиян на 200 миллионов* (Российская газета, 23.10.2013). Данный префиксоид может присоединяться и к основам имен собственных, что является нарушением словообразовательной модели. Новообразования на базе имен собственных могут обозначать личностей, выдающих себя за кого-либо, кем они не являются: *В США лже-Рокфеллер получил пожизненное заключение. Аферист и убийца Кристиан Карл Герхартсрайтер, который на протяжении 28 лет выдавал себя за члена семьи Рокфеллеров, был приговорен судом Лос-Анджелеса к пожизненному заключению* (Российская газета, 16.08.2013). Также новообразования на базе имен собственных могут обозначать поддельные произведения искусства (в результате метонимического переноса фамилии автора произведения): *Лже-Шишкин и другие. Образцовым примером того, как мастера подделок могут провести самых опытных экспертов, служит история с картиной псевдо-Шишкина "Пейзаж с ручьем"* (Российская газета, 04.02.2014). Так, префиксоид *лже-* в медийном словотворчестве сочетается преимущественно с основами одушевленных существительных, обозначая лиц с ложным социальным и профессиональным статусом.

Заимствованные префиксы *псевдо-*, *квази-* синонимичны исконному префиксоиду *лже-* со значением неистинности, ложности и выражают негативную оценку в публикациях, посвященных темам мошенничества, разоблачения ложных социальных явлений. Так, префикс *псевдо-* присоединяется к основам неодушевленных существительных, обозначая ложные социальные явления,

противозаконные (*Проданной квартире начислили **псевдоналог*** (Коммерсантъ FM, 05.09.2019) – в знач. ‘Незаконно взимаемый налог’) или не отвечающие общественным стандартам, например: ***Псевдомодернизация. Новый антикризисный план правительства состоит из модернизационных мер. Они не стимулируют спрос на инновации, считают эксперты*** (Ведомости, 17.03.2010) – в знач. ‘Ложная модернизация, не приносящая должных результатов’; «*Среди действующих немало **псевдопартий***» ... *такие организации создавались для «искусственного замутнения политической среды, чтобы обеспечить прорыв во власть лоббистским, региональным и даже сепаратистским группировкам»* (Коммерсантъ, 13.05.2019) – в знач. ‘Партии, не выполняющие свою общественную функцию’. Синонимичную семантику имеет префикс *квази-*, при присоединении к основам неодушевленных существительных добавляющий семантику ложности: *Владимир Путин призвал студклубы не устраивать **квази-олимпиады*** (Российская газета, 24.01.2013); *От котлов к информагентствам: как развлекательные сайты превращаются в **квази-СМИ*** (портал Radio.ru, 14.09.2016); *Лавров: США хотят создать в Сирии **квазигосударство*** (Российская газета, 16.02.2018); *Песков назвал британский доклад по Литвиненко "**квази-расследованием**"* (Российская газета, 21.01.2016); *Популисты для «**квазикласса**»: кремлевский фонд дал название для борцов с коррупцией и большей части россиян* (Заголовки.ру, 25.04.2017).

Таким образом, новообразования на базе неодушевленных существительных с префиксами *псевдо-*, *квази-* обозначают ложные явления, которые не соответствуют общественным стандартам, поскольку не обладают необходимыми качествами, не приносят должных результатов или созданы в мошеннических целях.

Новообразования, подчеркивающие ложные качества социальных явлений, создаются на базе прилагательных: ***Псевдоинвестиционный бум. Внезапный приток зарубежного капитала в первом квартале может смениться не менее впечатляющим оттоком*** (Новые известия, 27.05.2013); ***Псевдобанковское расширение. Банковскому сектору создается мини-подделка*** (Коммерсантъ, 17.04.2013).

Префиксы *псевдо-*, *квази-* присоединяются и к основам одушевленных существительных. Префикс *псевдо-* активно используется для создания негативно-оценочных наименований лиц по профессии или роду деятельности, при этом выражает различные оттенки значения. Так, создаются новообразования со значением ‘лицо, выдающее себя за кого-либо, как правило, в мошеннических целях’, причем такие новообразования часто образуются на базе названий профессий: *"Били костылями"*: как **псевдоврачи** украли миллионы из петербургской больницы (РИА новости, 26.07.2019); **Псевдомедики** обманули жителей Дальнего Востока на 20 млн рублей. В нескольких городах действовали псевдомедицинские центры, в которых под видом оказания врачебной помощи населению похищали деньги (Новые известия, 04.03.2019); **«Псевдоюристы»** помогают клиентам банков вернуть страховые взносы и забирают их себе (Полит.ру, 22.08.2019). Негативная оценочность подобных новообразований обусловлена в том числе негативным характером обозначаемого денотата: это лицо с ложным социальным статусом, мошенник. Также новообразования с *псевдо-*, *квази-* обозначают лиц, которые ведут себя неподобающе, непрофессионально, чьи качества не соответствуют стандарту, необходимому для получения определенного социального статуса: *«Был в «Рубине» один псевдопрофессионал...»* (БИЗНЕС Online, 09.12.2015); Минобороны России назвало **«псевдоэкспертом»** критика гиперзвукового комплекса «Авангард». *<...> умозаключения эксперта «свидетельствуют лишь о широких пробелах в его познаниях сущности аэродинамических процессов на гиперзвуковых скоростях»* (Московский комсомолец, 17.01.2019); Президент потребовал пресечь беспредел **"квази-коллекторов"**. *...Беспредел, связанный с нарушением закона, с угрозами, с насилием – и психологическим насилием, и физическим – это абсолютно неприемлемо* (Российская газета, 07.04.2016); В Молдавии назначили **«квазипрезидента»** вместо президента Додона (Rusnext.ru, 03.01.2018). В подобных новообразованиях негативная оценка обусловлена тем, что префиксы *псевдо-*, *квази-* выражают семантику несоответствия норме, указывают на низкий уровень проявления требуемых от субъекта качеств, непрофессионализм его

действий. Оттенки значения проявляются в контексте, ср.: *Псевдоактивисты «Молодой гвардии» вымогают деньги у предпринимателей. Мошенники совершают контрольные закупки алкоголя и табака с участием несовершеннолетних, после чего представляются активистами регионального штаба «Молодой Гвардии» и вымогают деньги, предлагая за это не оформлять официально заявление в правоохранительные органы* (RIA56, 07.12.2015) – новообразование *псевдоактивисты* обозначает мошенников, которые не являются активистами, но выдают себя за них в противозаконных корыстных целях (совпадает по семантике с исконным префиксоидом *лже-*); *Псевдоактивисты: защитники климата проигнорировали субботник ... похоже, активистам больше по душе провозглашать цели и требовать действий от правительства, чем действовать самим* (Переселенческий вестник, 22.09.2019) – в данном контексте то же новообразование обозначает лиц, которые являются активистами, но ведут себя неподобающе этому статусу, не выполняют свои обязанности в должной мере (подобное значение не может быть реализовано исконным префиксоидом *лже-*).

Оба префикса – *псевдо-* и *квази-* – являются продуктивными в медийном словотворчестве, на что указывают исследователи [Петрова, Рацибурская 2011], [Соловьева 2019], однако *квази-* реже встречается в заголовочных новообразованиях. Возможно, это связано с большей его терминологичностью, новообразования с *квази-* часто создаются на базе терминов сферы экономики, юриспруденции, финансов и используются в текстах, выражающих негативную оценку экономических процессов и явлений: — *Это лицензирование? — Скорее квазилицензирование. Механизм позволит экспортировать нефтепродукты только их производителям и только при соблюдении ими условий о приоритетном снабжении нефтепродуктами внутреннего рынка* (Коммерсантъ, 27.03.2019); *С точки зрения такого сверхбольшого банка, он прекрасно живет за счет переводов между своими клиентами, он такой квазимонополист в этой области, и он абсолютно никого не хочет в эту систему пускать* (Коммерсантъ FM, 21.01.2019).

Таким образом, негативная ингерентная оценочность выражается в эксплицитной форме с помощью новообразований с префиксоидом *лже-*,

префиксами *псевдо-*, *квази-* в сочетании с основами с положительной или нейтральной оценочностью, поскольку подобные новообразования обозначают ложные явления социальной жизни общества, а также лиц с ложным социальным статусом, чьи качества не соответствуют общественным стандартам. Оценочность при этом может усиливаться за счет контекста: новообразования с префиксоидом *лже-*, префиксами *псевдо-*, *квази-*, как правило, употребляются в текстах, критикующих ложные социальные явления, обличающих мошенническую антиобщественную деятельность.

Негативно-оценочную семантику также выражают новообразования с префиксоидом *нарко-*, вносящим значение связи с наркотическими веществами. В медийных текстах подобные новообразования, как правило, используются для формирования негативного образа публичного лица или социальной группы. Новообразования с *нарко-* выражают негативную оценку за счет указания на нарушение юридических и этических норм, связанное с употреблением и распространением наркотиков. Префиксоид *нарко-*, как правило, присоединяется к основам с негативной семантикой и коннотацией: *Отставка на фоне нарко-скандала. Глава Федерации хоккея с мячом Хакасии Юрий Шпигальских ушел в отставку из-за скандала с наркотиками* (Газета.ру, 07.02.2013) – ср. скандал ‘случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников’ [МАС]; *Составлена полная видеоподборка нарко-«подвигов» депутата Резника. Петербургский парламентарий Максим Резник, оказавшийся в центре наркоскандала, является не объектом чьего-либо преследования, а депутатом, которой подорвал оказанное ему доверие наркозависимостью* (ПолитРоссия, 17.05.2019) – *подвиг* (употребляется в кавычках, иронически) разг. неодобр. ‘Похождения, проделки’ [МАС]. В том числе производящее слово может указывать на противозаконную или аморальную деятельность: *Руководство Израиля просит освободить еврейскую нарко-контрабандистку* (Завтра, 14.10.2019); *Нарко-недофильский скандал загнал оппозицию в банку* (Взгляд, 07.03.2019). Оценочность новообразований с *нарко-* может поддерживаться за счет контекста, причем новообразования с *нарко-*, по своим структурно-семантическим

характеристикам относящиеся к рациональному типу оценки, нередко употребляются в текстах, насыщенных эмоционально-экспрессивной лексикой: *Массированная атака нарколоббистов и "Марш за свободу Голунова" ... наиболее радикальные смутьяны во главе со спецкором "Новой газеты", хамовническим мундепом Ильей Азаром, вездесущим боевым хомячком Лизаветой Нестеровой ... решили маршировать наперекор всему* (Завтра, 13.06.2019) – производящее слово *лоббист* не имеет явного оценочного компонента в семантике (от *лобби* ‘группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику’ [НСРЯ]), однако в медийном дискурсе преимущественно употребляется с негативной окраской, что подтверждается контекстом, насыщенным экспрессивными негативно-оценочными лексемами. Однако встречаются и оценочно-нейтральные и даже положительно-оценочные новообразования с нарко-: *Американская наркомечта: в Калифорнии появится город-курорт для любителей марихуаны* (Заголовки.ру, 06.08.2017). Несмотря на единичный характер употребления в проанализированном материале, нельзя не отметить этическую неуместность использования подобных новообразований.

Новообразования с префиксоидом *порно-* способны вызывать негативные ассоциации и этическое осуждение: *Канье Уэст признался в порнозависимости* (Лента.ру, 25.10.2019) – в данном случае негативный компонент в явной форме содержится и в семантике производящего слова *зависимость* ‘болезненная привязанность к чему-либо (обычно опасному, вредному или к такому, от которого трудно отказаться)’ [НСРЯ].

Такими образом, эксплицитная ингерентная оценочность новообразования может создаваться за счет семантико-стилистических свойств словообразовательного форманта. При этом аффиксы могут вносить эмоционально-экспрессивные оттенки негативного спектра, формируя эмоциональный тип оценки, либо создавать негативную семантику, значение несоответствия норме, формируя рациональный тип негативной оценки.

2.1.2. Новообразования с ингерентной имплицитной оценочностью

Имплицитная оценочность свойственна новообразованиям, которые не выражают негативную оценку в явной форме, однако негативно-оценочный компонент выводится посредством интерпретации. При этом оценочность может иметь ингерентный характер, поскольку имеются структурно-семантические предпосылки возникновения оценочности. Так, производящее слово (основа) и/или формант могут способствовать возникновению негативных ассоциаций, негативно-оценочный компонент значения может находиться на периферии семантической структуры. Имплицитная негативная оценочность возникает за счет отрицательных ассоциаций, которые вызывает новообразование.

2.1.2.1. Сочетание семантики производящей основы и форманта как фактор ингерентной имплицитной оценочности новообразований

Имплицитная ингерентная оценка может создаваться за счет сочетания семантики словообразовательной основы и форманта. В некоторых случаях в результате соединения оценочно-нейтрального форманта и основы, в явной форме не содержащей оценку в своей семантике, создается новообразование, имплицитно указывающее на негативный характер описываемого явления или вызывающее отрицательные ассоциации.

Так, для создания имплицитно-оценочных новообразований используется префиксоид *полу-* со значением неполноты проявления признака, который при присоединении к оценочно нейтральным или положительным основам имплицитно выражает негативное оценочное значение. Создаются новообразования на базе лексем, имеющих положительно оцениваемый денотат, но префиксоид *полу-* подчеркивает их неполноценность: *Полупобеда оппозиции. Президент Южной Осетии Эдуард Коккойты покинул свой пост, но не до конца* (Новые известия, 12.12.2011); *Репортаж из Донбасса: полумир, полувойна. Наш корреспондент съездил в горячую точку во время перемирия и постарался описать*

моменты, которые обычно остаются за кадром военных репортажей (Комсомольская правда, 16.04.2015) – негативная оценка интенсифицируется за счет контраста с созданным по той же модели новообразованием *полувойна* на базе антонимичной лексемы *война*, обозначающей негативно оцениваемый в общественной системе ценностей денотат. Также *полу-* присоединяется к номинациям, обозначающим общественно важные институты, документы, учреждения, подчеркивая неполноценность их деятельности: *Декларация полунезависимости. ЦБ отдаст крупным СРО финансовых рынков половину контрольных полномочий* (Коммерсантъ, 27.12.2014); *Полуправа* получеловека. Не получается создать здоровое социальное государство в условиях политического уродства. (Эхо Москвы, 22.10.2019); *Молдавия осталась с полуправительством. Евроинтеграция страны оказалась под угрозой* (Коммерсантъ, 11.03.2013).

Новообразования с *полу-* могут обозначать лиц с неполноценным профессиональным или социальным статусом: *Полуоппозиционер. Интервью с Алексеем Кудриным* (Корреспондент. 21.09.12); *Полуправозащитники. Как совет по правам человека пытался справиться с президентом* (Коммерсантъ, 05.09.2013) – новообразование также может восприниматься как образованное путем тмезиса (одна узуальная лексема вставляется внутрь другой лексемы) на базе *полузащитники*. В том числе подобные новообразования используются в ироническом контексте: *Полумуж. Во многих семьях – переполох: в Госдуме внесен законопроект, который предлагает приравнять к фактическому браку незарегистрированный союз мужчины и женщины, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство* (Наша версия, 29.01.2018).

Негативная оценка формируется за счет указания на недостаточность проявления социально необходимого признака, неполноценность объектов.

В данном случае актуализируется такой элемент оценочной структуры, как шкала оценки: в системе ценностей положительное или нейтральное качество, выраженное в недостаточной степени, ниже нормы, воспринимается как отрицательная характеристика.

Новообразования с *полу-* со значением неполноты тяготеют к имплицитным формам выражения оценки, поскольку их семантика указывает на то, что обозначенный основой признак хоть и в недостаточной степени, но имеется у объекта оценки. В частности, новообразования с префиксоидом *полу-* могут обозначать не столько неполноценность, сколько совмещение различных качеств, социальных ролей, в таком случае негативная оценка не актуализируется: *Леонид Парфенов: я – полуактер ... Я не только журналист, но и телеведущий, – признался Парфенов. – И тут выступаю во второй своей ипостаси. Получается как бы полуактерская работа* (Телесемь. 12.05.2010) – новообразование обозначает человека, совмещающего работу актера с работой журналиста, телеведущего; *Везучий полудепутат. Бензиновый барон Сорокендя попал в гордому почти чудом и удивил своим упорством даже однопартийцев* (Новая газета. 21.03.2013) – новообразование обозначает человека, совмещающего должность депутата с ведением бизнеса. Следовательно, в отличие от новообразований с *недо-*, которые указывают на неполноценность объекта и относятся к эксплицитным формам оценки, новообразования с *полу-* не всегда обозначают негативно оцениваемый недостаток качества и в определенном контексте могут иметь оценочно нейтральную семантику. Таким образом, новообразования с префиксоидом *полу-* относятся к имплицитным формам оценки, их оценочная семантика конкретизируется контекстом.

Имплицитная ингерентная оценочность новообразований в некоторых случаях создается за счет сочетания семантики производящей основы и префиксоидов *нано-*, *кибер-*.

Например, в связи с прогрессом в области науки и техники и интересом к нему со стороны общества словообразовательную активность приобрел префиксоид *нано-*, который 'при добавлении к существительным образует существительные со значением отношения к очень мелким объектам с размерами, измеряющимися в нанометрах' [НСЗ-90]. Данные номинации не являются терминами, создаются в медиадискурсе и используются для обозначения инновационных технологий: *В России разработали мину с "наномозгом". В России*

представили противопехотную мину с искусственным интеллектом (Российская газета, 19.11.2015); *Алексей Кудрин купил производство нанобинтов. «Инмед» специализируется на разработке и выпуске инновационных нановолокон, используемых в качестве перевязочных средств* (Известия, 03.04.2014).

Однако на исследованном материале выявлены примеры, когда новообразования с *нано-* на базе оценочно-нейтральных основ приобретают негативную окраску за счет обыгрывания семантики и стилистической окраски аффикса терминологического характера.

В рамках медиадискурса *нано-* в составе экспрессивных новообразований используется для иронического обозначения объектов чрезмерно маленького размера, действий с чрезмерно маленькой скоростью и т.д.: *Зарплата в конверте? Готовьтесь к нанопенсии. За что переживать, если вам платят по-серому* (Комсомольская правда, 07.02.18); *«Леноблинновации» движутся нанотемпами. Проект индустриального парка «Гатчина» начнет работу с задержкой в несколько лет* (Коммерсантъ, 30.05.2019). Таким образом, семантика префиксоида в составе медийных новообразований утрачивает терминологическую точность: новообразования обозначают не объекты, измеряющиеся в нанометрах, а иронически называют чрезмерно маленькие объекты.

Оценка современной социальной ситуации, а именно течения технологического прогресса, имплицитно выражается за счет контраста семантики префиксоида, изначально использующегося в терминологических номинациях прогрессивных явлений науки и техники, и основы, обозначающей понятие, ассоциирующееся с бытовой сферой. Яркая экспрессия создается за счет семантического и стилистического контраста форманта и основы. Например, в рамках медийных новообразований соединяются префиксоид *нано-* терминологического характера и основа, тематически не относящаяся к научной сфере, имеющая разговорную стилистическую окраску: *Нанобуренки среди разрухи. Начинать подъем животноводства надо не с коров, а с людей* (Литературная газета, 01.03.2017) – ироническая окраска новообразования,

созданного на базе бытовой номинации разговорного стиля *буренка*, в контексте (*среди разрухи*) служит для формирования негативной оценки.

Отрицательную окраску приобретает новообразование *нанонавоз* в публикации о фальсификации исследований в области биологии: *Жужелики и нанонавоз. Традиционно считается, что плагиат в диссертациях — характерная черта только общественных наук. Наглядные примеры того, что это не так* (ТРК-наука, 2013, № 9) – негативная оценочность подобных номинаций построена на ироническом переосмыслении научной терминологии, в результате чего создаются новообразования со стилистическим и семантическим контрастом, высмеивающие современное состояние науки и технологий. При этом могут быть задействованы прецедентные феномены: *Пьезопечка Емели на нанодровах. Россиянам пообещали, что в 2021 году на дороги выедут беспилотные автомобили. Мы сумеем собрать один парадный экземпляр для демонстрации и самообмана. А для промышленного выпуска автопилотируемых транспортных средств мы должны иметь другой уровень индустриального развития* (Наша версия, 21.08.2017). Так, с помощью подобных новообразований со стилистическим и семантическим контрастом основы и форманта в образной форме выражается критика современного состояния социума, в котором, по мнению журналистов, установка на развитие технологий контрастирует с низким уровнем социальной жизни, а амбициозные планы развития науки нередко оказываются нереализованными.

Префиксоид *кибер-* в медийном словотворчестве нередко используется для создания новообразований, обозначающих явления из сферы информационных технологий, причем подобные новообразования часто выражают негативную оценку. При этом новообразования с префиксоидом *кибер-* обозначают явления, связанные с информационной войной и ее деструктивными для общества последствиями. В качестве производящих слов выступают лексемы, обозначающие понятия военной тактики, военные действия, военные объединения и подразделения, оружие: *Первый украинский киберфронт: кто и зачем объявил IT-мобилизацию? Украинские активисты собирают виртуальное ополчение для*

защиты в информационной войне (Forbes, 04.03.2014); Дональд Трамп перешел в киберконтратаку. Вашингтон упростил процедуру возмездия врагам США в киберпространстве (Коммерсантъ, 17.08.2018); Зачем Трамп признался в кибервторжении в Россию. Впервые в истории президент США публично признался в том, что отдал приказ о хакерской диверсии против россиян (Взгляд, 21.05.2019); Россию атакуют кибервойска. По прогнозам экспертов, количество кибератак на объекты критической инфраструктуры в этом году возрастет, повысится их общий профессиональный уровень (Независимая газета, 10.02.2017) – в знач. ‘Хакеры, совершающие атаки на информационную систему’; Студентов поставят под киберружье (Московский комсомолец, 06.04.2015).

Оценка данных новообразований имеет имплицитный характер, поскольку формируется не столько за счет семантики производящих слов (основ) или формантов, сколько за счет их метафорического переосмысления в контексте: общественные события интерпретируются через скрытое сравнение с военными действиями, при этом имплицитно формируется образ «агрессора», потенциально опасного для общества (*Россию атакуют кибервойска*). Так, напрямую оценочная семантика не выражается, однако формируется за счет негативных ассоциаций, связанных с тематикой войны и агрессии.

Таким образом реализуется метафора войны, востребованная в современном медиаполитическом дискурсе. Информационные технологии описываются в аспекте их использования в рамках информационной войны, тем самым формируется образ их враждебности.

В медиадискурсе создаются и другие негативно-оценочные новообразования на базе военной терминологии или лексем, относящихся к тематике войны. Например, заголовочное новообразование *агитвойска* (*Агитвойска. Минобороны тратит миллионы на пиар вместо помощи реальным героям // Наша версия, 25.03.2019*), созданное сложносокращенным способом от *агит(ационные) войска*, в скрытой форме критикует информационную политику государственных органов.

Таким образом, негативную оценочность в имплицитной форме могут выражать новообразования на базе лексем, которые не содержат в явной форме

негативно-оценочных компонентов семантики, однако способствуют возникновению негативных ассоциаций. В подобных случаях наблюдается взаимодействие ингерентно-оценочных и адгерентно-оценочных средств: негативные ассоциации, задаваемые производящим словом, поддерживаются за счет контекста.

Данная группа на исследованном материале заголовков представлена немногочисленными примерами (17 текстов). Как правило, ассоциативный потенциал производящего слова выступает как дополнительное средство формирования негативной оценки для новообразований на базе слов с негативной семантикой, стилистически сниженных слов.

Таким образом, имплицитная оценочность создается за счет семантических оттенков новообразований, которые выражают оценку опосредованно за счет сочетания производящей основы и форманта.

2.1.2.2. Словообразовательная модель и словообразовательный тип как фактор формирования негативной оценочности новообразований

Негативная оценка может обеспечиваться значением словообразовательных модели и типа, по которым создаются новообразования.

Негативная оценка имеет ингерентный характер, поскольку создается за счет словообразовательных средств. Однако контекстуальные средства являются вспомогательными, поскольку при наличии нескольких словообразовательных значений актуализируется именно оценочное значение, и это поддерживается контекстом. При этом оценка выражается в имплицитной форме, поскольку семантика словообразовательного типа имеет абстрактный характер.

Так, имплицитная негативная оценочность может создаваться за счет семантики словообразовательного типа, которая в контексте актуализирует негативное значение. Например, глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* представлены тремя типами: 1) 'достигнуть какого-л. места с помощью действия, названного мотивирующим глаголом': *докопаться* (копая, достигнуть какого-л.

места, найти что-л.), *дорыться, дочерпаться*; 2) ‘интенсивное или длительное действие, названное мотивирующим глаголом, довести до чего-л. (какого-л. этапа, границы, цели, результата)’: *добудиться* (долго будя, добиться, чтобы кто-н. проснулся), *додуматься, дождаться*; 3) ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’: *доработаться* (работой довести себя до неприятных последствий), *добежаться, довоеваться, докуриться, дошутиться* (имеют разговорную окраску) [Русская грамматика 1980]. Первый и второй типы имеют оценочно-нейтральное значение, последний же имеет негативную окраску. Глагольные новообразования с префиксом *до-* и постфиксом *-ся*, как правило, в контексте выражают именно негативно-оценочное значение: «*Домитинговались — Россия умылась кровью*»: *спикер ЗС Петербурга о митингах* (ИА Regnum, 04.03.2020) – новообразование обозначает ‘митингуя, довести себя до неприятных последствий’; *Долайкались до глюков. Зависимость от видеоигр включили в международный перечень болезней* (Российская газета, 20.06.2018) – новообразование создано на базе *лайкать* (в интернет-сленге ‘помечать сообщение, публикацию с помощью специальной кнопки, добавляющей его в подборку понравившееся [Викисловарь]) и выражает значение ‘лайкать и вследствие этого довести себя до неприятных последствий’. Новообразование *допопулистился* (*Алексис Ципрас допопулистился. Его партия «Сириза» готовится к провалу на выборах* // Коммерсантъ, 06.07.2019) создано с нарушением словообразовательной модели глаголов с префиксом *до-* и постфиксом *-ся* (черессупенное словообразование: *допопулистился* ← **популистить* ← *популист*), так же выражает негативно-оценочное значение доведения до неприятных последствий. Негативно-оценочное значение словообразовательной модели поддерживается за счет контекста: в тексте обозначены негативные последствия описываемых действий (*на Октябрьскую площадь приехала карета "скорой помощи"; ... до глюков; Его партия «Сириза» готовится к провалу на выборах*).

При этом новообразование следует рассматривать в совокупности со всеми единицами текста, его идейно-стилистической направленностью, общим смыслом

и подтекстом: *Залайканные до смерти. Если ребенок заявил, что зарегистрировался в социальных сетях, это уже должно стать звонком для родителей <...> Серьезная проблема с этого момента может возникнуть ежеминутно!* (Московский комсомолец, 22.11.2016) – новообразование создано от глагола *лайкать* по модели глаголов с префиксом *за-*. Глаголы с префиксом *за-* могут выражать различное словообразовательное значение: «действие, названное мотивирующим глг, направить за что-л., в какое-л. место, иногда – отдаленное. Катить > за-катить», «попутно, мимоходом совершить действие, названное мотивирующим глг; ненадолго отклониться от основного направления действия. Ехать > за-ехать» и др. [Лопатин, Улуханов 2016: 79-80]. Однако в контексте актуализируется значение словообразовательного типа глагола с приставкой *за-* ‘доставить до какого-л. состояния (негодности, утомления, истощения и т.п.) посредством интенсивного или длительного (иногда чрезмерно интенсивного или длительного) действия, названного мотивирующим глг’ [Лопатин, Улуханов 2016: 83], которое имеет негативно-оценочный характер. Негативная окраска, задаваемая семантикой модели, поддерживается узким контекстом (*Залайканные до смерти*), широким контекстом (*Серьезная проблема ... может возникнуть ежеминутно; все было до скуки предсказуемо, вы что, нас совсем уж всех идиотами считаете?*), тематикой и идейной направленностью публикаций.

Имплицитная оценочность может возникать у новообразований, созданных по словообразовательным моделям, которые имеют оценочно-нейтральное значение, но часто используются в речи для создания обценных, пейоративных лексем.

Для завуалированной отсылки к обценным и пейоративным лексемам, употребление которых в публичной речи запрещено как нормами морали и речевого этикета, так и юридическими нормами, используются новообразования, вызывающие ассоциации с обценными лексемами за счет фонетической и структурной схожести.

Ассоциации с обценной лексикой вызывают новообразования на *-аст/-раст* с негативной экспрессией, ср. новообразование *гендераст* на базе лексики *гендер*:

*Секта «налунунелетальщиков» и всемирный поход гендерастов. <...> И – что самое страшное – иммунитет к зубодробительному невежеству таит с огромной скоростью не только в общероссийских, но и в планетарных масштабах. Это и всемирный бескрестовый поход гендерастов (гендорасов?), размалывающий в щепки биологическую природу человечества (Взгляд, 20.06.2019). Оценочность новообразование *гитлераст* усиливается за счет отрицательного ассоциативного потенциала производящей основы, имени собственного: *Цукерберговские гитлерасты: Facebook массово блокирует пользователей за фото знамени Победы над рейхстагом* (Завтра, 09.05.2020). Ученые отмечают востребованность пейоративных номинаций аналогичной структуры (ср. *толераст*, *либераст*). Так, лексема *толераст* характеризуется как неологизм, вошедший в узус, отмечается частотность ее использования и появление дериватов на базе данной лексемы [Толерантность 2017: 203]. Новообразования такой структуры трактуются учеными как результат контаминации с обценной лексемой [Минеева 2017], некоторые ученые рассматривают компонент *-раст* как суффикс, отмечая его продуктивность [Пиперски 2019].*

При этом новообразования создаются по стилистически нейтральным словообразовательным моделям, на базе оценочно-нейтральных лексем, однако создают очевидные для носителя языка ассоциации с нелитературной лексикой. Так, новообразование *АУЕвишие* не только создано на базе аббревиатуры *АУЕ*, имеющей жаргонный характер [Словарь сокращений], но и за счет фонетической и структурной схожести создает ассоциации с обценной лексемой: *Откуда берутся АУЕвишие дети. У нас проблема. Ходят слухи об ужасном подростковом движении АУЕ. Название звучит как звериный вопль, расшифровывается – «арестантский уклад един», коряво и страшно* (Взгляд, 03.10.2018). Новообразование *наградец* создано с помощью нейтрального в системе языка суффикса *-ец-*, который, однако часто используется в создании стилистически сниженных и обценных лексем, с которыми новообразование вызывает ассоциации: *Наградец. Государство обесценивает свои награды и погоны* (Наша версия, 25.06.2019). Как отмечают исследователи, суффикс *-ец-* в окказиональном

словотворчестве «ассоциируется с негативной оценкой фактов реальной действительности» [Сидорова 2012: 47].

Активно создаются оценочно окрашенные новообразования с финалью *-нут(ый)*, которая может вызвать более или менее явные ассоциации с нелитературной лексикой. Новообразования создаются с помощью суффикса *-т-* путем чересступенного словообразования, т.к. причастие образуется от существительного, при отсутствии глагола. Активно используются в качестве инвектив лексемы *православнутый, майданутый* (*Реакция на видео с православнутыми, пристающими к людям в кафе «Му-Му»* // Новая газета, 20.08.2012; *Сайт «Российской газеты» взломали «майданутые» хакеры* // Омскрегион, 07.03.2014), также создаются новообразования аналогичной структуры: *Тюрбанутые. Если «вагнеровцы», разозленные тем, что на них падает подозрение, найдут убийц — это будет одна история. А если СК РФ будет разыскивать «арабов в тюрбанах» — совсем другая* (Новая газета, 01.08.2018); *Тестонутые. Идея выявлять наркозависимых школьников будет иметь смысл только тогда, когда станет ясно, что с ними делать потом* (Новая газета, 03.10.2018); *Главный секрет успеха, и почему опасно писать на КОНТе (исповедь «политнутаго») ... С придыханием и горящим взглядом, следит Патриот и за политическими ток-шоу, он по имени знает многих политических экспертов и готов часами говорить о них с такими же «политнутыми»* (Конт, 25.05.2015). Ассоциации с обцененной лексикой могут поддерживаться за счет фонетического сходства: *ЕГЭнутые* (Наше время, 29.07. 2011); *ВОБнутые. Как глава Всероссийского объединения болельщиков Шпрыгин нападает на журналистов и нелегально проникает в страны Евросоюза* (Новая газета, 19.09.2016) – от *ВОБ*, графически выделенная аббревиатура *Всероссийское объединение болельщиков*. Как правило, новообразования с финалью *-нут(ый)* создаются на базе оценочно-нейтральной лексики (*тюрбан, тест, аббревиатуры ЕГЭ, ВОБ*). Однако мотивирующим для подобных новообразований может служить и лексика с негативной семантикой и коннотацией (*Хараснутые и оскорбленные. Харасмент и оскорбление чувств — каждый по-своему — знаменуют*

революционную трансформацию социальной нормы в сторону несвободы, цензуры, асексуальности (Газета.ru, 14.08.2018) – ср. роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», от *харасмент* ‘сексуальное домогательство на работе (обычно со стороны начальника по отношению к подчиненной)’ [НСРЯ]), в том числе инвективная лексика: *Толерастнутые пермяки взбесились* (Правые новости, 13.11.2013) – новообразование создано на базе лексемы *толераст* бранн., неодобр., уничиж. ‘Название человека, который очень толерантно ко всем себя ведет, даже когда к нему терпимо никто относиться не собирается’ [Викисловарь]. Новообразования подобной структуры в контексте обозначают психически неуравновешенных и интеллектуально неполноценных личностей, неадекватно себя ведущих, причем мотивирующее слово обозначает причину такого неадекватного поведения.

В целом, суффикс *-т-* причастий и отглагольных прилагательных с финалью *-нут(ый)* имеет оценочно нейтральный характер. Однако таким образом нередко образуются стилистически сниженные прилагательные с пейоративной окраской (*двинутый, долбанутый, тронутый, чокнутый, шизанутый, шибанутый* [Словарь синонимов] и под.) и обценные лексемы, обозначающие неуравновешенных личностей. Поэтому в негативно окрашенном контексте новообразования на *-нут(ый)* вызывают ассоциации с подобными пейоративными лексемами, возникающие у носителей языка на основании коммуникативного опыта. Ассоциации могут поддерживаться за счет фонетического сходства новообразования с конкретной пейоративной лексемой.

Однако негативная оценочность подобных новообразований может деинтенсифицироваться под влиянием языкового окружения и в соответствии с коммуникативным намерением автора, не направленным на выражение негативной оценки: *Футбольнутые. "Даешь молодежь!" Молодой тренер из Томска о своей работе. "Меня зовут Илья, и я безнадежно болен. ... Болезнь эта называется футболом, и многие ошибочно называют ее просто игрой ... Один из главных симптомов этой болезни – желание бесконечно говорить о футболе, чем я и буду заниматься в своей программе "* (Футком, 02.04.2014) – номинация *футбольнутые*

используется говорящим как средство самоиронии по поводу чрезмерной увлеченности футболом, которая сравнивается с болезнью (*я безнадежно болен*). При этом ирония над самим собой выступает как средство саморепрезентации, направленной не на критику, а на саморекламу, привлечение внимания аудитории.

Такие новообразования не имеют оценочных компонентов в своей структуре, поэтому формально относятся к имплицитным, однако отсылка к обценной лексике в данном случае очевидна для носителя языка, а обценная лексика обладает большим потенциалом негативной экспрессивности, особенно в публичной коммуникации в СМИ. Таким образом, подобные примеры подтверждают тезис о том, что имплицитность/эксплицитность как степень выраженности информации «очевидно не бинальна, а градуальна» [Баранов 2011: 319] и представляет собой шкалу, в соответствии с которой информация может быть выражена более или менее открыто. При этом большое значение имеет коммуникативная, культурная компетенция реципиента, для которого имплицитная информация представляется более или менее очевидной и который может ее декодировать более или менее легко.

Таким образом, при использовании словообразовательной оценочно-нейтральной модели резкая негативная оценка создается за счет созвучия и структурного сходства с обценной лексемой, которая открыто в тексте не употребляется, однако связь с ней четко осознается носителями языка за счет речевого опыта.

2.2. Новообразования, созданные неузуальными способами

Большой потенциал выражения ингерентой оценки присущ номинациям, образованным неузуальными способами. Неологизация медиаполитического дискурса отражает актуальные процессы современности, а также интерпретирует их. Кроме того, новообразование сразу привлекает внимание читателя нестандартной формой и яркой образностью, поэтому закономерно, что автор таким способом старается подчеркнуть наиболее важные аспекты повествования:

«Высокая степень оценочности, стремление любой ценой привлечь внимание читателя, подчас слепое следование за установившейся в сознании носителей языка речевой модой не могли не сказаться на особенностях словотворчества» [Плотникова 2004: 195-196]. Будучи изначально экспрессивными единицами, неузуальные новообразования подвергаются глобальным установкам на воздействие и выражение оценки в публицистическом тексте, столь сильными в эпоху усиления личностного начала в современном медиапространстве.

Эта тенденция особенно ярко проявляется в создании заголовков медиатекстов: в эпоху «информационного бума» интернет-пространство перегружено сведениями, которые читатель не в состоянии воспринять в полном объеме, поэтому современные журналисты стараются максимально экспрессивизировать заголовок и сам текст, чтобы привлечь внимание аудитории. Действенным средством экспрессивизации современного медиатекста являются новообразования гибридного характера – результат разных видов контаминации, при которой происходит совмещение формально тождественных частей исходных слов. Это подтверждается языковым материалом: при исследовании использования новообразований в заголовках на базе сайта <http://www.zagolovki.ru> было выявлено, что контаминация является самым актуальным способом создания новообразований в заголовках современных интернет-медиа [Ращибуурская, Торопкина 2016].

При этом оценочность новообразований, созданных неузуальными способами, может иметь как ингерентный характер, если новообразование создано на базе негативно-оценочных лексем (отсылает к ним), так и адгерентный характер, если оценочность новообразования раскрывается за счет контекста.

Проблема отнесения медийных новообразований неузуальной структуры к имплицитным или эксплицитным формам выражения оценки неоднозначно решается в современной науке. Так, некоторые ученые относят контаминированные новообразования различных типов к имплицитной оценке. Н.И. Клушина говорит о том, что «скорнения» выражают оценку в имплицитной форме [Клушина 2008], но при этом отмечает, что такие слова «резко оценочны» и

«в результате этого приема стирается прежняя внутренняя форма слов-доноров и создается новая прозрачная внутренняя форма, ярко выражающая определенную оценку» [Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования 2003], а также приводит примеры с яркой негативной экспрессией: «коммунофашисты», «демонократы». Также исследователь отмечает, что «подобная языковая игра в публицистике связана с прямым воздействием на сознание адресата: яркие образы мгновенно усваиваются и тиражируются в массовом сознании» [Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования 2003]. В то же время некоторые ученые отмечают, что в процессах языковой игры, в том числе словообразовательной, участвуют как имплицитные, так и эксплицитные составляющие категории оценки [Качалова 2010]. Многие ученые-дериватологи приходят к выводу, что медийные новообразования, созданные неузуальными способами (в частности, путем контаминации), имеют ярко выраженный оценочный характер [Ильясова 2015], в том числе выступают средством открытой речевой агрессии [Петрова, Рацибурская 2011], а также приводят к коммуникативным рискам вследствие повышенной негативной экспрессивности [Соловьева 2019]. При этом нестандартность структуры и способа словопроизводства усиливает экспрессивность новообразования [Намитокова 1986: 140], в том числе негативную экспрессивность.

Представляется, что новообразования, созданные неузуальными способами, могут выражать оценку в более или менее явной форме в зависимости от своих структурно-семантических особенностей. Так, оценку в имплицитной форме выражают новообразования, созданные на базе оценочно-нейтральных единиц, но в рамках медиадискурса вызывающие негативные ассоциации. Если же новообразование создается на базе слов с негативной семантикой, в том числе стилистически сниженных слов, слов с яркой негативной коннотацией, то подобные новообразования могут использоваться для выражения эксплицитной негативной оценки в медийном тексте.

При этом оценочность имеет эмоциональный характер, так как новообразования незуальной структуры обладают облигаторной экспрессивностью за счет нестандартности способа создания.

Для новообразований незуальной структуры нестандартность способа создания выступает как фактор экспрессивизации, поэтому целесообразно классифицировать такие новообразования на основании способа словотворчества.

Среди незуальных способов создания новообразований наиболее востребованными являются различные виды контаминации (междусловное наложение, тмезис), а также заменительная деривация, графическое словообразование.

2.2.1. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью, созданные путем контаминации

Контаминация представляет собой создание нового слова путем произвольного совмещения формально схожих частей производных слов [Радибурская 2016]. Достаточно активно создаются контаминированные новообразования с совмещением конечной части первого исходного слова и начальной части второго – так называемое междусловное наложение. При этом возможны формальные модификации на стыке наложения производящих слов в составе новообразования: усечения или искажения конечной части первого производящего слова или начальной части второго производящего слова.

Ингерентную оценку содержат контаминированные образования, созданные путем междусловного наложения на базе лексем, для которых оценка является основной составляющей семантики: *С деньгами все как-то **алепповато**. Интерес инвесторов к России упал из-за Сирии* (Коммерсантъ, 01.10.2016) – *Алеппо + **алепповато*** ‘грубо, безвкусно сделанный’ [ТСРЯ] с искажением начальной части второго слова. Таким образом создаются семантически многоплановые новообразования, актуализирующие семантику обоих производящих слов. В том числе может обыгрываться внутренняя форма производящих слов, их

этимологические связи: **Росгосстрашное предупреждение**. Решение Центробанка запретить лидеру рынка ОСАГО — компании «Росгосстрах» — продавать новые полисы по этому виду страхования выглядит как показательная порка (Лента.ru, 27.05.2015) – **Росгосстрах** (название страховой компании) + **страшный** ‘вызывающий, внушающий страх; пугающий’ [НСРЯ], актуализируется этимологическая связь корня с чередованием *-страх-/-страш-* в значении ‘боязнь’ и производных *страхование, страховать* в значении ‘вид обеспечения от возможных последствий стихийных бедствий и несчастных случаев, заключающийся в возмещении убытков, которое берет на себя специальная организация’ [МАС] в составе сокращения *Росгосстрах*.

Новообразования с негативно-оценочной семантикой создаются путем междусловного наложения на базе лексем и устойчивых словосочетаний, обозначающих отрицательные нравственные и интеллектуальные качества: *Кишинев обвинил Москву в гагаузости мышления. В воскресенье в Гагаузии, автономии на территории Молдавии, пройдут выборы главы региона* (Коммерсантъ, 19.03.2015) – **Гагаузия**+*узость (мышления)* с усечением конечной части первого слова, ср. *узкий* в значении перен. ‘Не обладающий большим умом, лишенный широты взглядов, понятий, познаний и т. п.; ограниченный, недалекий’ [МАС]; **Шифрофрения**. *Мессенджеры готовят к вскрытию* (Коммерсантъ, 04.10.2016) – *шифр* + *шизофрения* ‘тяжелое психическое заболевание, характеризующееся нарушением связности психических процессов и упадком психической деятельности’ (в данном контексте используется в переносном значении ‘безумство’); **Излишняя самосуверенность**. *Как Александр Лукашенко и Владимир Путин отличали независимость от суверенитета* (Коммерсантъ, 16.02.2019) – *самоуверенность* + *суверенность*, производящее *самоуверенность* от *самоуверенный* ‘слишком уверенный в себе, высоко оценивающий свои силы, возможности’ [МАС] в данном контексте обозначает негативное качество за счет указания на превышение нормы в сочетании с прилагательным *излишняя*. Также производящее слово может обозначать лицо, носителя негативных моральных качеств: **Егзисты** <...> *Все настойчивее звучат предложения отменить единый*

госэкзамен (Российская газета, 22.10.2013) – *ЕГЭ+эгоисты* с искажением начальной части второго слова, ср. *эгоист* ‘человек, проникнутый эгоизмом; себялюбец’ [МАС]. В том числе в качестве производящего может выступать лексема с негативной коннотацией, обозначающей негативное моральное качество и осуждаемую идеологическую позицию, например, в публикации: ***Тура-киприотизм***. «Новая Тура» разочаровала и бизнес, и муниципальных чиновников ... ООО «Управляющая компания «Технополис «Новая Тура» в 2011 году, учредителем которой является компания «Фикрано Лтд», зарегистрированная в оффшорной зоне – Кипр (Московский комсомолец, 22.01.2015) – новообразование создано на базе лексем с презрительной коннотацией *ура-патриотизм* презрит. ‘Ложный патриотизм’ [ТСРЯ], причем наложение происходит в каждой из частей сложного слова (*ура* + *Тура*, *Кипр/киприот* + *патриотизм*). В контексте иронически обыгрывается семантика производящего слова, когда в контексте общей критики деятельности технополиса «Новая Тура» отмечается регистрация компании-учредителя в оффшорной зоне вместо российской налоговой юрисдикции.

В представленных новообразованиях одно из производящих слов имеет негативно-оценочную семантику и отрицательную речевую коннотацию (*аляповато, труднее, страшный, узость мышления, эгоисты, самоуверенность, ура-патриотизм*), а второе производящее является оценочно-нейтральным и соотносится с основной тематикой публикации (например, *Алеппо* – название города в Сирии, публикация посвящена ухудшению экономической ситуации в России из-за внешнеполитических причин; *ЕГЭ* – аббревиатура *Единый государственный экзамен*, публикация посвящена проблемам организации экзамена и объективности его результатов и др.). Таким образом, в заголовках реализуется номинативная (за счет отсылки к основной тематике публикации) и оценочная (за счет включения в состав новообразования оценочно маркированных лексем) функции.

Новообразования также создаются путем междусловного наложения на базе лексем, обозначающих антиобщественные действия: ***Вристория***. ... *лживая мифология, какой бы «патриотической» она ни была, только отвращает людей*

от подлинной истории и в конечном счете от своей страны (Газета.ru, 15.10.2016) – *ври* + *история*, ср. *врать* ‘говорить неправду; лгать’ [МАС]; ***Пентагонения*** *на инакомыслящих. Президент США Дональд Трамп продолжает терять ключевых членов своей команды. Новой жертвой на пути выполнения им своих предвыборных обещаний стал глава Пентагона Джеймс Мэттис* (Коммерсантъ, 22.12.2018) – *Пентагон* + *гонения* ‘преследование, притеснение кого-л., чего-л., постоянные нападки на кого-л., что-л.’ [НСРЯ]; ***Фальшмак***. *Десятка продуктов, которые чаще всего подделывают* (Российская газета, 13.09.2012) – *форшмак* + *фальшь* ‘обман, мошенничество’ [ТСРЯ]. Также производящее слово может обозначать лицо, совершающее неблагоприятные действия: ***Атакуемые полузачинщики***. *Российских болельщиков могут спровоцировать на новый конфликт, в котором их уже назначили виноватыми* (Коммерсантъ, 15.06.2016) – *полузащитники* + *зачинщики* ‘тот, кто начинает что-л. (обычно что-л. неблагоприятное)’ [МАС], ср. устойчивое выражение из области спортивной терминологии *атакующие полузащитники*. За счет совмещения семантики производящих слов создается оценочная семантика новообразования: *вристория* ‘искажение истории, имеющее негативные последствия’ (ср. контекст: *отворачивает людей от подлинной истории и в конечном счете от своей страны*), *пентагонения* (*на инакомыслящих*) ‘притеснение главы Пентагона из-за конфликта взглядов’. Таким образом реализуется не только оценочная, но и компрессивная функция новообразования, которое служит емким средством характеристики социальных явлений.

Новообразования неузуального типа, созданные путем междусловного наложения на базе лексем с негативной семантикой, часто имеют ироническую окраску. В заголовке ***Контрабатькин товар*** (*Белоруссия продает российскую нефть на Запад под видом растворителей* // Московский комсомолец, 12.10.2012) новообразование создается на базе лексем ***контрабанда*** + ***батькин*** (от *батька* – прозвище президента Беларуси А.Г. Лукашенко [Вальтер, Мокиенко 2007]) с усечением конечной части первого производящего, причем производящее ***контрабанда*** имеет негативно-оценочную семантику и обозначает запрещенную

законом деятельность ‘тайный провоз или перенос через государственную границу товаров, ценностей и т. п., обложенных пошлиной или запрещенных’ [МАС]. Дополнительная экспрессия в заголовке создается за счет стилистического контраста основ: первое производящее слово с негативной семантикой, официальное название вида правонарушения (*контрабанда*) совмещается с прозвищем (*батька*), имеющим шутливо-ироничную [Вальтер, Мокиенко 2007] эмоциональную окраску. Подобные новообразования выражают оценку в более мягкой форме с оттенком иронии, в рамках коммуникативной стратегии языковой игры.

Таким образом, негативную оценочность в эксплицитной форме выражают новообразования на базе лексики с негативно-оценочной семантикой, обозначающей действия и качества, которые в обществе осуждаются.

Слова с негативно-оценочной семантикой могут иметь стилистически сниженную окраску.

Сленгизмы и жаргонизмы с негативной семантикой могут становиться базой для новообразований нестандартной структуры, созданных путем междусловного наложения. Так, новообразование *бандерлогика* создается на базе жаргонизма, обозначающего людей с низкими моральными и интеллектуальными качествами, и негативно характеризует образ мышления таких людей: *КАРТ-БЛАНШ. Бандерлогика <...> Этой бандерлогикой пользуются циничные продавцы. На панике продается все, что не продавалось <...> Беги, бери! Завтра будет дороже* (Независимая газета, 07.09.2015) – *бандерлоги* (жарг. ‘глупый человек’ [Словарь современного молодежного жаргона 2006], ‘грубый, неотесанный человек’ [Квеселевич 2002]) + *логика*.

Новообразование *Боб-стоп* (*Международная федерация бобслея и скелетона отняла у Сочи право проведения чемпионата мира // Коммерсантъ, 14.12.2016*) создается путем междусловного наложения *бобслей* (*боб*) + *гон-стоп* уголов. жарг. ‘Ограбление, кража’ [Елистратов 2002]. Использование лексемы, в уголовном жаргоне обозначающей ограбление, в публикации подчеркивает

агрессивный характер действий Международной федерации бобслея (*отняла у Сочи право проведения*) и выражает критику в экспрессивной форме.

Новообразования на базе сленгизмов обладают оттенками негативной экспрессии за счет стилистической сниженности и негативной коннотации производящего слова: *Муниципалево*. ... *Мы всех видим! У нас все отцифрованы!* — слова сотрудницы ЦУРа выглядели хищно (Коммерсантъ, 30.01.2020) — новообразование создано путем междусловного наложения с усечением конечной части производящего слова *муниципальный* + *палево* (в молодежном сленге ‘контроль (спецслужб)’ [ССЛ]), в контексте служит иронической номинацией цифровых технологий, которые муниципальные органы используют для контроля определенных сфер жизни общества.

При этом новообразования на базе сленгизмов могут стать дополнительным фактором коммуникативной неудачи. Ограниченность сферы функционирования сленгизмов увеличивает вероятность того, что читатель не сможет определить производящее слово и верно интерпретировать нестандартную структуру новообразования. Так, новообразование *вбросинформбюро* создается с использованием сленгизма *вброс*, обозначающего антиобщественную деятельность, связанную с распространением ложной провокационной информации: *Вбросинформбюро*. Агентство Reuters опубликовало то, о чем предупреждал Дмитрий Песков. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков 28 марта предупреждал о готовящемся «информационном вбросе» против главы государства (Коммерсантъ. 31.03.2016) — *вброс* (в интернет-сленге ‘намеренная дезинформация, клевета с целью провокации’) + *Росинформбюро* (название информационно-аналитического агентства). В целом, языковая игра в данном случае формирует коммуникативный риск полного или частичного непонимания заголовка: новообразование создано на базе сленгизма, имеющего ограниченный характер употребления, и названия компании, мало известной для широкого круга читателей. Риск коммуникативной неудачи увеличивается за счет того, что заголовок состоит из одного новообразования неузуальной структуры, то есть

отсутствует узкий контекст, с опорой на который читатель мог бы восстановить структуру и семантику новообразования.

Примечательно, что новообразования, созданные невузальными способами, в том числе на базе сленгизмов, несмотря на свой окказиональный характер, могут получать распространение в медиадискурсе. Так, после поражения сборной России на Чемпионате Европы-2016 от сборной Уэльса в матче, проходившем в г. Тулуза, в СМИ распространилось новообразование *тулузеры* (создано путем междусловного наложения *Тулуза* + *лузеры* (в сленге 'неудачник' [ССЛ] от англ. *looser*), также обыгрывается созвучие новообразования с инфинитивом *to lose*), выражающее негативную оценку игры российских футболистов: *Тулузеры: сборная России крупно проиграла команде Уэльса и вылетела с Евро* (Комсомольская правда, 21.06.2016); *«Тулузеры» отправляются домой. В Госдуме предложили разогнать сборную России по футболу* (СТС.ru, 21.06.2016). Популярность данной номинации отмечали и сами журналисты: *СМИ синхронно назвали футболистов сборной России «тулузерами»* (Газета.ru, 21.06.2016). Получив распространение в СМИ, номинация стала употребляться и по отношению к другим командам, потерпевшим поражение на Евро-2016 в матче, также проходившем в Тулузе: *Совсем другие "тулузеры": Бельгия разгромила Венгрию* (Спорт-Экспресс, 27.06.16). Новообразование *тулузер* используется как отрицательная характеристика, употребляется в негативном контексте (*сборная крупно проиграла, вылетела с Евро, предложили разогнать сборную*), содержит в себе резкую негативную оценку за счет семантики и стилистической маркированности одного из производящих *лузер*. Несмотря на авторский характер, индивидуальную креативную природу подобных новообразований, определение их авторства практически невозможно в силу специфики распространения информации в интернет-пространстве. Несмотря на многократное употребление в СМИ, данная номинация не вошла в узус, временной диапазон функционирования новообразования ограничен: все зафиксированные примеры употребления относятся к июню 2016 г.

Разновидностью контаминации является тмезис – невузальный способ словопроизводства, когда одно из исходных слов вставляется внутрь другого. Также, как и в рассмотренных выше случаях невузального словотворчества, с помощью тмезиса могут совмещаться слова с негативно-оценочной семантикой: *Есть все поводы для недовольства. Аномальная жара и обычная нехватка генерации обесточили юг России* (Коммерсантъ, 10.08.2017) – недовольство + вольт. В том числе используются слова, обозначающие социально порицаемую деятельность: *Шпионобмания. Правозащитники просят президента не вводить общество в заблуждение насчет их агентурных связей с заграницей* (Коммерсантъ, 01.10.2015) – шпиономания + обман ‘слова, поступки, действия и т. п., намеренно вводящие других в заблуждение’ [МАС]).

Итак, контаминированные новообразования включаются в медиатексты с целью привлечения внимания, повышения экспрессивности и образности текста. Они выполняют также развлекательную функцию: читатель вовлекается в интеллектуальную игру, разгадывая многогранный смысл заголовка. В то же время новообразования становятся средством критики общественных явлений, приобретая негативную окраску за счет семантики и стилистической окраски производящих слов.

2.2.2. Новообразования с ингерентной эксплицитной оценочностью, созданные путем заменительной деривации

Среди невузальных способов создания новообразований также крайне востребованным является заменительное словообразование, проявляющееся в замене служебной морфемы в составе простого слова или одного из корней в составе сложного слова. Важную роль для создания ингерентной оценки играют смысловые отношения между исходным и производным словом. Новообразования невузальной структуры выражают ингерентную эксплицитную негативную оценку, если создаются на базе лексем, содержащих оценочные компоненты в своей семантике.

Базой для создания новообразования может служить лексема с оценочной семантикой, которая обозначает негативное явление или качество: *Известный политолог о вирусобесии: «Попытка отработать новые технологии управления обществом очевидна»* (Завтра, 25.03.2020) – новообразование на базе лексем с негативно-оценочной семантикой и коннотацией *вракобесие*, в данном тексте отсылающее к религиозному *вракобесию* (ср. контекст: *создание прецедента для закрытия храмов, мечетей, синагог и запрет на богослужения явно тянут на отработку технологии по фактическому запрету или ограничению религиозной деятельности в целом*).

В том числе одно из производящих слов может обозначать противозаконную или антиобщественную деятельность: *Фальшивотаблетчики* (Итоги, 21.01.2013) – ср. *фальшивомонетчики* с заменой второго корня в сложном слове на *таблет-*(ка); *Койко-месть* Сергею Удальцову. *Оппозиционеру могут не зачесть в срок время лечения — и будет сидеть сначала* (Московский комсомолец, 28.12.2011) – *койко-место* второго корня в сложном слове на *месть* ‘намеренное причинение зла с целью отплатить за оскорбления, обиды и т. п.’ [МАС]; *Винавиа*. *Самолеты «ВИМ-Авиа» арестовали за долги. А за что отдуваются пассажиры?* (28.09.2017, Российская газета) – *ВИМ-авиа* с заменой части на *вина* ‘ответственность за проступок, преступление’ [НСРЯ].

В процессах заменительной деривации активно используются аббревиатуры. Так, сокращенные слова используются как основа для создания новообразования, когда часть сложносокращенного слова (как правило, один из корней) заменяется на компонент с негативно-оценочной семантикой: *Росалкогольпровокация*. *Почему капитан ФСБ оказался за решеткой после встречи с главным «водочным» чиновником <...> Молодой чекист был «куратором» Росалкогольрегулирования* (Московский комсомолец, 15.11.2015) – ср. *Росалкогольрегулирование* с заменой корня на *провокация* ‘предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, к-рые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия’ [ТСРЯ]. Подобные примеры нестандартной структуры могут иметь различные трактовки способа их создания: *Банкформирование*. *Арестованных финансистов проверяют*

на причастность к системным разорениям банков. (Коммерсантъ, 12.12.2017) – ср. бандформирование ‘преступная группировка’ с заменой первого корня на *банк*; новообразование можно рассматривать также как производное путем наложения с графическим видоизменением *банк* + *бандформирование* либо образованное с помощью мены фонемы <д> на <к>. Аббревиатуры также могут выступать и в качестве заменяющей части: **ЧОПоголики**. Почему одна из самых востребованных профессий невыгодна государству и никем не любима (Новая газета, 26.04.2019) – ср. *шопоголики* с заменой на созвучное *ЧОП* (аббревиатура "частное охранное предприятие"), негативная оценочность создается за счет актуализации семантики форманта *-голик*, с помощью которого создаются номинации, ‘обозначающие лиц, испытывающих патологическую привязанность к чему- или кому-либо’ [Коряковцева 2013: 18].

На исследованном материале наиболее востребованным приемом заменительного словообразования стала замена корня в сложном слове, однако возможна и замена служебной морфемы, например, префикса: *Валерий Сердюков стал политисключенным*. Экс-губернатора лишили пропуска в Совет федерации (Коммерсантъ, 29.05.2012) – замена в сложносокращенном слове с негативной коннотацией *политзаключенный* префикса *за-* на *ис-*. Также встречаются случаи замены комплекса «префикс + корень»: новообразование с яркой негативной экспрессией **Здравозахоронение**. В области разгорается скандал с разглашением личных данных пациентов "скорой" и их родственников (Российская газета, 15.02.2017) создано путем замены в сложном слове *здравоохранение* префикса *о-* на *за-* и корня с историческим чередованием *-хран-/хорон-*, *здравоохранение* + *захоронение*.

В некоторых случаях воздействие усиливается за счет того, что при словотворчестве встречаются сразу несколько факторов создания экспрессивности и эмоциональной оценочности, например, новообразования неузуальной структуры на базе стилистически маркированных лексем.

Так, ингерентную негативную оценку выражают новообразования неузуальной структуры, у которых одно из производящих слов имеет разговорную

окраску и при этом обладает негативной семантикой. Например, новообразования на базе разговорных лексем новообразования описывают социальные и политические противоречия, беспорядки: **Ветопреставление**. *Украина направила французскую инициативу по ограничению права вето в ООН против России* (Коммерсантъ, 17.09.2015) – ср. *светопреставление* перен. разг. ‘Необычайный беспорядок, суматоха, неразбериха’ с заменой первого корня в сложном слове на *вето*; **Тур-дом**: *дебют Петербурга, разгром "Спартака", скандалы в суде*. *Вчера завершился 24-й тур – один из самых насыщенных и резонансных в этом чемпионате* (Спорт Экспресс, 24.04.2017) – ср. разг. *дурдом* перен. ‘Место, где ничего невозможно понять, разобрать’ [НСРЯ] с заменой первого корня в сложном слове на *тур-*. В качестве производящих слов могут использоваться разговорные лексемы с неодобрительной коннотацией: **Пой-баба**. *Алексей Васильев о Мерил Стрип в «Примадонне»* (Коммерсантъ, 12.10.2018) – создано путем заменительной деривации на базе *бой-баба* разг. ‘бойкая, решительная женщина’ [НСРЯ], при этом лексема *баба*, актуализированная в составе новообразования, имеет преимущественно негативную коннотацию [Аверкина 2013]. Следует отметить, что в качестве заменяющего элемента могут использоваться не только корневые, но и служебные морфемы: **Шито-крипто**. *Отсутствие у цифровой валюты правового статуса развязало руки должникам* (Коммерсантъ, 10.01.2018) – ср. *шито-крыто* разг. ‘В полной тайне, скрытно от других (обычно о чем-либо неблагоприятном)’ [НСРЯ] с заменой второго корня в сложном слове на аффиксоид *крипто-*. Новообразования на базе разговорных лексем носят преимущественно иронический характер, передают критику в шуточной форме.

Просторечные лексемы имеют больший, по сравнению с разговорной лексикой, потенциал негативной экспрессивности: **Секир-башнефть**. *Почему арестован и уволен со своего поста глава МЭР Алексей Улюкаев* (новостной портал РБК, 16.11.2016) – ср. *секир-башка* прост. экспрес. ‘Фамильярно-шутливая угроза кому-либо’ [Фразеологический словарь 2008] с заменой второго корня на *Башнефть*. Новообразование на базе просторечной лексемы, выражающей

фамильярно-шутливую угрозу, в заголовке текста об аресте публичного лица приобретает оттенок сарказма.

Таким образом, стилистическая окраска производящего слова становится дополнительным фактором экспрессивности, повышает эмоциональность новообразования в аспекте выражения негативной оценки.

Следует отметить, что способ создания некоторых представленных новообразований имеет неоднозначный характер. Новообразования *шито-крипто*, *пой-баба*, *ветопреставление*, *тур-дом*, *винавиа*, *банкформирование*, *ЧОПоголики*, *боб-стоп* могут быть отнесены к случаям междусловного наложения на основании критерия формальной близости компонентов. В то же время при деривации сохраняются четкие морфемные границы (один из корней в сложном слове заменяется на другой корень), что позволяет отнести данные случаи к заменительной деривации.

В целом, оценка в исследованных новообразованиях создается за счет семантики производящих слов, которые негативно характеризуют описываемые явления (*провокация*, *мракобесие*), а также связывают описываемые явления с социально порицаемой деятельностью (*фальшивомонетки*, *месть*, *вина*, *бандформирование*). Также производящие слова могут иметь негативную коннотацию (*политзаключенный*), быть стилистически маркированными с негативной семантикой (*дурдом*, *светопреставление*, *шито-крыто*, *секир-башка*). Таким образом, в структуре новообразований, созданных путем заменительной деривации, совмещается семантика производящих слов, одно из которых выражает негативную оценку. Новообразования можно разделить на две группы:

1) основой для заменительной деривации выступает лексема с негативно-оценочной семантикой (например, *фальшивотаблетчики* ← *фальшивомонетки*, *тур-дом* ← *дурдом*), а заменяющая часть является оценочно-нейтральной и отсылает к теме публикации (*таблетки*, *тур*);

2) основой для заменительной деривации выступает оценочно-нейтральная (например, *койко-место*, *здравоохранение*) лексема, раскрывающая тему

публикации, а заменяющая часть имеет негативно-оценочную семантику и негативно характеризует описываемые явления (*месть, захоронение*).

При этом в рамках медийного словотворчества могут возникать стандартизированные способы языковой игры на базе заменительного словообразования, что отражает характерное для публицистического стиля сочетание экспрессивности и стандартности. Например, на базе лексем *гособоронзаказ* (сокращение от Государственный оборонный заказ), *Рособоронзаказ* (сокращенное наименование Федеральной службы по оборонному заказу), создаются новообразования путем замены одного из корней (-заказ-) в сокращении: *Гособоронзакаат*. Президент раскритиковал реализацию гособоронзаказа и пригрозил увольнениями как производителям, так и чиновникам (Газета.ру, 18.03.2011); *Гособороноткат*. Как военные и чиновники воруют бюджетные миллиарды (Огонек, 05.06.2017); *Рособороноткат*. 20% средств, выделяемых государством на гособоронзаказ, разворовываются (Газета.ру, 24.05.2011); *Рособоронрассказ*: кремль предъявил последний козырь, как отчаянную попытку торга с западом (Заголовки.ру, 02.03.2017). Также на базе лексемы *гособоронзаказ* создаются новообразования путем смены префикса: *Гособороннаказ*. Нижегородского губернатора просят пролоббировать меры развития ОПК (Коммерсантъ, 23.05.2012); *Казахстан дает России гособоронотказ*. Россия, по оценке ведомства, может потерять рынок объемом "в миллиарды долларов" (Коммерсантъ, 21.04.2016). При этом заменяющий компонент похож по звучанию на исходный (*заказ – закат, наказ, отказ, рассказ*). Исходные номинации *гособоронзаказ*, *Рособоронзаказ* оценочно нейтральны, а новообразования приобретают имплицитную негативную оценку за счет семантико-стилистических свойств заменяющего компонента (например, *откат* жарг. 'Вознаграждение менеджеру или гос. чиновнику (заказчику), от производителя (подрядчика) за проведение тендера или размещение крупного заказа' [ССЛ]), а также за счет контекста: публикации содержат критику реализации программ государственных закупок (*Президент раскритиковал реализацию гособоронзаказа*), указания на недобросовестное поведение

чиновников при их осуществлении (*военные и чиновники воруют бюджетные миллиарды*). Продуктивность словообразовательной модели обусловлена экстралингвистическими причинами: медийное словотворчество в целом отражает актуальные социальные тенденции, активно отвечает на информационные потребности общества, в словообразовательные процессы вовлекаются ключевые слова определенного исторического момента.

2.2.3. Графическое словообразование как фактор создания ингерентной негативной оценочности новообразований

В связи с усилением визуальной составляющей современного медиатекста в условиях мультимедийности информационного пространства актуальными становятся графические способы словообразования.

Графическое словообразование относится к невуальным способам словотворчества, наряду с рассмотренными ранее контаминацией, заменительной деривацией. Однако данный способ словотворчества целесообразно рассмотреть отдельно, поскольку механизм формирования оценочного значения подобных новообразований усложняется за счет актуализации визуальных средств воздействия.

Как отмечают ученые, современные медиатексты являются мультимодальными (Н.В. Чичерина), креолизованными (Е.Е. Анисимова, Н.С. Валгина, Л.Г. Кайда), поликодовыми (В.Е. Чернявская), то есть соединяющими разнородные элементы (вербальные, визуальные, аудиальные, аудиовизуальные и другие). В широком смысле поликодовость предполагает сочетание любых различных знаковых систем в пределах одного текста, смешанный характер текстов «с различными невербальными знаковыми системами» [Рождественский 1979: 166]. В современном медиадискурсе поликодовость проявляется за счет добавления к тексту мультимедийных элементов, изображений, графического оформления текста и др.: «важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое,

шрифтовое, цветное оформление, шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т. п.)» [Анисимова 2003: 98]. Таким образом, соединение в тексте разных алфавитов, элементов разных языковых систем отражает тенденцию к смешению кодов.

Языковая игра на базе поликодности часто встречается в заголовках, поскольку подобное построение помогает привлечь внимание читателя визуально, деавтоматизировать восприятие текста.

Данный прием языковой игры основан на принципе ассоциативной адаптации, одновременной актуализации в сознании читателя семантики нескольких визуально воспринимаемых лексических единиц [Гридина 1996].

Особенно актуальным становится изучение поликодности текстов в сфере интернет-коммуникации. В настоящее время «исследователей интересует также креолизованность интернет-текстов (наличие смайликов, разного рода графических вкраплений), использование в них единиц компьютерного жаргона, специфических акронимов, самопрезентация коммуникантов посредством псевдонимов (ников), намеренное игровое отступление от орфографических норм, сознательное смешение различных стилистических средств, контаминированное использование лексики английского и русского языков» [Азимов 2012: 100]. Данные особенности интернет-текстов характеризуются учеными как «языковые новации» [Литневская, Бакланова 2005], которые являются «наиболее рельефными» [Галичкина 2001].

Активное применение визуальных средств воздействия признается дериватологами одной из отличительных черт современного медийного словотворчества: широкое использование графических средств словообразования связывается с визуализацией современного общения, усилением игрового начала медийного дискурса и креативности языковой личности [Нефляшева 2009: 97]. Таким образом, использование графических средств при создании новообразований является проявлением поликодности [Чернявская 2009].

В медийном словотворчестве активно используется капитализация, т.е. выделение заглавными буквами части новообразования, совпадающей с узуальным словом. Прием капитализации реализуется по-разному в зависимости от структуры новообразования.

В узуальном слове может выделяться часть, совпадающая с другим узуальным словом (в том числе аббревиатурой), таким образом в рамках новообразования актуализируется семантика обоих слов, одно из которых имеет оценочную окраску: ***ОтКланились**. Второй президент Казахстана выходит из тени первого* (Новая газета, 08.07.2019) – ср. *откланились* с выделением клан ‘замкнутая группировка, обычно возникающая на основе родственных, экономических, деловых связей, общих интересов и потребностей, характеризующаяся взаимопомощью ее членов, финансовым и деловым партнерством, круговой порукой; часто имеет противоправный характер’ [Комлев 2006] (ср. *мафиозные кланы, кланы организованной преступности* и под.); *Семейные РАНЫ российской науки. Академия наук ответила на упреки в семейственности и раздутых штатах* (Московский комсомолец, 14.12. 2016) – в узуальной лексеме с оценочной семантикой *рана* (в переносном значении ‘какие-л. отрицательные явления, существующие в обществе’ [НСРЯ]) графически выделяется часть *РАН*, совпадающая с аббревиатурой-названием Российской академии наук. Подобные случаи характеризуются учеными как псевдомотивация без графемного изменения исходного слова [Ильясова 2015].

Графическое выделение определенной семантически значимой части может осуществляться не только в узуальных словах, но и в новообразованиях, причем графические средства способствуют формированию или усилению негативной оценки. Так, резкая негативная оценочность создается в заголовке: *Американская **пОСЛИХА** назвала дружбу России и Киргизии проблемой* (Экспресс газета, 10.11.2014) – новообразование создано на базе лексемы *посол* с помощью суффикса разговорной окраски со значением женскости *-их(a)*, который передает пренебрежительную эмоциональную коннотацию. Оценочность усиливается за счет графического выделения с помощью заглавных букв узуального слова *ослиха*,

зооморфной метафоры пейоративного характера, ср. *осел* простореч. ‘Тупой и упрямый человек’, также употребляется как порицающее или бранное слово [НСРЯ].

Нередко графическая модификация происходит в новообразованиях, созданных невузальными способами. С помощью заглавных букв может выделяться целое узуальное слово в составе контаминированных новообразований: **ЗаМАДУРили**. *Ради Мадуро Россия готова развалить БРИКС и поссориться со всей Латинской Америкой?* (Наша Версия, 22.04.2019) – новообразование создано путем тмезиса с капитализацией *задурили* + *МАДУРо* (Николас Мадуро Морос — Президент Боливарианской Республики Венесуэла), негативная оценочность создается за счет семантики и стилистической окраски лексемы *задури́ть* прост. ‘Сбить с толку’ [МАС]. Когда с помощью капитализации выделяется одно из производящих слов новообразования, его структура становится более прозрачной для читателя, а также расставляются семантические акценты. Так, в заголовке **«НеБЛОГонадежная среда»** (... в Глобальной сети каждое написанное слово может стать известно работодателям // Компания, 24.01.2011) новообразование создается путем внутрисловного наложения на базе лексемы с негативной семантикой *неблагонадежный* ‘недостойный доверия в нравственном или каком-либо ином отношении’ + *БЛОГ* с капитализацией второго производящего слова. Капитализация производящего слова *блог* в составе новообразования позволяет сделать структуру новообразования более прозрачной, акцентировать внимание на выделенном фрагменте: части *благ-* и *блог-*, которые накладываются друг на друга, формально похожи, поэтому графическое выделение призвано привлечь внимание читателя.

Графически выделяемая часть может иметь негативно-оценочный характер. Так, в новообразованиях *КЛАНирование*, *КЛАНдаик* обыгрывается значение графически выделенного производящего *клан*, которое имеет негативную коннотацию за счет ассоциаций с криминальной деятельностью: **КЛАНирование** *Крыма. Хозяева полуострова: семейный клан Сергея Аксенова, его политики и его бизнесмены* (Новая газета, 26.01.2018) – междусловное наложение с

капитализацией *клан* + клонирование; Семейный **КЛАНдайк**. После ареста 32-летнего сенатора Рауфа Арашукова в Совете Федерации теперь придется менять испорченные кресла. ... В тот же день «приняли» и отца Рауфа, советника главы ООО «Газпром межрегионгаз» Рауля Арашукова. Ему, как и его сыну, вменяют в вину целую уйму преступных эпизодов, в том числе и особо тяжких. Что это – единственный случай или тенденция? (Наша Версия, 04.02.2019) – междусловное наложение с капитализацией *клондайк* ‘источник высокой прибыли, больших доходов’ [НСРЯ] + **КЛАН**. Таким образом, в контексте производящее слово *клан* способствует формированию негативного образа обособленных групп, обладающих властью и связанных с преступной деятельностью.

В процессе капитализации может выделяться не целое слово, а одна графема, отмечающая начало второго производящего слова в составе новообразования: **ФизкультДыра**. Неужели Минобрнауки не в курсе, что 13% из 52 тысяч общеобразовательных учреждений страны не имеют помещений для физподготовки, а в 5% из них нет ни одного спортивного сооружения? (Мир новостей, 10.10.2011) – ср. *физкульт-ура* с заменой части на *дыра* перен. разг. ‘Недостаток, нехватка чего-л’ [НСРЯ]; Это не «Чернобыль» — это **ЧерноБоль**. Участник запуска АЭС, экс-чернобылец Валерий Милашенко в колонке для *АиФ.ru* — о том, как его поразил сериал «Чернобыль» (Аргументы и факты, 14.06.2019) – *Чернобыль* с заменой этимологически выделяемого корня на *боль* ‘ощущение физического или нравственного страдания’ [МАС] с дополнительной капитализацией, можно рассматривать как образованное с помощью мены фонемы <ы> на <о>.

Капитализация в контаминированных новообразованиях служит для выделения одного из производящих слов в составе новообразования. Это направлено как на смысловое акцентирование части, привносимой в семантику новообразования, так и на облегчение понимания структуры новообразования читателями.

Негативная оценочность рассмотренных новообразований имеет ингерентный характер и обусловлена семантикой и коннотацией производящих

слов (*клан, раны, ослиха, неблагонадежный, задурили, боль*). При этом в зависимости от характера оценочного значения производящего слова можно говорить об эксплицитной или имплицитной оценке. Эксплицитная оценка свойственна новообразованиям на базе слов с явной негативно-оценочной окраской, у которых оценочный компонент значения относится к ядру семантической структуры и зафиксирован в словарной дефиниции (*раны, ослиха, неблагонадежный, задурили, боль*). В то время как новообразованиям с различными приемами капитализации на базе лексемы *клан* (*ОтКланились, КЛАНирование, КЛАНдайк*) свойственна имплицитная оценка, поскольку оценочность создается опосредованно, за счет отдельных компонентов семантики и ассоциаций с криминальной деятельностью.

В эпоху глобализации в процессах графического словообразования все чаще используется латиница. Как отмечают ученые, нетранслитерированные элементы часто употребляются в СМИ ради языковой игры, имеют окказиональный характер [Маринова 2012: 99].

С помощью латиницы могут оформляться и морфемы или неморфемные части русскоязычных слов. Графически неадаптированные элементы участвуют в деривационных процессах, образуя полиграфиксаты [Попова 2011].

Как отмечают исследователи, активно создаются полиграфиксаты-композицы [Попова, Галактионов 2011], образованные путем сложения: **SKYPE-конвой**. *Тюремное ведомство начало контролировать арестантов через Интернет* (Российская газета, 14.03.2012); **Total-сокращение** (16.08.2016, РБК). На исследованном материале подобные примеры носят единичный характер, возможно, потому что подобная модель преимущественно используется для создания оценочно-нейтральных новообразований, выполняющих номинативную функцию (ср. *CD-индустрия, Bluetooth-модуль, fashion-бутик* [Попова, Галактионов 2011]).

Как показывает исследованный материал, полиграфиксация в большей степени свойственна контаминированным новообразованиям. Так, иноязычные элементы в исконной графике могут соединяться путем контаминации –

произвольного совмещения близких по звучанию частей, причем производящими для новообразования выступают два узуальных слова, одно из которых принадлежит русскому языку и оформляется кириллицей, другое слово – иноязычное в исконной графике (латиница). Таким образом создаются семантически многомерные новообразования, нередко выражающие явную негативную оценку за счет семантики одного из производящих слов: *Массовый PSYхоз. Корейская поп-звезда доказала, что мир, возможно, более плоский, чем нам кажется* (Эксперт, 26.10. 2012) – психоз разг. ‘Сильное психическое воздействие каких-л. явлений, событий, вызывающее нервозность, навязчивые идеи, страх’ [MAC] +PSY (псевдоним корейского певца). В контаминированных новообразованиях *DDoSтали, ВещDDOSы* обыгрывается написанная латиницей аббревиатура *DDoS* (*атака*), обозначающая хакерскую атаку на вычислительную систему, таким образом в заголовках раскрывается проблема киберпреступности: *DDoSтали. "Ъ" просит МВД проверить причастность "Наших" к атакам на ИД* (Коммерсантъ, 10.02.2012) – *достали* ‘выводить кого-либо из себя непрекращающимися действиями, расспросами; надоедать, приставать, раздражать’ [ССЛ] + *DDoS*; *ВещDDOSы соберут по стандарту. Под кибератаки подводят доказательную базу* (Коммерсантъ, 11.11.2016) – *вещдоки* (профессионализм, созданный путем сращения словосочетания ‘вещественные доказательства’) + *DDOS*.

Использование латиницы в контаминированных новообразованиях позволяет расширить их смысловое пространство, создать сложный комплекс аксиологических ассоциаций, в скрытой форме указывающих на негативный характер тех или иных социальных явлений. Так, заголовочное новообразование *ГербоLife* (*Герб страны стали использовать как приложение к валенкам и упаковкам // Российская газета, 08.10.2013*) создано путем междусловного наложения лексемы *герб* и названия организации *Herbalife* (также распространенное в написании кириллицей «Гербалайф»). Негативная окраска новообразования создается за счет обыгрывания коммерческой репутации компании «Herbalife» и поддерживается контекстом (*Герб страны стали*

использовать как приложение к валенкам и упаковкам), таким образом в скрытой форме выражается этическое неприятие использования герба страны в торговых целях. В публикации с поликодовым заголовком *No pasaРАН* (Академический погром как симптоматика медленной агонии // Новая газета, 05.07.2013) негативная оценка в скрытой форме выражается за счет развернутой метафоры войны, которая обозначает в заголовке за счет обыгрывания военно-политического лозунга *No pasaran* + РАН (Российская академия наук), и раскрывается в тексте: *В среду Академия и ее защитники сдали свой Брест, а теперь готовятся к Бородино и к будущему Ватерлоо <....> Но атака всегда вынуждает раскрыться: в этой немаленькой и якобы победоносной войне режим как на ладони, во всем блеске своего динамичного издыхания* (Новая газета, 05.07.2013). Таким образом, реализуется имплицитная негативная оценка академического сообщества за счет различных средств языковой игры: графических средств создания новообразования, обыгрывания прецедентного высказывания, использования метафоры с негативной окраской, вызывающей негативные ассоциации.

В электронных СМИ часто встречаются каламбурные образования, построенные на стилизации заголовка под адрес вэб-страницы в интернете, стандартное окончание которого «.net» созвучно русской отрицательной частице «нет». В сочетании с существительным в родительном или именительном падеже такая конструкция может быть прочитана двояко, как интернет-адрес или как конструкция с отрицанием. Оценочность подобных заголовков может выражаться более явной форме в зависимости от структуры игрового новообразования и контекста использования. Резкая негативная оценочность выражается, если в языковую игру вовлекаются стилистически сниженные лексемы с негативной семантикой: *Понтам.net. Почему российские чиновники удаляют информацию о своем образе жизни из интернета (и в этом опережают весь мир)* (Новая газета, 24.07.2017) – ср. *понты* в жаргоне ‘хвастовство, высокомерие, заносчивость’ [ССЛ]. Новообразования на базе оценочно-нейтральных лексем выражают оценку менее явно, однако отражают социальное неприятие определенных реалий: *Комиссия.net. Как избавить коммунальные платежи от наценок* (Российская

газета, 11.11.2014); *Таблеток.net*. В России снова собираются закрыть все интернет-аптеки (Российская газета, 31.10.2014); *Ссылок.net*. Интернет-поисковикам назначили штрафы за выдачу заблокированных сайтов (Российская газета, 29.06.2018). Такие поликодовые заголовки каламбурного характера часто принадлежат текстам, посвященным теме интернета. Реже встречаются аналогичные стилизации под вэб-адреса с финальными «.ru», в сети интернет обозначающими адреса российских сайтов. Так, в тексте с заголовком «**Забей-точка-ru**» (*Почему в социальных сетях равнодушия к чужой жизни больше, чем любви к ближнему* // Российская газета, 13.04.2012) с помощью языковой игры на базе сленгизма *забить* ‘не обратить внимания, проигнорировать’ [Викисловарь] выражается осуждение социального равнодушия пользователей интернета. Подобные поликодовые образования встречаются в СМИ крайне часто, стали настолько узнаваемыми, что используются как база для новых каламбурных трансформаций: *Украина.Вру*. Антон Елин о пропагандистских мощностях. *Завтра по «России 24» между «Вестями.Net» и «Наукой 2.0» покажут фильм подружки Януковича Алены Березовской «Украина.Ру»* (Газета.ру, 16.05.2014) – междусловное наложение *Украина.Ру + вру (врать)*.

В поликодовых новообразованиях могут использоваться небуквенные знаки: различные графические знаки (дефис, слэш и др.), знаки препинания (скобки, многоточие и др.).

В узуальном слове с помощью дефиса выделяются семантически важные части, таким образом акцентируются определенные семы или меняется значение слова: *Он-позиция*. Ни одна непарламентская партия 18 сентября не преодолела пятипроцентный барьер (Российская газета, 23.09. 2016) – *он* (междометие) + *оппозиция*; *Долго-жданые правила*. Главный судебный пристав России Дмитрий Аристов: *Готовятся меры по защите граждан от ошибочного списания денег* (Российская газета, 31.10.2017) – узуальная лексема *долгожданые* разделяется дефисом, создаются ассоциации со словом *долг* в статье, посвященной теме ошибочного взыскания долгов. Так, слово разделяется с помощью дефиса на две части и в его составе выделяется другое узуальное слово. Таким образом в сознании

читателя актуализируются значения нескольких лексических единиц, причем эти единицы могут находиться в отношениях контекстуального противопоставления: *Лю-бить по-русски. Предлагается детально прописать в Уголовном кодексе, что понимать под жестоким обращением с детьми* (Российская газета, 28.10.2016) – в слове *любить*, обладающим позитивным ассоциативным потенциалом, выделяется часть *бить*, противопоставленная исходному слову за счет негативных ассоциаций. При дефисации исходное слово переосмысливается, выстраиваются новые концептуально значимые ассоциативные связи между лексемами: *Вес нетто. Производители и импортеры систематически недовешивают товар в пачки и пакеты* (Российская газета, 12.10.2017) – узуальная лексема *нетто* разделяется дефисом, создается ассоциация на основе созвучия с сочетанием частицы и местоимения «*не то*» с контекстуально оценочным значением ‘не то, что надо/не такой, какой должен быть’.

При этом дефисация может сопровождаться формальной трансформацией исходной лексемы, за счет чего усложняется семантическое наполнение новообразования и его ассоциативный потенциал: *Контр-банда. Как разгром крупнейшего канала серого импорта связан с влиятельными генералами ФСБ, байкерами в погонах и православными таможенными брокерами* (Новая газета, 19.07.2017) – новообразование создано на базе лексемы *контрабанда* с усечением графемы *a* и разделением слова дефисом. Таким образом создается наложение семантики: одновременно актуализируется семантика исходного *контрабанда* и новообразования с приставкой *контр-* с семантикой ‘против’+ *банда* ‘преступная группа’. Двойственность семантики обыгрывается в контексте: в публикации обсуждаются и проблемы контрабанды, и теории возможного сговора сотрудников государственных структур при ликвидации контрабандистов, в результате читателю становится понятно, что слово *банда* относится к недобросовестным сотрудникам госорганов.

Дефисация может выступать как дополнительное средство графической модификации новообразований, созданных незузальными способами: *Разговор на языке ульти-атомов. Тегеран угрожает нарушить «ядерную сделку» уже 7 июля*

(Коммерсантъ, 04.07.2019) – междусловное наложение *ультиматум* + *атом* с разделением слова дефисом, обыгрывается публицистический штамп *разговор на языке ультиматумов*, обозначающий агрессивную тактику ведения внешней политики, за счет графического выделения лексемы *атом* происходит отсылка к угрозе применения ядерного (атомного) оружия.

В подобных случаях с помощью дефисации могут создаваться новообразования, в скрытой форме отсылающие к обценной лексике: ***Е-биатлон!** Олигарх Михаил Прохоров намерен выпустить е-мобиль. Биатлон под его руководством получился на эту же букву!* (Комсомольская правда, 15.03.2011) – новообразование создано путем заменительной деривации на базе *е-мобиль*. А также подобные новообразования могут отсылать к этически табуированной лексике с пейоративной окраской: ***Наци-анальная** идея. От покорения космоса страну опустили до охоты на геев* (Московский комсомолец, 27.05.2012) – на базе лексемы *национальная* с дефисацией и меной графемы <o> на <a>. В таких случаях языковая игра нарушает этические и коммуникативные нормы, может рассматриваться как проявление речевой агрессии как по отношению к читателю, так и по отношению к конкретному лицу или группе, которым посвящены публикации с такими заголовками.

В целом, при включении графических знаков (дефиса, скобок, слэша и др.) в структуру слова механизм языковой игры остается сходным: выделенный графически отрезок слова создает возможность двойной трактовки семантики, новообразование можно прочесть разными способами, при этом один из вариантов прочтения обладает негативной оценочностью: ***Не/настоящие** мужики. Но вот почему политик обязательно должен соответствовать нашему идеалу, почему мы не готовы воспринимать его просто как представителя наших интересов? Ну да, потому что у нас инфантильное представление о политике. А почему он не может иметь частной территории, где он обычный человек со своими слабостями?* (Газета.ru, 11.10.2016). Таким образом реализуется отмечаемое учеными усиление неопределенности языкового знака, в том числе в сфере словообразования [Николина 2003: 381].

Аналогичный механизм воздействия реализуется с помощью парентезиса – заключения форманта или неморфемной части в скобки для одновременного включения/исключения отрезка слова из его структуры: *Не тех **о(б)**суждаете!* У нас полный завал в экономике. У нас тупик в идеологии. У нас верхи богатеют, а низы беднеют. У нас после объявлений о пенсионной реформе начинает попахивать революционной ситуацией. Что должна делать любая власть во все времена для того, чтобы смягчить ситуацию, ничего в ней не меняя? Вбросить какие-то отвлекающие факторы (Наша версия, 02.07.2018); **(Анти)коррупционный** раскол. Как и почему МТПП ликвидировала свой антикоррупционный комитет (Наша Версия, 17.05.2019); Экономика **(у)слуг**. В нашей холодной, неблагоустроенной стране надо – ежеси по уму – не пиццу развозить, а дело делать (Завтра, 04.06.2019).

Графические знаки, знаки препинания могут заменять части узуального слова, в результате чего создается новое слово с оценочным значением: *Летайте ...бедой*. Описаниями конфликтов авиакомпании «Победа» с пассажирами заполнен весь Интернет. Их не перевешивают даже написанные как под копирку положительные отзывы (Наша версия, 20.03.2017) – обыгрывается рекламный слоган авиакомпании «Летайте Победой».

Также в процессах графического словообразования могут использоваться единицы разных кодовых систем (кодографикация) [Попова 2013], в том числе цифры: *0б0р0н0сп0с0бн0сть*. Слово, в котором семь нулей ... Пока в глазах людей, работающих в этой сфере, будут стоять только нули от миллионных сумм и ничего больше — вряд ли из замысла подъема оборонки со дна выйдет что-то хорошее (Московский комсомолец, 10.10.2011) – ср. обороноспособность, за счет замены графемы *о* на знак нуля в имплицитной форме выражается критика ситуации в оборонной промышленности, связанная с большими затратами и низким прогрессом в данной области; в последующем контексте публикации эта идея уже вербализована.

Таким образом, поликодовые новообразования используются в современных СМИ как средство воздействия, причем за счет графических элементов реализуется

одновременно вербальное и визуальное влияние, что усиливает воздействующий эффект. В зависимости от структуры и контекста поликодовые образования выполняют различные функции. Благодаря нестандартной визуальной форме они всегда рассчитаны на привлечение внимания читателей, поэтому активно используются в заголовках. При этом поликодовые образования могут выполнять скорее игровую, развлекательную функцию (*Долго-жданное правило*), что, во-первых, отвечает установке современных медиа на развлекательность массовой культуры, а во-вторых, помогает реализовать активную роль читателя, вовлечь его в разгадывание скрытого смысла словообразовательной игры. Однако многие поликодовые новообразования в медиатекстах служат не только для привлечения внимания, но и для создания оценочности текста. Иногда негативная оценка выражается в явной форме (*заМАДУРили*), даже граничит с речевой агрессией (*Наци-анальная (идея)*), однако современные СМИ тяготеют к имплицитной, скрытой оценочности, которая в том числе создается графическими средствами. С помощью графических средств расставляются смысловые акценты, актуализируются скрытые семы, создаются «намекы» на оценочно окрашенные слова (ср. *Вес не-тто, Летайте ...бедой*), в том числе под влиянием контекста (ср. *Контр-банда, Не тех о(б)суждаете*).

Итак, новообразования нестандартной структуры обладают большим экспрессивным потенциалом и в связи с этим активно используются в современных СМИ. Помимо выражения негативной оценки, такие новообразования включаются в медиатексты с целью привлечения внимания, повышения экспрессивности и образности текста. Новообразования, созданные невузальными способами, реализуют эмоциональный тип оценочности за счет своей экспрессивности. Оценочность создается за счет того, что происходит смешение семантики нескольких лексических единиц, стирается внутренняя форма исходного слова и образуется новая, с очевидным оценочным значением. Благодаря этому подобные новообразования обладают большой выразительностью, многогранным смыслом, побуждают читателя «разгадать» заложенное автором значение. Оценочность

выражается в имплицитной форме, часто приобретает иронический оттенок. Все чаще новообразования имеют оттенок иронии, а не резкого неодобрения, что в современных коммуникативных условиях является более действенным реализацией воздействующей функции медийного текста. Структура, семантика и стилистическая окраска элементов новообразования определяют его конкретную цель в публицистическом тексте. Благодаря невузальному способу создания, такие новообразования отражают лингвокреативный аспект современного медиадискурса, помогают автору максимально проявить творческую индивидуальность, этим объясняется структурное разнообразие представленных новообразований.

Новообразования невузальной структуры имеют бóльшую, по сравнению с новообразованиями вузальной структуры, контекстуальную обусловленность: поскольку новообразование нестандартно, для распознавания его структуры и верной трактовки семантики читателю необходимо анализировать условия его употребления. Ученые отмечают, что лексическое значение подобных новообразований носит вероятностный характер и конкретизируется контекстом [Лыков 1976: 19]. Таким образом, для реализации воздействующей функции новообразований с ингерентной оценочностью (созданных на базе негативно-оценочных лексем) в то же время важны адгерентные факторы как вспомогательное средство.

Новообразования, созданные невузальными способами, выражают негативную оценку более или менее очевидно в зависимости от того, насколько прозрачна их структура: возможно, что читатель, обладающий недостаточной коммуникативной компетенцией, не распознает языковую игру и не воспримет заложенный автором двойной смысл. В таком случае коммуникативная цель – выразить негативную оценку – не будет достигнута. Поэтому, например, автор может использовать капитализацию как вспомогательный способ акцентирования внимания на негативной составляющей. Также характер оценочности таких новообразований во многом зависит от контекста: новообразования невузальной структуры нередко употребляются в иронических контекстах, в которых скрытая

насмешка заменяет резкое неодобрение. Таким образом, новообразования, созданные невуальными способами, могут выражать оценку с большей или меньшей степенью эксплицитности в зависимости от своей структуры, специфики оценочной семантики производящих слов, а также контекста употребления.

ВЫВОДЫ

Новообразования, обладающие ингерентной оценочностью, на исследованном материале выявлены в 398 заголовках (61% от общего числа).

Можно заключить, что ингерентная негативная оценочность новообразований определяется его внутренними структурно-семантическими свойствами и формируется под влиянием следующих факторов:

— семантика производящего слова (основы): наличие семантических компонентов, прямо (эксплицитная ингерентная оценка) или косвенно (имплицитная ингерентная оценка) указывающих на негативный характер обозначаемого явления. Негативно-оценочный характер семантики связан со спецификой системы ценностей, зафиксированной в языковом сознании адресата и адресанта: негативно-оценочную семантику имеют лексемы, обозначающие явления и качества, которые в данном обществе порицаются;

— стилистическая окраска производящего слова (основы): отраженная в словарных пометах стилистически сниженная окраска (в особенности принадлежность к внелитературным формам языка – жаргону, просторечию);

— эмоциональная маркированность производящего слова (основы): наличие сниженной эмоциональной окраски, отраженное в словарных пометах (*груб., презр., пренебр.* и под.);

— семантика форманта;

— стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска форманта;

— сочетание семантики производящей основы и форманта;

— семантика словообразовательного типа или модели.

Ингерентная оценочность может быть свойственна новообразованиям, созданным как узуальными, так и незузальными способами, причем способ создания новообразования влияет на специфику выражения оценочного значения. При этом новообразования могут выражать оценку в имплицитной или эксплицитной форме.

Новообразования узуальной структуры с ингерентной негативной оценочностью составляют 264 единицы (66% от общего числа новообразований с ингерентной оценкой).

Для новообразований узуальной структуры, выражающих ингерентную оценку за счет семантико-стилистических свойств производящего слова (основы), актуальным способом словообразования становится сложение и его разновидности (23% от общего числа новообразований узуальной структуры с ингерентной оценочностью). Новообразование на базе слов (основ), выражающих оценку, часто создаются с помощью оценочно-нейтральных префиксоидов *крипто-*, *кибер-* и используются для обозначения негативных явлений в сфере инновационных технологий. Оценочность производящего слова (основы) усиливается за счет экспрессивно окрашенных префиксов *супер-*, *гипер-*, *мега-*.

Среди узуальных способов создания новообразований с ингерентной оценкой наиболее продуктивным в текстах СМИ является аффиксация и аффиксоидация (от общего числа новообразований узуальной структуры с ингерентной оценочностью: суффиксация – 20%, префиксация – 22%, суффиксоидация – 8%, префиксоидация – 18%). Оценка может формироваться за счет семантико-стилистических свойств аффикса или аффиксоида. Среди суффиксов продуктивны различные размерно-оценочные суффиксы, которые сочетаются с оценочно-нейтральными основами и используются для создания диминутивов с уничижительной, пренебрежительной окраской. Новообразования с суффиксами, обозначающими незрелых особей, в медиадискурсе могут иметь различную эмоционально-экспрессивную окраску, однако нередко принимают оттенки уничижительности. Востребованными оказываются и другие суффиксы разговорного стиля, в особенности суффикс *-щин(а)*, придающий новообразованию негативно-оценочное значение за счет своей функциональной и эмоциональной окраски. Среди аффиксоидов, семантика которых содержит указание на негативный характер обозначаемого явления, особую продуктивность проявляют суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’, префиксоид *нарко-*, вносящий значение связи с наркотическими веществами. На базе слов с

положительной оценочностью (в том числе контекстуального характера) с помощью префиксов *не-*, *анти-* создаются негативно окрашенные новообразования. Префикс *недо-* используется для создания негативно-оценочных номинаций, подчеркивающих профессиональную и социальную неполноценность лиц. Среди префиксоидов продуктивностью для создания новообразований с оценочным значением имеют префиксоид *лже-*, префикс *псевдо-* (в меньшей степени – синонимичный префикс *квази-*), в сочетании с оценочно нейтральными или положительными основами выражающие семантику неистинности, ложности. Новообразования с данными префиксоидами могут обозначать лиц, не соответствующих общественным стандартам и недостойных какого-либо социально значимого статуса, либо лиц, сознательно выдающих себя за кого-либо в мошеннических целях.

Названные выше словообразовательные средства создания ингерентной негативной оценки преимущественно относятся к эксплицитным формам выражения оценки, поскольку в структуре новообразования содержатся компоненты с явной оценочной семантикой.

Имплицитная негативная оценочность свойственна новообразованиям узуальной структуры, выражающим оценку в скрытой форме, за счет опосредованного указания не негативный характер описываемого явления, а также возникающих негативных ассоциаций.

При этом имплицитная оценка может возникать за счет сочетания семантики производящей основы и форманта. Так, имплицитная ингерентная оценка свойственна новообразованиям с префиксоидом *полу-*, в сочетании с оценочно нейтральными или положительными основами выражающим семантику несоответствия норме, установленной общественной системой ценностей. Префиксоид *нано-* в составе медийных дериватов используется для создания новообразований с иронической окраской: может обыгрываться размерная семантика префикса при номинации чрезмерно маленьких объектов или стилистическая окраска префикса терминологического характера. Новообразования с префиксоидом *кибер-* на базе лексем военной тематики

формируют в сознании читателя негативный образ описываемых явлений, ассоциируемых с враждебностью, агрессивностью (*кибервторжение, кибервойска, киберружье* и под.). При формировании имплицитной формы выражения ингерентной оценки в качестве вспомогательных выступают контекстуальные (адгерентные) факторы: оценка создается за счет семантики и ассоциативного потенциала новообразования, которые поддерживаются контекстом употребления.

Также имплицитная оценочность формируется за счет семантики словообразовательного типа, однако подобные примеры на исследованном материале встречаются довольно редко (26 новообразований, 4% от общего числа новообразований). Особое внимание обращают на себя новообразования с ингерентной оценкой, за счет своей структуры вызывающие ассоциации с обценной, пейоративной лексикой. Несмотря на то, что и словообразовательная основа, и форманты (в частности, финаль *-нут(ый)*) имеют оценочно-нейтральный характер, такие новообразования имеют яркую негативную экспрессию за счет структурной и фонетической схожести с некоторыми обценными лексемами. Подобные новообразования формально относятся к имплицитному типу оценочности, поскольку не содержат элементов с явной оценочной семантикой, однако степень их негативной экспрессивности довольно велика.

Среди новообразований с ингерентной негативной оценкой неузуальными способами создано 134 единицы (34% из всех исследованных новообразований с ингерентной негативной оценочностью). Востребованными на исследованном материале являются различные виды контаминации (междусловное наложение – чистое и с формальными изменениями основ, тмезис), заменительное словообразование, а также графическое словообразование. В целом, словообразовательные средства, используемые для создания ингерентной негативной оценочности, во многом схожи для новообразований узуальных и неузуальных способов: оценка формируется за счет семантико-стилистических свойств производящего слова (основы). При этом для новообразований неузуального типа нестандартность способа создания выступает как фактор экспрессивизации оценочного значения. Новообразования неузуальных способов

на базе лексики с явной негативной семантикой, в особенности стилистически сниженной, обладают большим потенциалом негативной экспрессии, относятся к эксплицитным формам выражения ингерентной оценки.

Имплицитная негативная оценка новообразований незуальной структуры на исследованном материале представлена адгерентно-оценочными новообразованиями на базе прецедентных единиц (рассмотрены далее в главе III).

При этом негативная оценка новообразований незуальных способов может выражаться как в форме экспрессивного неодобрения, отражать концентрацию резко негативных эмоций у адресанта, так и выражаться в форме насмешки, иронии, также относящейся к спектру негативно-оценочной окраски. Игровой характер новообразований нестандартной структуры помогает передать несерьезное, ироничное отношение автора к описываемым событиям и явлениям, тем самым сместив их позицию в системе оценок и ценностей.

Мы признаем, что новообразования, созданные незуальными способами, выражают оценку в более скрытой форме, чем новообразования узуальной структуры. Это обусловлено тем, что оценочные элементы содержатся в структуре контаминированных новообразований в трансформированном виде (или восстанавливаются из контекста), и для выявления оценочной окраски новообразования читателю необходимо произвести мыслительные операции, расшифровав структуру новообразования и интерпретировав условия его использования. Оценочность новообразования основана на словообразовательной игре, более или менее явных отсылках к оценочным элементам, и выявление оценочной семантики зависит от коммуникативной компетенции читателя. Таким образом, незуальные новообразования выражают оценку в более или менее явной форме в зависимости от того, насколько прозрачна их структура: возможно, что читатель, обладающий недостаточной коммуникативной компетенцией, не распознает языковую игру и не воспримет заложенный автором двойной смысл. Представляется, что в данном случае целесообразно говорить о большей или меньшей степени эксплицитности негативной оценочности новообразования в зависимости от его структуры.

Однако нередко новообразования неузуального типа выражают оценку не в форме жесткого неодобрения, а более имплицитно, в форме иронии, что в современных коммуникативных условиях является действенным средством реализации воздействующей функции медийного текста. При этом восприятие оценочного значения зависит от коммуникативной компетенции читателя: языковая игра активизирует роль читателя, вынужденного «разгадывать» заложенный автором смысл, что способствует пассивному усвоению авторских ценностных установок. Благодаря неузуальному способу создания, такие новообразования отражают лингвокреативный аспект современного медиадискурса, помогают автору максимально проявить творческую индивидуальность, этим объясняется структурное разнообразие представленных новообразований.

ГЛАВА III. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Новообразования узуальных и неузуальных способов могут служить средством выражения адгерентной оценки, определяющейся условиями употребления языковой единицы. Лексема, изначально не имеющая оценочного компонента в своей структуре, может приобрести его во взаимодействии с другими единицами текста. При этом адгерентная оценка может реализоваться под влиянием узкого контекста (в рамках заголовка), широкого контекста (в рамках целостного медийного произведения) или под влиянием экстралингвистических факторов. Иногда адгерентная оценка реализуется в рамках одного предложения или словосочетания, однако новообразование следует рассматривать в совокупности со всеми единицами текста, его идейно-стилистической направленностью, общим смыслом и подтекстом. Следует учитывать, что оценка может выходить за рамки конкретного текста и определяется особенностями медиаполитического дискурса в целом, а также экстралингвистическими факторами, такими, как исторический контекст, общественно-политическая ситуация, расстановка сил в политической борьбе, особенности объекта оценки и др.

3.1. Контекстуальные способы создания адгерентной негативной оценки

3.1.1. Новообразования узуальных способов создания с контекстуально обусловленной оценочностью

Одной из актуальных тенденций в языке СМИ, которая проявляется в частности в медийном словотворчестве, является проникновение в медиадискурс единиц иных стилей, как языковой периферии (разговорная речь, просторечие, жаргон и т.п.) [Современный русский язык 2010: 210], так и единиц научного стиля, терминологических элементов. При этом данное явление осмысливается учеными по-разному: при изучении прагматики текста смешение разностилевых элементов

обозначается как проявление гибридности (Е.Е. Анисимова, М.Ю. Казак, В.Е. Чернявская), а при изучении динамики использования словообразовательных средств в условиях современной коммуникации подобные случаи изучаются в аспекте функционального динамизма [Сенько, Цакалиди 2017: 152]. Представляется, что такие подходы дополняют друг друга, раскрывая сущность данного явления в разных аспектах. При этом исследователи сходятся в том, что употребление иностилевых элементов в рамках медиадискурса отражает актуальную установку на экспрессивизацию текста. Как отмечает Е.Е. Анисимова, стилистическая гетерогенность также может создаваться за счет включения в медийных текст компонентов научного стиля, элементов терминологического характера [Анисимова 1992].

Яркой чертой современного словотворчества является использование аффиксоидов научной сферы в составе экспрессивных новообразований, что изначально несвойственно подобным аффиксоидам. На исследованном материале выявлена продуктивность использования префикса *экс-*, суффиксов *-(из)аци(я)*, *-изм* для создания новообразований на базе оценочно-нейтральных элементов, приобретающих оценочность за счет контекста.

Новообразования с префиксом *экс-* в рамках медиадискурса нередко употребляются в негативно-окрашенных контекстах, обозначают лиц, утративших свой социальный статус. Новообразования с *экс-* на базе наименований лиц по их профессии активно используются в заголовках публикаций, рассказывающих о правонарушениях, аморальном поведении публичных лиц или лиц, некогда имевших высокий социальный статус.

Так, новообразования с префиксом *экс-* нередко обозначают государственных служащих, совершивших правонарушение, воспользовавшись служебным положением: *Экс-чиновника прописали в колонии. Вступил в силу приговор экс-главе управления благоустройства и лесного хозяйства Ростова* (Коммерсантъ, 25.09.2019); *В Челябинске экс-следователя СК осудили на восемь лет колонии за взятку в 3 млн рублей* (Коммерсантъ, 29.05.2019); *Экс-сотрудница саратовского Роспотребнадзора оштрафована на 1 млн руб. за взятки и*

превышение полномочий (Коммерсантъ, 28.05.2019); *В Оренбуржье экс-полицейские, пытавшие задержанных, отправятся в колонию* (Коммерсантъ, 28.05.2019); а также публичных лиц, совершивших правонарушение: *Экс-борца Дацика арестовали за попытку переплыть эстонскую границу* (Российская газета, 25.12.2019). При этом указание на высокий социальный статус лица усиливает адгерентную негативную оценочность: *Экс-главу Росграницы вернули из колонии в СИЗО. Дмитрию Безделову предъявили новое обвинение в мошенничестве* (Коммерсантъ, 29.05.2019); *Обвиняемый во взятке экс-замглавы Оренбурга предстанет перед судом* (Коммерсантъ, 27.05.2019); *Экс-лидер Каталонии Карлес Пучдемон сдался властям Бельгии. В июле 2018 года германский суд федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн разрешил выдать Испании Пучдемона по обвинению в растрате госсредств* (News.ru, 18.10.2019); *Суд не изменил меру пресечения экс-мэру Челябинска. По версии следствия, экс-глава города вместе с начальником управления капитального строительства Евгением Пашковым получили взятку в особо крупном размере* (Российская газета, 26.12.2019); *В Петербурге экс-ректор аграрного вуза осужден на пять лет за растрату* (Российская газета, 23.12.2019); *Экс-губернатор Ивановской области задержан по подозрению в мошенничестве* (Коммерсантъ, 01.06.2019); *Экс-министра транспорта Пермского края приговорили к реальному сроку* (Коммерсантъ, 29.05.2019). В том числе новообразование с экс- может обозначать не виновника преступления, а лицо, с ним связанное: *В Красноярске сын экс-судьи и депутата подозревается в жестоком убийстве. Жители собирают сход* (News.ru, 14.10.2019); *Сын экс-хоккеиста Соколова пойдет под суд за убийство матери* (Российская газета, 15.01.2020); *Брата экс-владельца Черкизовского рынка приговорили к 17 годам колонии по делу об убийстве двух человек* (Новая газета, 06.02.2020). Новообразования создаются на базе оценочно-нейтральных элементов: префикс экс- соединяется с наименованием лица по профессии. При этом новообразование в контексте обозначает лицо, совершившее социально порицаемое или противозаконное действие, поэтому в контексте приобретает адгерентную негативную окраску.

Такие новообразования выполняют в заголовках номинативную функцию, передавая информацию о профессии действующих лиц публикации, в то же время указание на некогда высокий социальный статус лица направлено на привлечение внимание читателя, создание эффекта «сенсационности» события. При освещении происшествий автор может намеренно акцентировать внимание на том, что нарушитель некогда имел высокий социальный и профессиональный статус, даже если эта информация не имеет отношения к сути происшествия. Адгерентная негативная оценочность усиливается за счет того, что особый профессиональный статус предполагает более высокие социальные ожидания и более строгие требования к соблюдению публичных норм поведения. Подобное преподнесение информации может способствовать обострению социальных противоречий и формированию в массовом сознании негативного образа определенных социальных групп.

В современной прессе активно используются отсубстантивные существительные с суффиксами *-(из)аци(я), -изм.* Эти словообразовательные модели крайне востребованы в рамках политического дискурса, слова, по ним созданные, изначально использовались в СМИ как оценочно нейтральные обозначения актуальных и обсуждаемых событий и явлений (*глобализация, модернизация, интернационализация и др.*). В настоящее время журналисты используют данную словообразовательную модель в пародийном ключе, создавая новообразования с отрицательной оценочностью, обозначающие негативные процессы современности. При этом в качестве мотивирующего слова могут использоваться негативно-оценочные слова, тогда новообразование приобретает явную отрицательную окраску: *дебилизация* и под., *Вправе ли мы считать эти настроения проявлением особого «озверизма» россиян? К сожалению, необходимо признать, что цинизм подобных рассуждений граждан имеет под собой почву* (Независимая газета, 12.10.2011) – *озвереть* + *-изм.* Однако подобные примеры в исследованных текстах немногочисленны. В качестве мотивирующих могут использоваться и оценочно-нейтральные лексемы, при этом негативная оценка не так ярко выражена, однако неодобрительная или ироническая окраска может

создаваться за счет контекста. Так, новообразования с суффиксом *–(из)аци(я)* используются в текстах СМИ для обозначения негативных процессов в обществе: *Кто остановит гаджетизацию в школе? ...психологи пришли к выводу, что гаджеты действуют на детей как наркотик при использовании более четырех часов подряд* (Молодежная газета, 04.02.2016) – негативная оценочность создается в контексте за счет сравнения *как наркотик*.

В новообразованиях с префиксом *де-* и суффиксом *–(из)аци(я)*, приставка *де-* вносит значение ‘имя существительное со значением действия, обратного, противоположного по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным (ср., *деактивация, деквалификация, демонтаж, денационализация* и т.п.)’ [НСРЯ]: *Дедолларизация и... депенсионеризация. Теперь о «безобразии». Госдума приняла в третьем (или ключевом, или окончательном чтении, предлагались разные варианты)... — не падайте в обморок! – Закон о совершенствовании пенсионного законодательства!!!* (Эхо Москвы, 30.09.2018). Новообразование *депенсионеризация* создано по образцу термина *дедолларизация* ‘вытеснение из экономики, финансовой системы какой-либо страны американского доллара как иностранной валюты’ [НСРЯ], при этом существительное *пенсионеризация* встречается в медийных текстах: *Высокая продолжительность жизни в совокупности с низкой рождаемостью дают эффект постепенной «пенсионеризации» норвежского населения* (Военное обозрение, 26.01.2016); *Новый закон, понятное дело, принимается не для того, чтобы обеспечить прием упомянутых выше 1,4 млн чужестранцев сразу в 2020 году. Предполагается его работа в течение долгого времени (процесс старения и «пенсионеризации» населения никак не остановить)* (Взгляд, 29.12.2019).

Новообразования с суффиксом *-изм* используются для обозначения абстрактных понятий, не соответствующих моральным стандартам общества, и в узком контексте заголовка приобретают негативную оценку, если сочетаются с негативно-окрашенной лексемой. При этом характер грамматической связи элементов в заголовке может быть различным. В заголовке *«Шарлизм – это духовный фашизм!»* (Newsland, 07.11.2015) новообразование создано на базе

названия французского журнала *Charlie Hebdo* – *Шарли Эбдо́*. Оценочность создается в контексте за счет предиката *духовный фашизм*, вызывающего негативные ассоциации. В публикации с заголовком *«Опасный обнулизм»* (*Как это ни странно, но практически все предыдущие громкие властные заклинания и твердые заверения о вот-вот наступающей эпохе текстильного импортозамещения на поверку оказались элементарной профанацией для местных производителей и доверчивых потребителей // Советская Россия, 26.03.2016*) суффиксальное новообразование от *обнулить* (в значении ‘свести к нулю’) сочетается с определением *опасный* с эксплицитной оценочной семантикой ‘способный вызывать дурные последствия; вредный’ [НСРЯ].

Новообразования с суффиксами *-изац(ия)*, *-изм* активно создаются на базе имен собственных: *«Брежневизация»* и *постепенная деградация* (информационное агентство Regnum, 09.03.2019); *Горбачевщина* и *ельцинизм* (Советская Россия, 05.02.2011). Также встречаются новообразования с префиксом *де-* и суффиксом *-(из)ацц(ия)*: *Дечубайсизация*. *Единым энергосетевым комплексом будет снова управлять государство* (Новая газета, 13.03.2013). Причем для интенсификации негативной оценки имеет значение контекст употребления и репутация публичного лица, имя которого послужило мотивирующим: *Будапешт приступил к "десоросизации"*. *В Венгрии борются с американской НКО ради сохранения христианской идентичности* (Независимая газета, 18.04.2017) – чересступенное словообразование на базе имени собственного (*Джордж*) *Сорос* с пропуском ступени **соросизация*. Новообразование создано на базе имени публичного лица, имеющего неоднозначную репутацию. В структуре новообразования не содержится элементов с оценочной семантикой, используются стилистически нейтральные словообразовательные средства, однако новообразование приобретает адгерентную негативную оценку за счет контекста (*борются... ради сохранения христианской идентичности*).

Таким образом, экспрессивность подобных новообразований может усиливаться за счет оценочного потенциала мотивирующего слова — имени собственного или нарицательного, вызывающего порицание у определенной части

социума, однако и новообразования на базе нейтральных лексем приобретают неодобрительную или ироническую окраску за счет контекста, а также пародийного обыгрывания словообразовательной модели в рамках медиадискурса.

Как отмечает Е.И. Коряковцева, «продуктивность этих суффиксальных терминоэлементов, обусловленная стремлением к унификации словообразовательных связей, к автоматизации процесса словопроизводства, свидетельствует об усилении агглютинативности в семантике производных имен действия» [Коряковцева 2018].

Итак, в процессы медийного словотворчества активно вовлекаются аффиксы и аффиксоиды книжного характера. Они не имеют негативно-оценочной семантики или сниженной коннотации, могут использоваться для образования оценочно-нейтральных номинаций, однако в рамках медиадискурса нередко встречаются в составе новообразований с негативной окраской. Данные форманты могут соединяться с основами с негативно-оценочной семантикой (подобные новообразования с ингерентной оценочностью были рассмотрены в главе II). Однако нередко они участвуют и в создании новообразований с оценочно-нейтральной основой, приобретающих адгерентную оценочность в контексте. Новообразования с аффиксами и аффиксоидами книжного характера употребляются в негативно-окрашенных контекстах, в сочетании с лексемами с негативно-оценочной семантикой, а также приобретают в контексте ироническую окраску.

Как отмечают исследователи, использование иноязычных аффиксов в составе новообразований отражает установку на экспрессивное словообразование и оценочность [Шишкина 2010]. При этом нередко изменяется семантика данных аффиксов и аффиксоидов, а также их сочетаемость.

Включение в медийные тексты элементов книжного характера и их сочетание с элементами иной стилистической окраски «диктуется необходимостью расширять и углублять коммуникативные качества медиатекста, который, с одной стороны, должен оказать воздействие на самые разные сегменты аудитории, с особыми предпочтениями и ожиданиями, в том числе в культурноречевой сфере, а

с другой стороны, призван отразить все многообразие окружающего нас экономического, идеологического, культурного пространства» [Славкин 2017: 58].

Стремление к нарушению правил сочетаемости, функциональная неоднородность в медийном словотворчестве коррелируют с усилением игровой составляющей медийного дискурса, с использованием словообразовательной игры.

Таким образом, даже новообразования с оценочно-нейтральными структурными элементами в рамках медиадискурса подвергаются влиянию глобальной прагматической установки на выражение оценки, приобретают отрицательную коннотацию в негативно-окрашенных контекстах.

3.1.2. Новообразования неузуальных способов создания с контекстуально обусловленной оценочностью

В заголовке новообразование неузуальной структуры функционирует как экспрессивный знак, служит для привлечения внимания, а в определенном контексте может использоваться для выражения оценки. При этом ученые отмечают, что лексическое значение подобных новообразований носит вероятностный характер и конкретизируется контекстом [Лыков 1976: 19].

Адгерентную оценочность могут приобретать новообразования, созданные различными неузуальными способами. На исследованном материале выявлена актуальность контаминации (различных ее разновидностей – междусловного наложения, тмезиса) и заменительной деривации для создания адгерентно-оценочных новообразований. При этом основным фактором формирования оценочного значения является контекст, а неузуальный способ создания новообразования усиливает экспрессивность заголовка.

В подобном случае элементы заголовка невозможно рассматривать отдельно друг от друга, поскольку они связаны грамматически, семантически и прагматически, поэтому можно сделать вывод, что заголовок в целом направлен на выражение негативной оценки, а новообразования, усиливающие экспрессивность

заголовка и привлекающие внимание за счет нестандартной структуры, «впитывают» негативный тон высказывания.

Новообразования, созданные невузальными способами, являются средством языковой игры и часто используются в иронических контекстах. Нередко оценочность связана именно с ироническим характером заголовка или текста в целом.

В иронических контекстах могут обыгрываться оттенки семантики, стилистическая окраска или коннотация производящего слова.

Так, новообразование *тип-топ-менеджер* создано путем междусловного наложения *тип-топ* + *топ-менеджер*, лексема *тип-топ* со значением ‘в полном порядке, хорошо’ в некоторых словарях относится к жаргону [Комлев 2006]. В тексте о мошенничестве новообразование на базе жаргонной лексики приобретает ироническую окраску: *Тип-топ-менеджер. Корпоративными мошенниками в России чаще всего становятся директора* (Российская газета, 27.12.2016).

Семантика контаминированного новообразования расплывчата, нечетка из-за его нестандартной, иногда не до конца ясной вне контекста структуры, поэтому большое значение имеет интерпретация, которая во многом зависит от условий употребления: *Умопомротчительный разрыв. Россию обогнали по уровню минимальных зарплат беднейшие страны Евросоюза* (МК, 14.02.2017) – новообразование создано путем тмезиса *умопмрачительный* ‘необычайный по силе, степени, чрезвычайный’ [ТСРЯ] (прилагательное может употребляться для выражения или интенсификации как положительной, так и отрицательной оценки, ср.: *умопмрачительный восторг, умопмрачительный провал*) + *МРОТ* (аббревиатура, написанная строчными буквами, со значением ‘минимальный размер оплаты труда’). Семантику новообразования *умопмротчительный* сложно сформулировать, исходя из узкого контекста заголовка, читатель, вероятнее всего, сможет лишь распознать, на базе каких лексем оно было создано. Однако при прочтении текста можно выявить, что заголовок *Умопомротчительный разрыв* обозначает ‘чрезвычайно большой разрыв в уровне минимального размера оплаты труда (в данном случае – между Россией и странами Евросоюза)’, что можно

характеризовать как имплицитную негативную оценку. В контексте актуализируется негативно-оценочный потенциал производящего слова *умопомрачительный*, неузуальный способ словообразования выступает как фактор экспрессивизации. Таким образом, контаминированное новообразование приобретает негативно-оценочное значение в контексте.

Также в контексте могут иронически обыгрываться негативные ассоциации, связанные с производящим словом: *Менстру-акция. Что феминистки выдают за искусство <...> феминистки решили превратить собственную кровь в оружие и даже средство художественной выразительности* (Лента.ru, 20.09.2017) – междусловное наложение *менструация* + *акция* (в значении ‘художественная акция’) с дополнительной графической модификацией – выделением дефисом части слова. Негативная оценка реализуется за счет контекста: «*Что феминистки выдают за искусство*» – предикат *выдают (за)* (с семантикой ‘объявить не тем, кто (что) есть на самом деле’ [ТСРЯ]) обозначает, что искусство феминисток на самом деле не является истинным искусством, а новообразование приобретает оттенок иронии, сарказма, который поддерживается за счет акцентирования темы физиологических процессов, которая может вызывать негативные ассоциации.

Ирония может быть связана со сменой знака оценки, когда при прочтении полного текста оценочная тональность заголовка и его смысловые акценты меняются. При этом ирония выступает как коммуникативная стратегия, определяющая всю систему организации текста, поэтому для раскрытия негативно-оценочного значения требуется воспринимать текст в целостности: *Секреты российского тонголетия. За последние 23 года продолжительность жизни в России увеличилась только на 1,7 года, в то время как во всем мире прирост этого показателя составил 6,2 года, следует из отчета Института изучения и оценки здоровья. Продолжительность периода здоровой жизни при этом выросла еще меньше — на 1,6 года. Продолжительность здоровой жизни в РФ аналогична показателям Тонга и Гондураса — к такому выводу пришли авторы исследования* (Коммерсантъ, 28.08.2015). Новообразование *тонголетие* создано путем междусловного наложения *Тонга* (название страны) + *долголетие*, однако у

большинства читателей, вероятно, возникнут трудности с восприятием новообразования при прочтении заголовка вне контекста всей публикации, поскольку многим может быть незнакомо название небольшой экзотической страны в Океании, с которой у Российской Федерации мало развито туристическое сообщение и политическое взаимодействие. При этом большинство читателей, вероятно, сможет распознать в заголовке устойчивое сочетание *секреты долголетия*, использующееся как штамп в медийной речи, в названиях книг и телепрограмм, нейминге медицинских центров и проч., которое в целом имеет положительную коннотацию и задает позитивный тон восприятия публикации, создает ожидание, что основной темой является увеличение периода жизни россиян. Однако при прочтении публикации становится понятна отсылка новообразования к названию страны Тонга, которая подчеркивает низкие показатели периода здоровой жизни россиян по сравнению с развитыми странами. Таким образом, в широком контексте публикации заголовков, изначально задающий позитивно-оценочное восприятие, меняет характер оценки на негативную, и новообразование в его составе также приобретает негативно-оценочную окраску.

Для реализации иронических стратегий важными оказываются и экстралингвистические факторы – особенности объекта оценки: *Незабываемое впечатление. Можно ли еще верить в сборную России по футболу? «Верите ли вы в то, что команда экзамен сдаст?»* – «АиФ» адресовал этот вопрос знаменитым болельщикам. Результат: пессимизм победил над оптимизмом со счетом 3:1 (Аргументы и факты, 21.06.2017) – новообразование *незабываемое (впечатление)* создано путем междусловного наложения *незабываемое* + *(не) забивать*, или путем мены фонемы (по И.С. Улуханову [Улуханов 1996]) <ы> на <и> на базе *незабываемое (впечатление)*, так за счет созвучия устанавливается связь с глаголом *забивать*. Глагол *(не) забивать* ‘резкими толчками, ударами загонять, забрасывать что-л. куда-л.’ вне контекста оценочно нейтрален, однако в тексте об игре в футбол (*Можно ли еще верить в сборную России по футболу?*) новообразование *незабываемое* в иронической форме выражает негативную характеристику –

неспособность команды победить и обусловленное этим отсутствие поддержки со стороны болельщиков (*пессимизм победил над оптимизмом со счетом 3:1*).

Таким образом, ирония как коммуникативная стратегия выступает средством формирования адгерентной негативной оценки новообразований, созданных невузальными способами. При этом для верной интерпретации оценочной семантики новообразования читателю требуется воспринимать текст целиком, а также задействовать фоновые знания.

Таким образом, новообразования, созданные невузальными способами, могут приобретать адгерентную оценочность за счет контекста. Поскольку семантика новообразования невузального типа расплывчата, нечетка за счет его нестандартной, иногда не до конца ясной вне контекста структуры, большое значение имеет интерпретация, которая во многом зависит от условий употребления. Новообразования, созданные на базе оценочно-нейтральных элементов, приобретают оценочность, если употребляются в негативно-окрашенных контекстах, в сочетании с лексемами, выражающими негативную оценку. Нередко новообразования, созданные невузальными способами, используются в иронических контекстах. Ирония выступает как коммуникативная стратегия, которая реализуется в широком контексте целостного медийного произведения, а в некоторых случаях выходит за пределы текста и определяется экстралингвистическими факторами, а также особенностями функционирования новообразований в условиях медиадискурса. Оценочность в иронических контекстах имеет имплицитный, скрытый характер, ее выявление зависит от коммуникативных способностей адресата.

3.2. Новообразования на базе прецедентных феноменов как средство языковой игры

Для выражения эмоциональной оценки активно используются средства языковой игры, заключающейся в невузальном использовании словообразовательных ресурсов в целях воздействия. Как отмечают исследователи,

в медийной речи языковая игра часто служит средством имплицитной негативной характеристики: «Обращение к языковой игре как феномену, объясняющему намеренное нестандартное, аномальное использование единиц разных уровней и подсистем, преследует, как правило, несколько целей: с одной стороны, такого рода аномалии обогащают текст и делают его привлекательным для читателя, а с другой, служат маркерами скрытых инвективных смыслов» [Заложная 2011]. Современные журналисты в некоторых случаях вместо очевидной негативной оценки, речевой агрессии предпочитают иронию, завуалированную оценку с оттенком насмешки, неодобрения, поэтому «оценка (положительная или отрицательная) задана, она заложена в сообщение, но ее присутствие в тексте незаметно, она не навязывается, а исподволь внушается адресату» [Клушина 2008: 20]. При этом ирония, как правило, входит в спектр негативно-оценочных значений при этом «прямая авторская оценка событий, явлений подменяется всепоглощающей иронией. Автор надевает на себя маску ироничного, стороннего наблюдателя <...> Подобная манера, сохраняя видимость многозначительной позиции, позволяет в иронически-агрессивном стиле осмеивать все и вся» [Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования 2003: 232]. Этим объясняется активное использование средств языковой игры, в скрытой форме выражающих критику общественных процессов. Особенно ярко языковая игра проявляется в словотворчестве журналистов.

Одним из актуальных средств языковой игры для современного медиадискурса является вовлечение прецедентных феноменов в деривационные процессы создания новообразований.

Оценочный потенциал прецедентных феноменов определяется рядом факторов, которые действуют комплексно. Во-первых, прецедентные феномены являются частью национальной культуры, и, «усваивая культурные предметы, человек усваивает социально значимые ассоциации, коннотации, оценки, мнения, которые содержатся в прецедентных текстах, высказываниях, связанных с прецедентными именами и типизированными прецедентными ситуациями» [Абакумова 2016: 3]. Прецедентные феномены служат «нравственным эталоном

нации, фиксирующим ее оценку реальности» [Нахимова 2007: 12]. Таким образом, оценочность прецедентных феноменов и новообразований на их базе имеет адгерентный характер, поскольку обусловлена культурными ассоциациями, фоновыми знаниями адресата.

Во-вторых, даже нейтральные единицы, попадая в публицистический текст, приобретают оценочные значения, поскольку «изначально являются риторическими фигурами и экспрессивными знаками, <...> испытывают на себе влияние оценочных стратегий, являющихся ведущими в медиадискурсе» [Махова 2014: 164]. Кроме того, прецедентные единицы в рамках медиадискурса могут подвергаться формальной и семантической трансформации, обеспечивающей возникновение оценочных значений, в частности, служат базой для создания авторских новообразований.

Когда прецедентный феномен включается в медийный текст, семантическая трансформация неизбежно происходит в большей или меньшей степени, поскольку обобщенный, универсальный смысл прецедентной единицы меняется на конкретный, остросоциальный под воздействием контекста, в соответствии с авторскими установками.

Формальная трансформация прецедентного феномена может происходить в том числе с помощью словообразовательных средств: лексема, представляющая собой прецедентный феномен, или одна из лексем, входящих в состав многокомпонентного прецедентного феномена, становится базой для создания новообразования. Таким образом, словообразовательный формант (или способ) становится средством трансформации прецедентного феномена.

3.2.1. Новообразования, созданные узуальными способами на базе прецедентных феноменов

В исследованных заголовках, включающих словообразовательную игру на базе прецедентных феноменов, 45% созданы узуальными способами.

Среди узуальных способов словотворчества на базе прецедентных единиц распространены префиксация и префиксоидация.

Так, к одной из лексем в составе прецедентного феномена может присоединяться префикс *не-*, в результате чего смысл прецедентного феномена частично отрицается. Часто подобные новообразования создаются на базе устойчивых сочетаний. Устойчивые сочетания с нейтральной или положительной коннотацией иронически обыгрываются в контексте и используются для обозначения негативных социальных явлений: *Чемоданное **ненастроение***. *Генпрокуратура начала вторую за лето проверку в аэропорту Шереметьево. Проблемы начались еще в начале июня* (Коммерсантъ, 01.07.2019) – ср. *чемоданное настроение* – устойчивое выражение шутол. ‘Кто-либо готов к отъезду, когда все мысли уже о предстоящей дороге’ [Фразеологический словарь 2008], в контексте публикации иронически указывает на проблемы работы аэропорта; *ROG **неизобилия***. *Как стало известно "Ъ", "Роснефть" недовольна низкой финансовой отдачей от их совместной с ВР немецкой компании Ruhr Oel GmbH (ROG)* (Коммерсантъ, 11.03.2012) – ср. *рог изобилия* – устойчивое выражение, восходящее к мифологическому сюжету, употребляется в значении книжн. экспрес. ‘Об источнике неисчерпаемого обилия чего-либо’ [Фразеологический словарь 2008]; ***Непрожиточный** минимум*. *"Газпром" пообещал Киеву снизить транзитные поставки* (Коммерсантъ, 26.04.2017) – устойчивое сочетание *прожиточный минимум*.

Приставка *анти-* вносит значение противоположности изначальному смыслу прецедентной единицы. Обыгрываются прецедентные феномены разных типов: ***Антибуревестник** революции*. *Куда катится российская политика? Идем ли мы к триумфу демократии? Или, может быть, наоборот — к триумфу хаоса?* (Московский комсомолец, 23.02.2012) – ср. *буревестник революции* – устойчивое выражение, изначально использовавшееся по отношению к М. Горькому, но приобретшее обобщенное значение публ. патет. ‘О революционере, пламенном борце’ [Большой словарь русских поговорок 2007]; ***Антифукуяма**: конец распрекрасной эпохи*. *Социальное устройство, язык, чувства и обязанности,*

собирающие людей в солидарное целое семьи, общества, государства, холодным и лишенным сочувствия препарированием преобразовывались в цитаты небытия, пустоты, притворяющейся полнотой, в бессмысленное бесконечное перетекание ничего из одной его области в другую (Взгляд, 25.01.2017) – ср. Ф. Фукуяма, имя собственное философа и политолога, автора книги «Конец истории и последний человек», также в заголовке встречается отсылка к названию российского фильма «Конец прекрасной эпохи».

Новообразования с префиксами *не-*, *анти-* выражают негативную оценку за счет отрицания положительного компонента семантики прецедентного феномена или его составляющих, включая ассоциации, которые иронически обыгрываются в контексте.

Новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-* используются в заголовках публикаций, посвященных проблемам новейших технологий. Префиксоид *кибер-* вносит значение отношения к информационным технологиям, при этом обыгрываются прецедентные единицы разных типов. Критика современных информационных технологий может передаваться с помощью новообразований на базе устойчивых выражений, имеющих негативную семантику, например: *Потемкинские кибердеревни. Новые сюжеты конфликта России и передовых технологий* (Новая газета, 31.08.2018) – ср. устойчивое выражение *Потемкинские деревни* ‘фальшивое благополучие, ложные достижения’ [Большой фразеологический словарь русского языка 2006]. Негативный компонент семантики может содержаться в конкретной лексеме в составе прецедентного феномена: *Право на киберубийство. Президент США назвал имя того, кто должен расправиться с "ВикиЛикс"* (Российская газета, 03.12.2010) – ср. название фильма «Право на убийство», негативные ассоциации создаются за счет мотивирующего *убийство*. Новообразования на базе прецедентных единиц с нейтральной коннотацией, как правило, используются для иронической характеристики проблем в сфере информационных технологий: *Пролетарии всех киберстран, объединяйтесь! Глава МИД ЕС Федерика Могерини потребовала обязать государства препятствовать использованию своих*

территорий для совершения кибератак на другие страны (Коммерсантъ, 18.04.2015) – ср. прецедентное высказывание, коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»; *Остановка по кибертребованию. Злоумышленники нацелились на техногенные катастрофы предприятий* (Коммерсантъ, 26.11.2016) – ср. *остановка по требованию* – устойчивое сочетание из области правил дорожного движения, а также название телесериала российского производства.

Новообразования с префиксоидом *крипто-*, в медийных текстах, как правило, используемые в публикациях о криптовалюте, являются средством языковой игры на базе названий художественных произведений, устойчивых выражений и др. Для описания потенциальных негативных последствий развития рынка криптовалют обыгрывается устойчивое терминологическое сочетание «финансовый (рыночный, спекулятивный) пузырь», в экономической теории обозначающее торговлю ценными бумагами по завышенным ценам на волне ажиотажа, что в итоге приводит к финансовому краху [Большой экономический словарь 2007]: *Фаза схлопывания криптопузыря. С начала 2018 года рынок криптовалют преподносил инвесторам все больше разочарований* (Коммерсантъ, 28.11.2018). В публикации: *О дивный новый криптомир. Братья Дуровы готовят изменить правила игры в интернете за 1,2 млрд долларов: как к этому относиться?* (Новая газета, 19.01.2018) – обыгрывается название романа-антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир», негативная оценка возникает за счет отсылки к жанру антиутопии, изображающему нежелательный сценарий развития общества.

Новообразования с префиксоидами *кибер-*, *крипто-* на базе прецедентных феноменов имеют, как правило ироническую окраску, в частности, за счет смыслового контраста прецедентного феномена, изначально далекого от сферы инновационных технологий, и семантики аффиксоида.

Также в рамках креативного словотворчества префикс *недо-* со значением неполноты соединяется с прецедентными именами собственными, что является отклонением от словообразовательной модели: *Недобазаров и другие. Этюд о*

пошлости на фоне некоторых медийных персонажей. Главный наш герой чтит физиолога Ивана Павлова. Настолько, что известные Павловские среды экстраполировал на собственное радиошоу, приделав свое имя. По средам он обращается на «Эхе Москвы» к городу и миру, распуская хвост, как павлин на брачных играх <...> Демонстрационное всезнайство и демонстрационный нигилизм – две обязательные стороны пошлости. В безапелляционности и дешевом эпатаже всегда есть ее паточный привкус (Литературная газета, 24.05.2017). В статье, насыщенной негативно-оценочной лексикой (*пошлость*, *демонстрационное всезнайство*, *дешевый эпатаж* и др.), критикуется поведение некой медийной личности, имя которой не называется, поэтому читатель сам должен идентифицировать объект оценки через ряд характерных признаков (отсылка к названию радиошоу, время выступления на станции «Эхо Москвы», упоминание некоторых биографических деталей в тексте). Прецедентное имя *Базаров* в заголовке также используется для формирования негативной оценки за счет литературных ассоциаций: Евгений Базаров в романе воплощает образ эпатажного нигилиста, провокатора – в медиатексте же высмеивается нарочитая эпатажность и нигилизм некоего публичного лица, причем префикс *недо-* выражает неполноценность объекта критики в названных качествах.

Для создания заголовочных новообразований используется и синонимичный префиксоид *полу-* со значением неполноты: *Полубесплатный сыр. За свой счет государство готово давать школьникам лишь ту сумму знаний, которая приемлема для стран третьего мира* (Итоги, 17.09.2012) – ср. поговорку «бесплатный сыр только в мышеловке», за счет негативных ассоциаций и контекста скрыто критикуется система бесплатного образования.

Префикс *супер-* используется для усиления негативной семантики прецедентной единицы: *Тень «суперчерного вторника». Падение фондового рынка Страны Восходящего Солнца по индексу Nikkei сразу на 7,32% способно стать катализатором новой, еще более мощной волны мирового финансового кризиса* (Завтра, 23.05.2013) – ср. устойчивое выражение финансовой сферы *черный вторник*

‘резкое падение конъюнктуры, обвал на финансовом рынке’ [Экономика и право: словарь-справочник 2004].

Прецедентные имена исторических личностей, героев художественных произведений и мифологических персонажей также используются в новообразованиях, созданных путем сложения и сложносокращенным способом. Так, новообразование **Прокрустинвест** создано сложносокращенным способом с ориентацией на распространенную модель названий фирм (ср. *Стройинвест*, *Трансинвест* и под.): **Прокрустинвест**. *Белый дом готов резать расходы даже на будущий экономический рост* (Коммерсант.ru, 02.06.2015) – ср. *Прокруст* ‘в древнегреческой мифологии: разбойник, обрубавший или вытягивавший жертвам ноги по длине своего ложа’, *Прокрустово ложе* перен. ‘мерка, под которую насильственно подгоняется что-н’ [ТСИС]. При этом в деривационные процессы могут вовлекаться прецедентные имена с явной негативной окраской: **Гитлер-промоушн**. *Скандалная реклама эстонской газовой компании GasTerm, назвавшей Освенцим примером "эффективного отопления", осталась незамеченной ни властями, ни местными "патриотами" с их презумпцией "особой правды" во Второй мировой войне, которую доблестно отстаивали бойцы эсэсовских дивизий – им теперь, как известно, в республике полный почет и уважение* (Российская газета, 30.08.2012) – новообразование, созданное путем сложения на базе прецедентного имени, связанного с комплексом ярких негативных ассоциаций, подчеркивает этическую неуместность описываемой рекламной компании.

Суффиксальное словообразование на базе прецедентных единиц представлено, в частности, новообразованиями с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов, придающих пренебрежительную окраску: **Серая зарплатка**. *За выплаты "в конвертах" директорам и бухгалтерам может грозить год тюрьмы* (Российская газета, 14.06.2012) – ср. *серая зарплата*, устойчивое выражение разговорного характера, обозначающее выплату части заработной платы неофициально, без уплаты налогов; *Культ личности и безликий культтик* (Эхо Москвы, 03.03.2013) – в заголовке обыгрывается прецедентная единица *культ личности*; *Нелегка, знать, колоннушка пятая!* (Politikus.ru, 03.10.2014) – на базе

устойчивого выражения с негативной семантикой ‘о предателях, изменниках, находящихся на содержании враждебных государств и используемых для шпионажа, диверсий и разложения духа у населения той или другой воюющей страны’ [Фразеологический словарь 2008]).

Примеры суффиксального словообразования на базе прецедентных феноменов с использованием других суффиксов на исследованном материале имеют единичный характер: *Держимордия*. ... *В Германии вышла настольная игра Buerokratopoly — «Бюрократополия» <...> Пора переходить на отечественную «Держимордию». Чтобы в лютые заморозки передвигать фишки от поля «Мордор» к полю «Мордовия», бояться вляпаться в лепешку «Крымнаш»... А дальше — ждать выпавшей шестерки, зная, что каждая шестерка приближает тебя к заветной цели — стать мордой номер один* (Газета.ru, 03.10.2014) – ср. *Держиморда* ‘тупой исполнитель грубой власти [по имени полицейского действующего лица комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»]’ [ТСРЯ].

При этом для формирования оценочности новообразования на базе прецедентного феномена важен контекст его употребления, как вербальный, так и экстралингвистический: *Трампислы всех стран, соединяйтесь? Так выглядит новый, нелиберальный конец истории. Так выглядит новая волна демократии. Нелиберальной демократии* (Московский комсомолец, 15.11.2016) – новообразование создается суффиксальным способом от собственного имени нового американского президента *Трамп+ист* и имеет значение ‘сторонник Дональда Трампа’, то есть изначально не содержит в своей структуре оценочно маркированных элементов. Однако оно употребляется в составе трансформированного прецедентного феномена, коммунистического лозунга *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*, в котором первый компонент заменяется новообразованием *трамписты*, а восклицательный знак заменяется на вопросительный. За счет обыгрывания прецедентного феномена, отсылающего к коммунистическому наследию, а также под влиянием контекста («*Так выглядит <...> конец истории*» ср. «Конец истории и последний человек», книга Ф. Фукуямы) в неявной форме критикуются политические события современности.

Новообразование может создаваться по конкретному образцу одного из элементов прецедентного феномена. За счет того, что прецедентные феномены, состоящие из нескольких лексем (в частности, прецедентные высказывания, устойчивые выражения), существуют в сознании носителя языка как устойчивый комплекс компонентов, читатели легко могут восстановить тот компонент, который послужил образцом для создания новообразования. При этом, как правило, новообразования создаются суффиксальным способом, то есть используется тот же суффикс, что и в одной из лексем в составе прецедентного феномена.

Для создания заголовочных новообразований с негативной окраской используются прецедентные высказывания из художественной и религиозной литературы: *Силовички за себя постояли. «Да-с, мужички наши за себя постояли. — И покончили нашего Митеньку!»* (Известия. 19.06.13) – по образцу *мужички* с суффиксом *-к-*, ср. «Мужички за себя постояли...» – цитата из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; *Блогу — блогово. За экстремизм в Интернете можно сесть на пять лет* (Московский Комсомолец, 24 .07.2014) – по образцу *Богово* с суффиксом *-ов-*, ср. прецедентное высказывание из Библии «Кесарю кесарево, а Богу Богово».

В некоторых случаях используются прецедентные высказывания – политические лозунги советской эпохи: *Вперед, к победе **трампонизма!** Стоит ли нам брать пример с США в решении внутренних проблем?* (Литературная газета, 18.09.2018) – фамилия президента США *Трамп* + *-изм* с наращением *-он-* для создания большей фонетической схожести с образцом, по образцу *коммунизм*, ср. лозунг *Вперед, к победе коммунизма!*

Продуктивность проявляет модель отсубстантивных новообразований с суффиксом *-(из)аци(я)*. Особенно часто обыгрывается прецедентное высказывание В.И. Ленина «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», новообразования создаются по конкретному образцу лексемы *электрификация*: «*Гламуризация всей страны*» (Московский Комсомолец, 10.04.2010); *Какая уж тут модернизация с «нанозацией» плюс айфонизация всей*

страны (Открытая газета, 15-22.09.2010). В том числе в качестве производящего слова используются имена собственные, при этом экспрессивность повышается за счет отклонения от словообразовательного типа: *Плюс китаизация всей страны* (Коммерсантъ, 01.02.2010). В подобных заголовках иронически переосмысляются актуальные социальные процессы современности.

В деривации по конкретному образцу используются названия художественных произведений: *10 логистят: кто следующий? 2019 год станет годом «зачисток» теневого сектора, включая «особо подозрительные» отраслевые направления... Очередной логистический оператор Татарстана – под подозрением в использовании «серых» схем деятельности* (Наша версия, 25.04.2019) – обыгрывается название детективного романа и фильма «Десять негрятят», где конкретный образец – лексема *негрятят* с суффиксом *-ат-*; новообразование создается с нарушением словообразовательного типа от названия профессии *логист*.

Деривация по конкретному образцу нередко происходит на базе устойчивых словосочетаний, в которых трансформируется один из компонентов. При этом для формирования оценки могут использоваться устойчивые выражения с негативной семантикой или неодобрительной коннотацией: *Макроновские меры. Французские полицейские получают больше прав для борьбы с терроризмом* (РБК, 07.10.2017) – ср. *драконовские (меры)* – устойчивое выражение с негативной окраской ‘постановления, решения, законы и меры наказания, суровость которых несообразна со здравым смыслом (неодобр.)’ [Энциклопедический словарь крылатых слов 2003]. Иногда устойчивые выражения не имеют негативной коннотации, однако иронически обыгрываются в контексте: *Торжество киприотизма. Самой популярной зарубежной юрисдикцией для российских бизнесменов остается Республика Кипр* (RBC, 09.10.2015) – ср. *торжество патриотизма*; *«Ираночка с выходом!»*. *Есть богатейшие запасы дешевой по себестоимости нефти, есть постоянно блуждающая по региону искра большой или локальной войны, сейчас полыхнувшая в Йемене, есть переговоры, открывающие выход Ирана из-под режима санкций США и ЕС»* (Московский

Комсомолец, 09 .04.2015) – ср. *цыганочка с выходом (о танце)*; *Дело особой лыжности. МОК продолжает изучать доказательства вины российских спортсменов* (Коммерсантъ, 01.11.2017) – ср. *дело особой важности*, новообразование создается с нарушением словообразовательного типа, поскольку мотивирующее слово – существительное *лыжи*, а не прилагательное. В том числе ирония может этически неуместно выражаться в публикациях, посвященных потенциально опасным для населения политическим конфликтам: *В состоянии полной расстрелянности. Украина решила поиспытывать свои ракеты под Симферополем* (Коммерсантъ, 26.11.2016) – ср. *в состоянии полной растерянности*.

Также обыгрываются устойчивые сочетания религиозной сферы, приобретающие ироническую окраску в контексте: *Божья благодать. Двадцать два года на улице. Трагическая история Алевтины Укустовой* (Московский комсомолец, 22.05.2015) – ср. *божья благодать*.

Словообразование по конкретному образцу также осуществляется на базе номинаций прецедентных ситуаций, события современности переосмысливаются через сопоставление с событиями прошлого. Негативная оценочность может создаваться за счет негативного характера прецедентной ситуации, ее связи с комплексом отрицательных ассоциаций в исторической памяти народа. Например, названия битв и военных столкновений (даже победоносных) могут вызывать ассоциации с жестокостью, трагическими последствиями: *Майданово побоище. Инициативу на майдане перехватили националисты. Сторонники "Свободы" в масках с битами штурмовали кордоны милиции, прорываясь к административным зданиям* (Российская газета, 23.01.2014) – ср. *Мамаево побоище*. При этом негативные ассоциации поддерживаются за счет контекста: *Мангало-шашлычное иго. Люберецкий кошмар: любители пьяных пикников выживают жителей из их домов ... Отчаявшиеся горожане просят оградить их от нашествия шашлычников... Владельцы квартир на нижних этажах в ужасе* (Московский комсомолец, 08.07.2016) – в заголовке публикации новообразование *мангало-шашлычное иго* создается сложно-суффиксальным способом по образцу *монголо-*

татарское иго, при созвучии первых частей исходного слова и новообразования (*монголо-* и *мангало-*). Таким образом создается комизм, который, однако, дополняется оттенком очевидной негативной оценки за счет контекста, использования в тексте лексики с негативно-оценочной семантикой (*кошмар, выживают жителей из их домов, отчаявшиеся, нашествие, в ужасе*).

Единичный характер имеют примеры словообразования по конкретному образцу путем префиксации. В частности, путем префиксации создаются новообразования на базе устойчивых сочетаний из области терминологии, в контексте приобретающие ироническую окраску: *Подписка о невыборе. Глава Тверской области останется без конкурента. Коммунист Вадим Соловьев не собрал достаточно подписей для участия в выборах тверского губернатора, сообщили РБК в избиркоме* (РБК, 27.07.2016) – ср. *подписка о невыезде*.

Также в отдельных случаях встречается префиксально-суффиксальный способ: *Побарбосили и бросили. Как решить проблему домашних питомцев, выброшенных на улицу?* (Московская правда, 20.08.2015) – ср. устойчивое сочетание с отрицательной коннотацией *помапросили и бросили; Беспрезидентный случай отставки. Премьер Южной Кореи ушел, не дождавшись возвращения главы государства из-за границы* (Коммерсантъ, 22.04.2015) – ср. устойчивое сочетание *беспрецедентный случай*.

Таким образом, на базе прецедентных феноменов разных типов узуальными способами создаются новообразования, выражающие преимущественно имплицитную негативную оценку за счет обыгрывания ассоциативного потенциала прецедентной единицы.

3.2.2. Новообразования, созданные неузуальными способами на базе прецедентных феноменов

В исследованных заголовках, включающих словообразовательную игру на базе прецедентных феноменов, 55% созданы узуальными способами.

Одним из востребованных способов создания новообразований на базе прецедентных феноменов служит междусловное наложение. При этом обыгрываются прецедентные феномены разных типов.

В том числе обыгрываются устойчивые выражения с негативной семантикой и коннотацией: ***Вузкое место.** Рособрнадзор приостановил действие лицензии одного из негосударственных вузов – Кисловодского института экономики и права, запретил прием в три государственных вуза* (Российская газета, 02.04.2017)– вуз + узкое, ср. устойчивое сочетание *узкое место*, со значением ‘наиболее слабая, уязвимая сторона в каком-л. деле, создающая затруднения, осложнения’ [МАС]; *Маразм крымчал. В российском городе Новосибирск появились конфеты с названием «Крым а ну-ка, отбери!»* (информационный портал Преступности.НЕТ, 19.08.2014) – Крым + (маразм) крепчал прост. ирон. ‘О все более увеличивающейся глупости, абсурдности чьих-л. высказываний’ [БСРП]; *Интригиганты мысли. Владимиру Путину создали интригу даже из съезда ТПП* (Коммерсантъ, 01.03.2016) – *интриганы* + *гиганты мысли* с усечением конечной части первого производящего, совмещается основа слова с негативной коннотацией *интриганы* (от *интрига* ‘скрытные действия, обычно неблагоприятные, для достижения чего-н., происки’ [ТСРЯ]) и устойчивое сочетание с иронической окраской *гиганты мысли* разг. ирон. ‘О (псевдо)незаурядном человеке, (псевдо)мыслителе. Выражение из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»’ [Большой словарь русских поговорок]; *Остался Асадок. Россия и Китай помогли Сирии избежать повторения "ливийского" сценария* (Российская газета, 02.02.2012) – *Асад* + (остался) *осадок* (устойчивое выражение, в котором реализуется переносное значение лексемы *осадок* ‘тяжелое чувство, остающееся после чего-н.’ [ТСРЯ]), может рассматриваться также как мена графемы <o> на <a>. Новообразования могут создаваться путем междусловного наложения на базе аббревиатур, таким образом осуществляется прагматически значимое графическое выделение части слова, привлекается дополнительное внимание к деривационной структуре новообразования и аббревиатуре в его составе: ***ВВПьют** всю кровь <...>* *Если так пойдет и дальше, то ради роста ВВП в России введут трудовые лагеря.*

(Наша версия, 05.07.2018) – междусловное наложение *ВВП + выпьют*, ср. устойчивое выражение *пить кровь* – презр. ‘Жестоко притеснять, мучить кого-либо’ [Фразеологический словарь 2008].

В составе прецедентного феномена могут содержаться лексемы с негативной оценкой: *НАНОтомия неудач. Половина проектов, в которые корпорация инвестировала средства и из которых позже вышла, оказались убыточными. Счетная палата критикует «Роснано» не в первый раз* (Аргументы и факты, 11.06.2016) – новообразование создано путем контаминации *нано-+анатомия* с дополнительной капитализацией на базе устойчивого сочетания *анатомия неудач*; новообразование грамматически связано с существительным *неудача*, которое выражает эксплицитную негативную оценку за счет семантики ‘отсутствие удачи, неуспех’ [НСРЯ].

С помощью междусловного наложения обыгрываются устойчивые выражения, имеющие нейтральную семантику, но приобретающей ироническую окраску в процессе языковой игры: *Виктор Янукович воспринял допрос как майданность. Экс-президент Украины наконец-то выступил перед своим народом в суде* (Коммерсантъ, 29.11.2016) – *Майдан + принять (воспринять) как данность; Коранный номер. Чем опасна для мира провокация пастора Терри Джонса. Америка в шоке. Скромный пастор из прихода в Гейнсвилле Терри Джонс и члены его независимой христианской общины объявили о том, что намерены отметить очередную годовщину событий 11 сентября сожжением Корана* (Российская газета, 09.09.2010) – *Коран + коронный номер*, может рассматриваться также как мена фонемы <o> на <a> (по И.С. Улуханову). Прецедентные высказывания, например, из Библии, приобретают оттенок иронии в публикациях о социально-бытовых, материальных проблемах: *Ссудимы будете. Кредиты для россиян подешевеют летом на полтора процента* (Российская газета, 14.05.2015) – *ссудить (деньги) + (не) судимы (будете)* («Не судите, да не судимы будете»).

Прецедентный феномен, имеющий оценочно нейтральную окраску, может соединяться с негативно-оценочной лексемой в процессе междусловного наложения: *Криминальное чтиво. В школьных и домашних библиотеках*

крымских татар ищут подрывную литературу (Новые Известия, 11.01.2014) – *Крым + криминальное*, ср. название фильма «*Криминальное чтиво*».

По-прежнему актуальными остаются некоторые прецедентные высказывания, речевые штампы из области политики. Для создания яркой негативной оценки используются речевые штампы с негативной коннотацией: *Рука Крымля* (Коммерсантъ, 02.07.2014) – междусловное наложение *Крым+Кремль*, ср. прецедентное выражение с негативной окраской *рука Кремля*. В некоторых случаях используются речевые штампы советской эпохи, однако в целом они встречаются редко, поскольку для молодого поколения читательской аудитории утрачивают мотивацию: *Ликвидация безгрантности. Общественная палата намерена наладить диалог НКО с операторами господдержки* (Коммерсант.ru, 16.05.2015) – тмезис *безграмотность+грант* (ср.: *ликвидация неграмотности*).

Такие новообразования в заголовке являются экспрессивными знаками и выполняют функцию привлечения внимания, также в контексте подобный заголовок может выражать оценку, основанную на смысловом содержании прецедентного феномена (например, *Рука Кремля*), или перенимать негативную, ироническую окраску языкового окружения. Трансформация прецедентного феномена повышает его экспрессивность, в связи с этим усиливает интенсивность оценки, необычная форма привлекает внимание читателя и позволяет легче воспринять оценочное содержание. С помощью трансформации одновременно актуализируется как совокупная семантика устойчивого сочетания, так и свободное значение каждого из компонентов. Также за счет формальной трансформации автор стремится связать отвлеченный, универсальный смысл прецедентной единицы с актуальными проблемами современности.

Многие неодериваты создаются путем заменительного словообразования на базе прецедентных феноменов разных типов.

Например, в процессах заменительной деривации участвуют номинации прецедентных ситуаций: *Холодомор. Радикалы намерены оставить украинцев без угля по всем направлениям* (Российская газета, 06.03.2017) – ср. *голодомор*, с

заменой одного из корней в сложном слове на *холод*, может также рассматриваться как созданное путем мены фонемы <г> на <х> по И.С. Улуханову.

Новообразования создаются на базе лексем, отсылающих к литературному наследию, при этом происходит переосмысление смысла прецедентного феномена в контексте современных реалий: *Народ-вредоносец. Воруя все — этот неофициальный лозунг времен социализма, увы, актуален и сегодня* (Коммерсантъ, 04.04.2016) – ср. определение *народ-богоносец* из романа Ф.М. Достоевского «Бесы», замена второго корня на *вред* ‘порча, ущерб’ [МАС], в результате чего создается антонимическое противопоставление исходного слова (мотивированного лексемой *бог* с положительной коннотацией) и новообразования, мотивированного лексемой с эксплицитной негативной семантикой (*вред*).

Могут обыгрываться прецедентные имена: *Общество анонимных долгоголиков* (РБК, 05.11.2015) – новообразование создано путем замены корневой морфемы *алко-* на *долг-* на базе названия организации «Общество анонимных алкоголиков» и в иронической форме выражает порицание пагубных социальных пристрастий.

Новообразования создаются путем замены морфемы одного из слов в устойчивом сочетании. Так, в заголовке с иронической окраской *Ветхозаменный закон* (*Госдума и Москва готовятся к сносу пятиэтажек* // Коммерсантъ, 20.04.2017) новообразование создано путем замены второго корня в устойчивом сочетании *ветхозаветный* (закон). В более резкой форме негативная оценка выражается в заголовке *Принцип истязательности* (*Следствие и суд изобретают все новые способы помешать адвокатам защищать клиентов* // Новые известия, 25.04.2016), новообразование создано путем замены префикса в устойчивом сочетании *принцип состязательности* (*в суде*), таким образом происходит отсылка к созвучной лексеме *истязание* ‘жестокие мучения, пытки’ [МАС]. В результате словообразовательной трансформации устойчивое сочетание *принцип состязательности*, обозначающее один из принципов обеспечения справедливости судебного процесса, меняет смысл на противоположный – заголовок формирует негативный образ изменений судебной системы.

Путем смены префикса обыгрываются названия популярных фильмов: *Миссия невыполнима* (Новые Известия, 20.05.2014) – путем замены приставки *не-* на *недо-* со значение неполноты в названии фильма «Миссия невыполнима». В заголовке «Трудности *пиаровода*» (*Экономические трудности отразились на работниках политического медиaprостранства* // Коммерсантъ, 27.04.15) новообразование создано путем заменительной деривации с заменой приставки *пере-* на созвучную часть *пиар-* + *-о-* в названии фильма «Трудности перевода», причем в аспекте формирования оценочности актуализируется входящая в название фильма лексема *трудности* ‘затруднения, препятствия’ [МАС].

В ходе языковой игры нередко реализуются иронические речевые стратегии, когда для критики серьезных социальных происшествий используются прецедентные феномены из детских стихов, песен, мультфильмов, за счет контраста создается негативный эмоциональный фон: *Мастер-переобувастер* <...> *Но якутскому руководству не позавидуешь. У них всю неделю метания и переобувания. То они фактически сами благословили многотысячный митинг на волне антикиргизских настроений. То потом внезапно сообщили, что произошла провокация, митингующие были пьяными и свозили их откуда-то автобусами* (Эхо Москвы, 28.03.2019) – ср. *мастер-ломастер* (название стихотворения С. Маршака) с заменой части на *переобув-* (от глагола *переобуваться* в переносном значении разг., неодобр. ‘Изменять свое мнение, поведение, приспособившись к изменившимся обстоятельствам или желая извлечь какую-либо выгоду’ [Викисловарь]); *Бяки-буквы*. *Только на асфальте и на снегу свобода слова. А то и двух-трех* (Новая газета, 19.06.2019) – ср. *бяки-буки* (из песни мультфильма «Бременские музыканты») с заменой части на *буквы*.

В рамках современного медиадискурса встречаются не только прецедентные феномены, принадлежащие национальному культурному фонду, но и прецедентные единицы, отсылающие к названиям современных телепередач и фильмов, популярным фразам, историческим событиям последних лет. Подобные отсылки некоторые ученые характеризуют как «квазипрецедентные» феномены, представляющие собой слова и строчки из известных песен, кинофильмов,

анекдотов, рекламы, политические лозунги. Если прецедентными принято считать тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216], то квазипрецидентные тексты «сиюминутны», существуют недолго, «но в данный период они известны и понятны, как правило, любому читателю, создают иллюзию близости позиций автора и читателя, подчеркивают, что автор входит «в общий круг» с читателем» [Кормилицына 2008: 27].

Так, с помощью контаминации обыгрываются прецедентные феномены – названия современных телепрограмм, телесериалов. Негативная экспрессия усиливается, когда для описания серьезных социальных происшествий, в частности военных событий, используются прецедентные имена – названия произведений комедийного характера: *Дамаски-шоу. Появление российских военных в Сирии на этой неделе вызвало мировой резонанс* (новостной портал РБК, 14.09.2015) – *Дамаск + Маски-шоу* (название юмористической телепрограммы); *Эль-Бабий бунт. Активизация дипломатии перед намеченными на 20 февраля межсирийскими переговорами в Женеве происходит на фоне резкого усиления боевых действий против запрещенного в РФ «Исламского государства», эпицентром которых стал город Эль-Баб* (Коммерсантъ, 14.02.2017) – *Эль-Баб (город в Сирии) + бабий (бунт)*, название телесериала и комедийного спектакля.

Подобные квазипрецидентные феномены также нередко обыгрываются путем заменительной деривации. В процессе заменительной деривации обыгрывается новая прецедентная единица *Минские договоренности* – название документа, разработанного в ходе международных переговоров и подписанный в Минске в 2014 году и в 2015 году: *Минские оговоренности. ...Таким образом, главным событием этого саммита стали полные доброжелательности слова, с которыми Александр Григорьевич Лукашенко при встрече обратился к Владимиру Владимировичу Путину: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич!»...* (Коммерсантъ,

25.02.2016) – замена приставки *до-* на *о-*, ср. *оговориться*; *Минские заговоренности*. Сергей Лавров о том, кто и зачем искажает *Минские договоренности* (Российская газета, 20.05.2015) – замена приставки *до-* на *за-*, ср. *заговор*.

Использование прецедентных феноменов отражает интертекстуальность современного интернет-пространства, в рамках которого создаются новые прецедентные единицы, связанные с актуальными событиями, активно обсуждаемыми в интернете и интернет-СМИ. Например, в процессах словообразовательной игры активно участвует высказывание *Крым наш* – современный лозунг, тиражируемый в интернете и медиа в связи с вхождением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году. Исследователи фиксируют распространение в медиа написания фразы в одно слово и появление новообразования *Крымнаш* как результат фразеологизации значения лозунга, а также лингвокогнитивного процесса номинализации, смысловой свертки ситуации, связанной с присоединением Крыма [Ведрева 2015]. Голофрастическая конструкция (слово, созданное путем слияния словосочетания) *Крымнаш* таким образом становится номинативной единицей, отсылающей к прецедентной ситуации, которая в сознании носителей языка связана с обширным комплексом ассоциаций. Новообразование *Крымнаш* проявляет деривационную активность, на его базе создаются новые номинации, обозначающие сторонников и противников присоединения Крыма и их качества, последствия этого события и под.: *Крымнашизм* *долго сыт не будешь* (Информационный портал Русевик, 28.05.2014), а также *крымнашевский*, *крымнашим*, *крымнашество*, *крымнашенский*, *крымнашевы*, *крымнашизация*, *крымнашист*, *крымнашистка*, *крымнашистский*, *крымнашевы* [Карева 2016: 41] и др.

Номинация *Крымнаш* в рамках неузвального словотворчества используется при заменительной деривации: *Крымкэш*. «Сакральная Корсунь» рискует превратиться в «хаб» для обналички и других незаконных банковских операций (Новая газета, 02.07.2015) – *кэш* в сленге ‘наличные деньги’ [ССЛ]. Данная номинация выступает и в качестве образца для создания новообразований

неузуальной структуры «существительное + наш»: **Пляжнаш**. *Власти Сочи грозят отельерам арестом за недоступные пляжи* (Российская газета, 19.06.2017); **Бухтанаш, берегнаш, заборнаш**. *Для кого в Крыму достраивают "дачу Януковича"* (Собеседник, 10.04.2018); **Трамшнаш**. *Выборы в США не просто стали заменителем настоящих выборов в России. Они не просто заменяют нам отсутствующую в России живую политику <...> Эти выборы в каком-то смысле заменили нам еще и экономику, а также театр и кино* (Газета.ру, 09.11.2016). Новообразования подобной структуры можно рассматривать как созданные путем голофразиса, однако с прагматической точки зрения очевидна ориентация на образец лексемы *крымнаш*.

Ученые отмечают, что лозунг *Крым наш* и созданная на его базе лексема *Крымнаш* имеют большой аксиологический потенциал, часто используются для выражения субъективной оценочной интерпретации крымских событий и их последствий (как положительной, так и отрицательной), что отражает неоднозначное отношение общества к данной исторической ситуации [Вепрева 2015]. В медийных текстах при языковой игре актуализируется оценочный потенциал данной актуальной интертекстымы: новообразования на базе *Крымнаш*, как правило, приобретают адгерентную негативную оценку за счет употребления в негативно-оценочном контексте, используются в публикациях, посвященным политическим и экономическим проблемам. Изначально лозунг мог использоваться для выражения положительной оценки, обозначать ситуацию патриотического подъема, однако в современных медиатекстах в рамках языковой игры лозунг подвергается ироническому переосмыслению, а новообразования на его базе имеют преимущественно неодобрительную (или ироническую) коннотацию. Встречаются, однако, и случаи употребления новообразований на базе *Крымнаш* в оценочно-нейтральном контексте, когда прецедентная единица обыгрывается формально, а ее аксиологический потенциал остается нереализованным: **Кремльнаш**. *Дмитрий Карцев фантазирует о том, как Кремль мог бы стать полностью свободным для посещения* (Газета.ру, 26.04.2018) – в данном контексте новообразование *кремльнаш*, созданное по образцу *крымнаш*,

функционирует не как средство выражения оценки, а как собственно средство языковой игры, построенной на формальном обыгрывании, не действующем идеологическую нагрузку исходного лозунга: *Кремль* – в данном случае обозначает непосредственно здание, а не властный орган (ср. распространенный метонимический перенос: *Кремль решил начать спасать экономику страны* // Свободная пресса, 23.11.2019), а публикация посвящена не политическим проблемам, а вопросам разнообразия туристических мест в Москве.

В целом, при словообразовательной игре на базе прецедентных феноменов возможны различные стратегии обыгрывания, что влияет на специфику формирования оценочного значения новообразования. Так, возможно формальное и семантическое обыгрывание, при котором формальная трансформация направлена на установление содержательной связи между темой публикации и смыслом прецедентного феномена. Таким образом, создаются новообразования, содержательный план которых осложнен комплексом культурных ассоциаций.

В иных случаях возможно исключительно формальное обыгрывание, при котором прецедентный феномен используется в первую очередь ради узнаваемости формы, как средство привлечения внимания. В подобных случаях семантика прецедентного феномена не обыгрывается, его ассоциативный потенциал не реализуется.

С точки зрения воздействия более выгодной представляется первая стратегия, когда прецедентный феномен прямо или косвенно содержательно соотносится с тематикой публикации (например, *Тень «суперчерного вторника»* – устойчивое выражение, используемое в финансовой сфере для описания экономических проблем, употребляется в статье о падении фондового рынка, т.е. имеется прямая тематическая связь), его семантика может переосмысляться (например, *10 логистят* – отсылка к детективному фильму о череде смертей коррелирует с новостью о последовательной ликвидации логистических компаний теневого сектора экономики) или соотноситься с общей темой публикации лишь на уровне ассоциаций (например, *подписка о невыезде* – в статье о сборе подписей).

Таким образом расширяется смысловое пространство текста, формируется подтекст, обогащенный культурными смыслами и ассоциациями, в том числе аксиологического характера. Подобные случаи языковой игры являются эффективным фактором суггестивного воздействия, поскольку подтекстовая информация усваивается неосознанно.

Однако в медийных текстах прецедентные феномены в первую очередь используются как экспрессивные знаки, привлекающие внимание, при этом может почти не задействоваться их ассоциативный и аксиологический потенциал.

Так, языковая игра может строиться на актуализации прямого значения одной из лексем в составе прецедентного феномена, при этом общий смысл и ассоциативный потенциал прецедентного феномена остается не востребуемым. Например, в публикации: *Мамаево (Кокорино) побоище. Мне не жаль Павла Мамаева и Александра Кокорина* (Эхо Москвы, 19.10.2018) – прецедентный феномен *мамаево побоище* обыгрывается исключительно формально, элемент *побоище* отсылает к теме драки (т.е. актуально свободное значение лексемы, а не общий смысл прецедентного феномена), а какой-либо содержательной связи с особенностями известного исторического события не прослеживается. Иногда происходит серьезная смысловая трансформация прецедентного феномена, и его связь с содержанием текста можно восстановить только при прочтении полного текста, изначально заголовок может выглядеть для читателя непонятным: *Коровные узы. ...впервые в своей жизни посетил кожевенное производство, то есть увидел, как сырые шкуры убитых коров и свиней превращаются в чудесные замшевые перчатки. Цех дубленого полуфабриката кожевенного завода группы компаний «Русская кожа» — это бескрайнее кладбище крупного и мелкого рогатого скота... Мне становится совсем нехорошо, и я спешу прочь, на свежий воздух, но понимаю, что до конца дней своих буду машинально искать и находить в рукавах своих кожаных курток мягкие очертания этих лап...* (Коммерсантъ, 25.08.2017) – *кровные узы* + *корова* – заголовок не имеет связи с изначальным смыслом прецедентного феномена *кровные узы* ‘родство’, однако актуализирует прямое значение элемента *кровь* через образы жестокого обращения с животными.

Иногда смысл и аксиологический потенциал прецедентного феномена (или отдельных лексем в его составе) вовсе игнорируется, языковая игра происходит исключительно на основе созвучия. Например, в публикации: *Товарищ Северсталин. На пост губернатора Новосибирской области назначен выходец из металлургической отрасли. В «Северстали» “Ъ” сказали, что Андрей Травников начинал карьеру на Череповецком меткомбинате, где «проявил себя как исключительно добросовестный работник и руководитель», который «умел сплачивать и мотивировать людей», а на посту заммэра Череповца «немало сделал для развития инфраструктуры города»* (Коммерсантъ, 07.10.2017). Прецедентное имя *Сталин* связано с комплексом определенных ассоциаций для людей постсоветского пространства, однако в тексте не раскрывается какое-либо сходство героя статьи с И.В. Сталиным, языковая игра построена исключительно на созвучии лексем *Сталин – Северсталь*. Такой заголовок способен дать читателю ложный посыл в плане выражения оценки, который не согласуется с текстом публикации.

В подобных случаях можно говорить о коммуникативной неудаче, а стратегию языковой игры считать не в полной мере реализованной успешно. Так, заголовок содержит ложный оценочный сигнал, не совпадающий со смыслом текста, и коммуникативные ожидания читателя, сформированные заголовком, не оправдываются при прочтении текста.

При этом определяющим фактором успешной языковой игры в данном случае является не столько структура новообразования, сколько контекст. Так, в двух заголовках с новообразованием *пытательный* языковая игра реализуется по-разному: *Пытательный срок. Как в реабилитационном центре пленников молитвами и побоями избавляли от пагубных пристрастий. В Новосибирске вынесли приговор директору центра «Твое право на жизнь» Султану Кенжаеву за похищения и насильное удержание пациентов, страдающих от наркотической и алкогольной зависимостей* (Лента.ru, 29.01.2017) – новообразование *пытательный* мотивировано лексемой *испытательный (срок)*, при этом новообразование неузуального типа можно рассматривать как созданное путем депрефиксации

(удаление префикса *ис-* в *испытательный (срок)*) или путем контаминации с усечением начальной части второго слова (*пытать* + *испытательный (срок)*). Для раскрытия смысла текста актуально исходное устойчивое сочетание *испытательный срок*, которое в контексте публикации о реабилитационном центре для людей с зависимостью приобретает значение ‘срок, в течение которого осужденный должен своим поведением доказать свое исправление’ [Большой юридический словарь]; ***Пытательная среда***. *Граждане согласились с тем, что применение насилия со стороны правоохранительных органов иногда оправданно. До 73% россиян считают допустимым применение силы со стороны представителей власти в отдельных ситуациях. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного фондом «Общественный вердикт» и социологами Методической лаборатории (РБК, 22.05.2017) – пытательная (среда) + пытатель, при этом смысл публикации никак не связан с исходным устойчивым выражением *пытательная среда*, его значение не учитывалось при создании заголовка, вероятнее всего, словообразовательная игра рассчитана исключительно на форму.*

Коммуникативная неудача также может возникнуть вследствие этической неуместности языковой игры в медийных текстах определенной тематики. Так, ироническое обыгрывание представляется неуместным, например, в заголовках публикаций, посвященных трагическим событиям, военным столкновениям, повлекшим человеческие жертвы: *Эль-бабий бунт* (о боевых действиях в городе Эль-Баб), *Дамаски сброшены* (о вводе войск в Сирию), *В состоянии полной расстрелянности* (о проведении военных авиационных учений, которые, по мнению Росавиации, являлись опасными для гражданской авиации); ***Священнослужительная война***. *Расстрелян старейший имам Дагестана* (Коммерсантъ, 17.09.2011) – тмезис на базе устойчивого сочетания *священная война*. Неуместный комический эффект может возникать, когда прецедентный феномен, в силу своего содержания или происхождения ассоциирующийся у носителей культуры со сферой возвышенного (например, с религиозной сферой), в

заголовке соотносится с бытовыми реалиями современной жизни, за счет чего происходит его «снижение»: *Коранный номер, Бомжся благодать*.

Таким образом, языковая игра на базе прецедентных феноменов является зоной коммуникативных рисков.

В том числе существует риск неузнавания прецедентного феномена читателем. В такой позиции часто оказываются заголовки, содержащие новообразования нестандартной структуры, созданные на базе прецедентных единиц или устойчивых сочетаний. Подобные новообразования максимально нацелены на привлечение читательского внимания за счет нестандартной формы и яркой экспрессии, помогают установить контакт с читателем за счет эффекта «узнавания» прецедентного феномена. Как отмечают исследователи, «трудности, которые могут возникнуть (и возникают довольно часто) при восприятии слов-гибридов, связаны не с придумыванием пишущими неизвестных корней или аффиксов, а с тем, что читателю бывает неясна структура новообразований, не видны границы морфем, составляющих окказионализм. Поэтому журналисты часто помещают его в известный контекст, где связь новообразования с тем или иным узуальным словом-компонентом отчетливо прослеживается. Обычно в роли такого контекста выступают устойчивые словосочетания, фразеологизмы» [Шумилова 2011: 346].

Например, потенциально рискогенными являются заголовки с языковой игрой на базе малоизвестных прецедентных единиц. Так, в публикации с заголовком *«Изводы кюхельбекерности»* журналист отсылает к прецедентному высказыванию А.С. Пушкина *«И кюхельбекерно, и тошно»* и создает суффиксальным способом отвлеченное существительное *кюхельбекерность*, неоднократно повторяя его затем в тексте: *Изводы кюхельбекерности* <...> *Способность правительства оттягивать наступление кризиса нагляднее всего пояснить сравнением желудочно-кишечного свойства. Взрослый человек в силах отчасти управлять телесными отправлениями. И сутки, и двое – не предел. Однако рано или поздно становится исключительно кюхельбекерно, и никакими волевыми усилиями или лекарствами уже ничего не поделатъ.... Случаются и*

такие *остро-кюхельбекерные* экономические кризисы, которые никакой силой правительства не отсрочить <...> Деятельность правительства США ухудшила течение кризиса 1929-33 годов, по мнению многих наблюдателей и исследователей. Подобное возможно – как возможно “съесть что-нибудь не то”, и усилить естественную *кюхельбекерность* организма. (Эксперт, 20.02.2015). Языковая игра в полной мере будет понятна читателю только в том случае, если он знаком не только с не самым известным для широкой публики высказыванием А.С. Пушкина, но и частично знаком с контекстом взаимоотношений А.С. Пушкина и В.Г. Кюхельбекера. Таким образом, журналист должен ориентироваться на целевую аудиторию, будучи уверенным, что прецедентный феномен знаком большинству потенциальных читателей.

Таким образом, словообразовательная игра в заголовках может как служить для обогащения содержательной составляющей текста, придания дополнительных смыслов, «интеллектуальной игры» с читателем, так и приобретать вид исключительно формального обыгрывания для привлечения внимания. При этом прецедентные феномены могут стать причиной коммуникативного провала. Во-первых, автор должен быть уверен, что отсылка будет «расшифрована» адресатом. Для этого необходимо учитывать средний уровень культурных знаний потенциальной аудитории, а выбрав подходящий культурный знак, не уничтожить его узнаваемость чрезмерными изменениями. Во-вторых, журналисты, активно использующие прецедентные феномены, не всегда задумываются об их уместности, учитывая лишь узнаваемость формы. Таким образом, для успешного использования прецедентных феноменов требуется не только художественное мастерство, но и богатый культурный бэкграунд. Представляется, что смысловое обыгрывание является более сложным приемом воздействия и свидетельствует о большей проработанности и продуманности журналистского текста.

Итак, апелляция к прецедентным феноменам помогает расширить смысловое пространство текста при экономии языковых средств, создать яркий и сложный образ.

Оценочность новообразований, являющихся результатом языковой игры на базе прецедентных феноменов, зависит от следующих факторов.

Так как прецедентный феномен является аксиологически значимой единицей, характер оценки во многом определяется является семантикой (как семантика устойчивой единицы в целом, так и актуализированное свободное значение отдельных лексем в составе устойчивой единицы) прецедентного феномена, его ассоциативным потенциалом, а также характером источника прецедентной единицы. При этом важны и условия употребления, поскольку для верной интерпретации оценочной семантики новообразования требуется воспринимать его в контексте, учитывая разнообразные семантические модификации. В этом плане можно выделить несколько типов прецедентных феноменов с точки зрения их использования для реализации оценочных стратегий:

— Прецедентные феномены, имеющие негативную коннотацию и/или связанные с комплексом негативных ассоциаций. К данному типу относятся устойчивые выражения с негативным значением и негативной коннотацией (*макроновские меры* ← *драконовские меры*, *маразм крымчал* ← *маразм крепчал*), имена отрицательных персонажей литературных произведений и кино (*Держимордия* ← *Держиморда*), имена исторических лиц с негативной репутацией (*гитлер-промоушн* ← *А. Гитлер*), отсылки к трагическим событиям истории (*Мангало-шашлычное иго* ← *Монголо-татарское иго*). При этом автор апеллирует к стандартизированному, стереотипизированному образу данных явлений в сознании говорящих. Новообразования на базе прецедентных феноменов данного типа выражают негативную оценку в наиболее эксплицитной форме.

— Прецедентные феномены, обладающие нейтральным (или положительным) оценочным потенциалом, однако приобретающие оценочность за счет формальной словообразовательной трансформации: сочетания семантики аффиксов и основы (*ROG неизобилия*), семантики заменяющей части при незуальном словотворчестве (*народ-вредоносец*). Эксплицитность выражения негативной оценки подобных новообразований довольно велика за счет наличия негативно-оценочной семантики производящего слова или форманта.

— Прецедентные феномены, имеющие амбивалентный потенциал оценочности (могут восприниматься как отрицательно, так и нейтрально или положительно в зависимости от условий употребления и особенностей системы ценностей говорящего), отсылающие к неоднозначно воспринимаемым событиям, явлениям, лицам, при этом в контексте актуализируются именно негативные ассоциации (*Крымнаш*).

— Прецедентные феномены, обладающие нейтральным (или положительным) оценочным потенциалом, однако приобретающие негативную оценочность в контексте. Это может происходить за счет актуализации прямого значения составляющих прецедентного феномена: например, для заголовочного новообразования *криминальное чтение* оценочность формируется за счет актуализации прямого значения элемента *криминальный* ‘преступный, уголовный’ [МАС], хотя вне контекста название фильма «Криминальное чтение» не вызывает однозначно негативных ассоциаций. В том числе происходит ироническое обыгрывание прецедентного феномена: например, в заголовке *Торжество киприотизма* исходный прецедентный феномен *торжество патриотизма* имеет положительную коннотацию, но переосмыляется в контексте, поскольку новообразование в публикации иронически осуждает компании, выводящие свои доходы в зарубежные офшоры вместо российской регистрации.

— Прецедентные феномены, в контексте не реализующие свой ассоциативный потенциал, являющиеся лишь основой для формальной трансформации. Как правило, при этом за счет языковой игры в контексте создается ирония.

Таким образом, оценочность новообразований на базе прецедентных феноменов имеет адгерентный характер, поскольку для формирования оценочного значения важен контекст употребления, а также комплекс культурологической информации и ассоциаций, к которым отсылает прецедентный феномен. Языковая игра, таким образом, построена на механизме одновременной актуализации и взаимодействия текстовой информации (сведений об актуальных событиях современности, которым посвящена публикация) и затекстовой информации,

относящейся к фоновым знаниям читателя, его знаниям мирового и национального культурного наследия.

Оценка также носит имплицитный характер, поскольку зависит от ассоциаций, которые вызывает прецедентный феномен, а они являются факультативными, субъективными и зависят от особенностей восприятия и культурного фона конкретного читателя. Однако следует отметить, что оценка может выражаться в более или менее открытой/скрытой форме в зависимости от характера ассоциативного потенциала прецедентного феномена: так, некоторые единицы связаны с однозначно негативными ассоциациями в сознании большинства носителей языка (ср. *гитлер-промоушн*) и поэтому способствуют выражению более резкой, явной негативной оценки.

Реализуется эмоциональный тип оценочности, поскольку оценка основана на абстрактных ассоциациях, а не рациональном сопоставлении качеств объекта с нормой.

При этом следует учитывать, что в медийных текстах языковая игра нередко выступает как средство имплицитной оценки. Подвергаясь глобальной установке на воздействие, выражение оценки, языковая игра выполняет не только развлекательную функцию и функцию привлечения внимания, но и оценочную функцию. Поэтому употребление прецедентных феноменов в ходе языковой игры способно усилить их оценочный и экспрессивный потенциал, особенно при неузуальном словотворчестве.

При этом оценка преимущественно выражается в форме иронии, которая относится к спектру имплицитных негативно-оценочных значений.

Итак, в процессе речевого воздействия автор стремится к тому, чтобы читатель разделил его оценочные установки, ценностные ориентиры, и использует для этого деривационные средства экспрессивного характера, отражающие процессы субъективизации, инертекстуализации, стремление к языковой игре. В рамках публицистического текста прецедентные феномены начинают функционировать особым образом: в соотнесении с актуальными событиями современности получают несвойственные им коннотации и смысловые оттенки,

приобретают остросоциальную оценочность, подчиняясь авторским стратегиям воздействия. Современные исследователи отмечают, что среди коннотаций, которые прецедентные феномены приобретают в рамках публицистического дискурса, преобладают негативные коннотации, в особенности иронические и саркастические [Махова 2014: 164-168]. Деривационная трансформация прецедентных феноменов увеличивает их экспрессивность, помогает связать обобщенный смысл, отвлеченную ценностную ориентацию прецедентной единицы с конкретной оценкой актуальных социальных событий.

3.3. Новообразования как средство речевой агрессии

Среди активных тенденций развития медийной речи исследователи отмечают ориентацию на выражение оценки: «выбор языковых средств в масс-медийном дискурсе, как правило, связан с оценкой, имеющей целью воздействие на адресата, с системой ценностной ориентации, когда на первый план выступают концептуальные, образные и эмоциональные характеристики» [Язык средств массовой информации 2008: 39]. Оценочность в целом является одним из стилиобразующих факторов публицистического стиля, она обусловлена полемичностью медийного дискурса и имеет преимущественно негативно-оценочный характер. Журналист, обладая свободой слова, имеет право выражать собственные оценочные суждения, в том числе негативные (если они выражены в корректной форме, не оскорбляющей кого-либо). Однако в определенных коммуникативных условиях негативная оценка может переходить в речевую агрессию.

Нередко в тексте сложно разграничить негативную оценку и вербальную агрессию, поскольку основной критерий ее определения, враждебность высказывания по отношению к объекту речи, является довольно субъективным. Кроме того, одни и те же языковые элементы могут использоваться для создания как отрицательной оценочности, так и агрессии, в зависимости от речевого окружения или коммуникативной ситуации. Тем не менее при некоторой общности

используемых языковых средств негативная оценка и речевая агрессия различаются, прежде всего, по своей цели. Оценочные средства могут использоваться автором, чтобы наиболее полно описать происходящие в обществе события, интерпретировать их согласно своим взглядам, поэтому в большинстве публицистических жанров являются вполне уместными и закономерными. Напротив, вербальная агрессия как враждебный акт по отношению к адресату недопустима в рамках публицистического текста, поскольку это противоречит нормам речевого этикета и журналистской этики, а также может привести к конфликтным ситуациям. Употребление средств речевой агрессии является рискогенным фактором в медиакommunikации.

В целях речевой агрессии могут использоваться как новообразования с ингерентной оценочностью, так и адгерентно-оценочные новообразования, приобретающие негативную окраску в контексте. При этом основными критериями выявления речевой агрессии являются дискурсивные факторы: объект оценки и его эксплицированность в тексте, прагматическая установка на выражение неприязни, враждебности, разжигание розни. В контексте выделения высказываний с признаками вербальной агрессии представляется целесообразным принимать во внимание прагмалингвистический подход, опирающийся на выявление мотива говорящего в отношении слушающего и установление языковых маркеров вербализации мотива в речевом контексте [Гневэк 2014: 382].

Феномен речевой агрессии может воплощаться в различных формах. В частности, к наиболее рискогенным формам не только в коммуникативном, но и в юрислингвистическом аспекте относятся инвективные высказывания, направленные на резкую негативную оценку конкретного субъекта и/или его деятельности, способные оскорбить его, нанести вред чести и достоинству. Также к речевой агрессии относятся высказывания с признаками языкового экстремизма, или языка вражды, выражающие резко отрицательное отношение к представителям иных национальных, религиозных, политических, субкультурных групп.

3.3.1. Новообразования с негативной оценочностью, выступающие как средство инвективы

Эксплицитно-оценочные новообразования, созданные на базе лексем, обозначающих антиобщественную и противозаконную деятельность, а также эксплицитно-оценочные новообразования на базе нелитературной лексики могут функционировать в качестве инвектив в определенных контекстах. Такие новообразования обладают ингерентной оценочностью, однако их функционирование как средства речевой агрессии зависит от контекстуальных условий употребления.

Выявление инвективной лексики актуально при проведении лингвистической экспертизы спорных текстов по делам об оскорблении. В первую очередь, для квалификации речевого акта как инвективного необходимо, чтобы в высказывании был обозначен конкретный объект резкой негативной характеристики.

Например, в публикации с заголовком «*Бывший глава Гагинского района Николай Савкин оказался... «энергжуликом»!*» (Ленинская смена, 25.08.2017) новообразования *энергжулик* образовано путем сложения *энерго* + *жулик* разг. 'Вор, мелкий мошенник' [ТСРЯ]. Новообразование не только образовано от негативно окрашенной лексемы, обозначающей социально порицаемую деятельность, но и стоит в позиции предиката по отношению к подлежащему, выраженному именем собственным, то есть является прямой негативной характеристикой в составе инвективного речевого акта. Так, новообразования аналогичной структуры, созданные на базе негативно окрашенной лексики, не являются средством инвективы, если оценка имеет обобщенный характер, выступает средством критики общественных процессов и явлений: *Оргпытки*. *Выпускник девятого класса Геннадий Докучаев рассказывает о первом из череды госэкзаменов* (Новая газета, 10.06.2019) – сложносокращенным способом от *орг(анизационные)* + *пытки* перен. 'Нравственное мучение, терзание' [МАС]. В таком контексте новообразования не могут унижать чьи-либо честь и достоинство,

не могут считаться оскорбительными, поскольку негативная оценка не имеет конкретного адресата.

В случаях, когда объект негативной оценки обозначен, крайне высокую степень негативного эмоционального отношения выражают новообразования на базе пейоративной лексики: *Навальный назвал Баронову и Рябцеву «свинобомжами»*. *Оппозиционер обрушился на девушек* (Московский комсомолец, 30.09.2019) – образовано путем сложения на базе пейоративной зоометафоры *свиньи* разг. ‘О грязном, неопрятном человеке, неряхе’ [МАС] и пейоративной лексемы *бомж* в переносном значении ‘опустившийся, плохо одетый и т. п. человек’ [Елистратов 2002]. Однако подобные примеры имеют единичный характер. В некоторых случаях новообразования, обладающие резкой негативной экспрессией, созданные на базе нелитературной лексики, нарушают этические, коммуникативные нормы, однако не нарушают норм юридических, поскольку негативная оценка имеет обобщенный характер: *Хреновация: что люди на самом деле думают о сносе пятиэтажек в Москве* (Maxim, 15.05.2017) – контаминация *реновация+хрен* (разг.-сниж., употребляется как бранное слово [НСРЯ]). Употребление подобных негативно-оценочных новообразований является проявлением речевой агрессии по отношению к аудитории издания, однако не имеют инвективного характера.

Новообразования на базе стилистически сниженных лексем являются потенциально конфликтогенными, если служат средством отрицательной оценки деятельности конкретных публичных лиц, органов власти, политических партий, организаций: *Бабломойка. Как используются РОСТЕХом финансовые средства гособоронзаказа <...> За все время своего существования, так и не создав ничего масштабного, в области вертолетостроения, похоже, что холдинг выполняет функции исключительно «финансового пылесоса», выкачивая из переданных ему в управление государственных активов все, что только можно* (Наша Версия, 07.02.2019) – новообразование создано путем сложения, одно из производящих слов *бабло* относится к жаргону, новообразование отсылает к словосочетанию *мыть (отмывать) бабло (деньги)*, которое обозначает незаконную деятельность по

подмене реальных нелегальных источников денежных средств фиктивными легальными. При этом новообразования могут создаваться неузualmente способами. Так, заголовочное новообразование **УКРАЛвагонзавод** (*Кто виноват, что войска недополучат «Армат»?* // Наша версия, 28.05.2019) создано путем заменительной деривации с дополнительной капитализацией на базе названия предприятия «Уралвагонзавод» с заменой одного из корней на глагол *украл* (*украсть*), обозначающий противозаконную деятельность. Подобные новообразования не указывают в явной форме на факт совершения противозаконных действий, однако являются экспрессивным средством выражения эксплицитной негативной оценки и формирования отрицательного образа конкретного предприятия в сознании аудитории.

При этом важен и широкий контекст употребления новообразования. Так, в некоторых публикациях оценочные средства намеренно концентрируются в инвективных целях: *На чью мельницу льет нарко-пиар «Новая газета»? Отчего «Новая газета» столь откровенно русофобствует? Все объясняется тем, кто конкретно издание финансирует <...> среди спонсоров этой шарашкиной конторы числятся и западные НКО, включая злобного американского старикашку Сороса, и правительство Нидерландов, и частные толстосумы из криминальных кругов. Вот, например, главный деньгодаватель редакции «Новой газеты» Сергей Адоньев – бизнесмен, пойманный на перевозке наркотиков (Оперативная линия, 26.09.2018) – отрицательная оценка направлена на обозначенное в тексте издание «Новая газета» и создается за счет относящихся к ней слов с негативной семантикой *шарашкина контора* (разг. пренебр. ‘Несолидное, не вызывающее доверия учреждение, предприятие, организация’ [Большой словарь русских поговорок]), «Новая газета» ... откровенно русофобствует – ‘быть русофобом, проявлять русофобство’ [НСРЯ], новообразования *нарко-пиар* (создано способом сложения *нарко-* + *пиар*), а также с помощью манипулятивного приема помещения в негативный контекст [Шейгал 2000: 174]: негативные сведения относятся не только к «Новой газете», но и к ее окружению *среди спонсоров ... числятся... злобного американского старикашку Сороса, частные толстосумы из**

криминальных кругов, деньгодаватель (создано сложно-суффиксальным способом на базе слов деньги, давать) ... Сергей Адоньев – бизнесмен, пойманный на перевозке наркотиков.

С лингвистической точки зрения концентрация негативно-оценочных средств является проявлением речевой агрессии. За счет нагнетания стилистически и эмоционально маркированных элементов с негативной окраской также происходит манипулятивная «подмена факта комментарием» – представление новостной информации с использованием субъективного мнения журналиста, как правило, выраженного в резко негативной форме. В манипулятивных целях ставится задача интерпретировать произошедшее событие, переводя факт реальный в факт-комментарий, который не показывает событие, а оценивает его [Чеботарева 2014: 82]. Таким образом, фактологическая составляющая теряется, поскольку акцент смещен в сторону эмоционального восприятия, адресатом считается только основная тема сообщения и эмоциональная коннотация.

Также имеет значение и экстралингвистический контекст, определяющий отношение объекта оценки к системе ценностей. Так, имеет значение высокий социальный статус лица, если это лицо становится объектом негативной оценки: *Алко-забег бывшего депутата: по зимним улицам в трусах и с пистолетом. Белочка – штука непредсказуемая, сочная, экспрессивная. Намедни она посетила Рифата Сафиулловича Ариффулина (если верить СМИ). Это известный и уважаемый житель подмосковного города Орехово-Зуево, успешный подмосковный бизнесмен, меценат, видный представитель местной татарской (и шире – мусульманской) общины, недавний депутат Совета депутатов городского округа Орехово-Зуево (Завтра, 18.02.2019)* – негативная оценка создается не только за счет приписывания субъекту социально порицаемой деятельности – пристрастия к алкоголю, агрессивного поведения (*алко-забег ... с пистолетом*), – но и за счет свойств самого субъекта, имеющего высокий социальный статус. Таким образом, текст имеет инвективный характер, может рассматриваться как наносящий вред чести и достоинству публичного лица, обозначенного в тексте. Система ценностей в обществе неоднородна, ср. то же новообразование *алко-забег* в ином контексте

уже не выражает негативную оценку и не реферирует к социально порицаемому явлению, а скорее наоборот используется в маркетинговых целях для привлечения клиентов: *Какие вечеринки ждут кировчан в ночных клубах? А в клубе "Planeta" в эти выходные отмечают День физкультурника. 10 августа в 22:00 – Клубная универсиада. Алко-забег, 2 этажа любимой музыки, специальный гость – Dj Nekto* (ikirov.ru, 09.09.2013).

Таким образом, при выявлении инвективных высказываний в медийных текстах, содержащих новообразования, необходимо обращать внимание на следующие факторы. В структуре новообразования могут содержаться оценочно маркированные элементы (производящее слово/основа, называющая социально порицаемое явление; стилистически сниженная основа или формант), это говорит о негативно-оценочном характере новообразования и возможности его функционирования в качестве инвективы. При этом определяющее значение имеет контекст употребления новообразования: оно может употребляться в составе инвективного речевого акта, для которого обязательно наличие конкретного объекта резкой негативной оценки. Итак, новообразования с ингерентной эксплицитной оценкой, созданные на базе лексем, обозначающих антиобщественную и противозаконную деятельность или на базе нелитературной лексики, функционируют в качестве инвектив, если используются для резкой негативной характеристики конкретных публичных лиц, органов власти, политических партий, организаций. Следовательно, наблюдается взаимодействие ингерентно-оценочных средств (наличие в структуре новообразования негативно-окрашенных элементов), которые определяют наличие негативной оценочности, и адгерентно-оценочных факторов (отнесенность негативной оценки к конкретному объекту, обозначенному в контексте), от которых зависит инвективный характер высказывания. Таким образом, можно заключить, что структура и семантика новообразования могут быть предпосылкой его функционирования в качестве инвективы, однако при анализе потенциально инвективных высказываний необходимо учитывать контекст употребления новообразования.

В составе инвективных речевых актов могут употребляться не только новообразования с эксплицитной ингерентной оценочностью, но и новообразования с оценочно-нейтральными компонентами, которые в контексте приобретают негативную окраску.

Если новообразование на базе оценочно нейтральных элементов функционирует в контексте, насыщенном отрицательными характеристиками, в особенности в форме речевой агрессии, то оно тоже может приобретать оценочную окраску, поддерживать общий негативный тон высказывания. Так, в публикации с заголовком: «*Отмороженная цепная собачка*»: кто и для чего использует «*матильдоторицу*» Поклонскую (Заголовки.ру, 22.09.2017) – новообразование *матильдоторица* создано сложно-суффиксальным способом на базе имени собственного *Матильда* и глагола *бороться* с пропуском ступени имени существительного, называющего лицо мужского пола («Матильда» – название российского фильма об отношениях между цесаревичем Николаем Александровичем и балериной Матильдой Кшесинской, вызвавшего широкую дискуссию в СМИ). Заголовок перегружен негативно-оценочными элементами: эксплицитную негативную оценку выражает разговорно-сниженная пейоративная лексема *отмороженная* ‘безнравственный, разнузданный, распоясавшийся – обычно молодой – человек, способный бездумно совершить самый жестокий поступок; отморозок’ [НСРЯ] в сочетании с пейоративной зоосемантической метафорой *цепная собачка*, имплицитная негативная оценка выражается с помощью глагола *использует*, который в данном контексте в скрытой форме передает идею пассивного вовлечения в какие-либо действия в корыстных целях; также номинация публичного лица с высоким социальным статусом по фамилии (без имени, имени и отчества или инициалов) в данном контексте является маркером неуважительного отношения. В подобном речевом окружении новообразование *матильдоторица* встраивается в общую систему негативных характеристик и имеет ироническую окраску. Данный заголовок является проявлением речевой агрессии, поскольку включает в себя использование

стилистически сниженных пейоративных лексем по отношению к конкретному публичному лицу, таким образом высказывание имеет инвективный характер.

Также признаки речевой агрессии встречаются в заголовке: *Будущие петухи у параши: начался суд над экс-депутатами, которые обвиняются в серийной педофилии <...> Курсков и Поплевко – лучшие друзья. Оба обвиняются в педофилии* (Завтра, 05.02.2019) – оценочно-нейтральное новообразование, созданное с помощью префикса *экс-* с семой ‘бывший’, в контексте заголовка обозначает субъектов, которым приписывается аморальное и противозаконное поведение (*обвиняются в серийной педофилии*), а также к ним относится эксплицитная негативно-оценочная характеристика *петухи у параши* – жаргонное выражение с резкой негативной экспрессией, имеющее инвективный характер.

Новообразования *матильдоборица, экс-депутаты* не содержат оценочных компонентов в своей структуре, однако в рамках заголовка с признаками речевой агрессии поддерживают общий негативный тон высказывания. Таким образом, в проанализированных контекстах новообразования выступают одним из средств формирования инвективности.

3.3.2. Новообразования как средство формирования «языка вражды»

Поскольку наличие вербальной агрессии определяется коммуникативной ситуацией в целом, коммуникативными установками и отношением между говорящим и слушающим, особое значение имеют предмет речи и объект агрессии.

В современном мультикультурном обществе проявлением речевой агрессии часто становится излишне резкая критика в адрес расовых, этнических, религиозных меньшинств, людей с ограниченными способностями может быть воспринята как дискриминация, разжигание конфликта. Такую речевую тактику в науке принято называть лингвистическим экстремизмом: «языковой экстремизм» (или «язык вражды», от англ. «hate speech») – это языковые средства выражения резко отрицательного отношения к носителям иной системы религиозных,

национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей [Хроменков 2016: 36].

Новообразования, созданные как узуальными, так и незузальными способами, могут выступать как одно из проявлений «языка вражды».

Освещение отношений в поликультурном обществе, взаимодействия с носителями иных культурных ценностей, социальных противоречий, разногласий в обществе является одной из центральных тем в средствах массовой информации. Как правило, автор в подобных текстах в явной или скрытой форме воздействует на читателя с целью приобщить его к собственной точке зрения.

Поскольку выделяются различные разновидности «языка вражды» в зависимости от его «жесткости», в его формировании могут участвовать как эксплицитные, так и имплицитные формы выражения оценки.

Жесткую форму языка вражды воплощают новообразования с эксплицитной ингерентной негативной оценкой, созданные на базе лексем с негативной семантикой и коннотацией, пейоративных лексем, употребляемые для характеристики представителей иных национальных, политических, социальных групп. Новообразования на базе пейоративных лексем могут использоваться для обобщенной негативной оценки деятельности политически противостоящих групп: *УКРАИНА — РЕВОЛЮЦИЯ ЛОХОВ И ЛОХОМАЙДАН* (интернет портал News front, 27.07.2015) – образовано путем сложения стилистически сниженной лексемы *лох* (разг.-сниж [НСРЯ] или жарг. ‘Глупый человек, простак; наивный, доверчивый человек’ [БТС]) + *Майдан*.

При освещении национальных и политических противоречий большим экспрессивным потенциалом обладают лексемы, называющие конфликтующие группы и их представителей, поэтому их состав постоянно пополняется в процессе словотворчества. В частности, активно создаются негативно окрашенные номинации, обозначающие национальные, политические группы, находящиеся в конфронтации, при этом в создании новообразований участвуют пейоративные лексемы: *Прощальная подлость евротрусов: Порошенко получил серьезный удар под дых. Как известно, сила европейских политиков состоит в том, чтобы дудеть*

в одну дуду (Конт, 21.04.2017); «Евроидиоты» довели до «газовых бунтов» в трех городах Украины – экс-депутат Рады (Царьград, 14.11.2018) – ср. идиот прост. бран. ‘Дурак, болван, тупица’ [МАС]; В Одессе не видно **укротряпок**, все ждут возмездия (новостной портал «Мир тесен», 03.05.2019) – сложение усеченной основы прилагательного *украинский* и существительного *тряпки* разг. пренебр. ‘О бесхарактерном, слабовольном человеке’ [МАС]. На исследованном материале отмечается продуктивность префиксоидации и сложения для создания подобных номинаций: префиксоид или первый корень семантически маркируют этническую или национальную принадлежность лица (с нейтральной коннотацией *евро-*, *укр-*) и сочетаются с основой, имеющей негативную семантику и коннотацию (*трус*, *идиот*, *тряпка*). Подобные номинации имеют резкую негативную экспрессивность, за счет своей структуры (мотивирующее слово *трус*, *идиот*, *тряпка*), которая поддерживается за счет контекста. Таким образом, оценочные суждения эксплицируют ценностные установки говорящего, публично приписывающего негативные ценностные характеристики национальным группам.

Подобные негативно окрашенные номинации социальных групп относятся к разряду национал-инвектив, полит-инвектив (по классификации инвективной лексики О.Н. Матвеевой [Матвеева 2002]), уничижительных наименований социальных групп и их представителей. Они реализуют такой механизм воздействия, как «навешивание ярлыков». Ярлык представляет собой необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме. Его воздействующая сила отмечается Н.И. Клушиной: «Негативная номинация – это и есть публицистический ярлык, "конденсирующий" в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» [Клушина 2006: 63]. Ярлыки употребляются в СМИ для достижения выгодных манипулятору целей: «Прием "наклеивания ярлыков" — это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [Булгакова 2012: 42]. А.М. Цуладзе отмечает: «Опасность их в том, что,

входя в широкий обиход благодаря прежде всего СМИ, они приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, порой замещая, вытесняя другие – смежные, но менее агрессивные понятия» [Цуладзе 1999: 86-87].

Так, при репрезентации противостояния в отношениях России и Украины уже укрепились в медиаполитическом дискурсе полит-инвективы *бандеровцы*, *москаля*, *ватники* и др. Об этом свидетельствует не только частотность употребления, но и то, что они становятся базой для создания новых номинаций, вовлекаются в деривационные процессы. Лексема *москаль*, как отмечают исследователи, до 2014 была не востребуемой, отсутствовала в словарях или встречалась с пометой «устар.», «дореф.»; при этом отмечалась ее пренебрежительная окраска и негативно-оценочная семантика ‘шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам’ [Вепрева, Купина 2014]. Однако после обострения межнациональных отношений лексема стала актуальна, сохранила пренебрежительную окраску, которая свойственна и новообразованиям на ее базе: *Особенности ленинского «москализма»*. *Ленин и ленинцы изначально вскармливали смертельного для СССР врага в лице украинского сепаратизма, усиленного после войны* (Завтра, 12.09.2016) – новообразование создано путем суффиксации с помощью оценочно-нейтрального суффикса с отвлеченной семантикой *-изм.*

В медиадискурсе распространены номинации с основой *бандер-*, в том числе распространенной номинации с негативной коннотацией *бандеровец*. Негативная окраска производящей основы *бандер-* в медиаполитическом дискурсе обусловлена экстралингвистическими условиями, как историческими событиями, так и современными. Так, ученые характеризуют существительное с негативной коннотацией *бандера* как результат семантической деривации от имени собственного С. Бандера и отмечают продуктивность данной основы *бандер-* для создания пейоративных номинаций (*бандерлог*, *бандераст* и др.) [Ляшенко 2014: 115]. Например, номинация *Бандеростан* создана с помощью оценочно-нейтрального суффиксоида *-стан*, используемого в топонимах (ср. *Узбекистан*,

Туркменистан и под.) и в тексте выступает как пейоративная номинация Украины: *Гонения на Церковь в Бандеростане: увы, это только начало. Около 9 утра 30 ноября толпа СБУшников на трех автобусах прибыла в село Вороньков Бориспольского района Киевской области. Целью нашего шествия был дом наместника Свято-Успенской Киево-Печерской лавры владыки Павла (Русская весна, 03.12.2018)*. Новообразование *Бандеростан* выступает как средство манипуляции, поскольку выражает отождествление отдельного политического движения со всей страной. Новообразования с суффиксом *–(из)аци(я)* на базе основы *бандер-* служат для характеристики общественных процессов: *Бандеризация страны как форма фашизации* (Комсомольская правда, 05.09.2018); *Польша начинает "дебандеризацию" Украины. ...поправки устанавливают полный запрет идеологии украинского национализма* (Newsland, 08.02.2018) – новообразование *дебандеризация* создается префиксальным способом на базе негативно-оценочного новообразования *бандеризация*, таким образом обозначаются разнонаправленные тенденции в обществе.

Распространение получила пейоративная номинация *бандеровец*, как считают лингвисты, в современной речи, в том числе в публицистическом дискурсе, данная лексема употребляется со значением 'участник украинского националистического движения, возникшего в XXI веке, имеющий крайне правые, радикально-националистические взгляды, для которого характерны идеализация и героизация образов С. Бандеры, Р. Шухевича, использующий насильственные методы борьбы' [Щетинина, Блинова 2017: 118]. Таким образом, слово функционирует как пейоративная номинация, в том числе выступает как основа для негативно-окрашенных новообразований: *Кто такие «криптобандеровцы» и «криповатники» <...> С молчаливого согласия «криптобандеровцев» в стране укореняется навязанная бандеровцами история с пантеоном героев, в виде Мазепы и Грушевского на купюрах, соответствующая геральдика, так называемый «киевский патриархат» и все это, так или иначе, противопоставляет Украину России* (Литературная газета, 07.02.2017) – в тексте также встречается новообразование на базе пейоративной лексемы *ватник*, относящейся к сленгу и

имеющей негативно-оценочную семантику ‘карикатурный образ российского ура-патриота, непросвещенного, обманутого, истеричного’ [Словарь молодежного сленга].

В подобных контекстах негативная оценка имеет эксплицитный характер, поскольку производящие слова (*бандеровец, бандера, ватник, москаль*) имеют негативную коннотацию, являются политическими инвективами. При этом адгерентные факторы определяют особенности функционирования подобных номинаций как средства формирования «языка вражды»: новообразования употребляются в негативно-окрашенном контексте при описании политического и национального противостояния, в ходе реализации манипулятивной тактики «навешивания ярлыков» с целью противопоставления одной национальной группы другой, формирования негативного образа внешнеполитического врага.

Как известно, понятие толерантности не ограничивается вопросами взаимодействия между представителями разных национальных культур, в современном обществе так же остро стоят вопросы терпимого отношения к иным субкультурным, политическим, социальным, религиозным ценностям. Поэтому «язык вражды» может использоваться при освещении взаимодействия не только между этническими, но и между социальными группами, в особенности социальными меньшинствами. Новообразования с префиксоидом *гей-* [Сенько 2014] в сочетании с негативно-оценочными основами используются для отрицательной характеристики действий представителей ЛГБТ-сообщества: *Гей-угроза идет от детей* (Газета.ру, 03.02.2014) – на базе слова с негативной семантикой *угроза* ‘возможность, опасность какого-л. бедствия, несчастья, неприятного события’ [МАС]; *Гей-диверсия за бюджетные деньги... Ближе к ночи 25 июня (смена "Год театра") свой "спектакль" представила театральная лаборатория Gogol School.... На сцене происходит имитация поцелуя между двумя юношами* (Завтра, 01.07.2019) – на базе лексемы *диверсия* в переносном значении с негативной окраской ‘враждебные действия’; *Гей-бандеровщина. В Киеве состоялась "Марш равенства", то есть мероприятие извращенцев – гей-парад* (Завтра, 24.06.2019) – лексема *бандеровщина* употребляется в медийных текстах с

неодобрительной коннотацией. Новообразования различной структуры используются для экспрессивной негативной характеристики деятельности активисток феминизма: *Тоталитарочки*: О садистском оскале «российского феминизма» (Журналистская правда, 09.03.2019) – диминутив *тоталитарочки* создан с помощью размерно-оценочного суффикса *-к(а)* чересступенным способом с пропуском ступени существительного со значением женскости. Негативная экспрессия создается за счет сочетания основы, связанной в сознании носителя языка с негативными ассоциациями, с уменьшительно-ласкательным суффиксом с иронической окраской. Таким образом, создаются номинации различной структуры с пренебрежительной коннотацией, обозначающие представителей определенных социальных групп и негативно характеризующие их деятельность, употребляемые в негативном контексте.

Несмотря на то, что вследствие принятия определенных мер идеологического, политического, правового характера значительно уменьшилось количество агрессивных высказываний в СМИ по данной теме, в медиатекстах все еще встречаются резко негативные оценки, находящиеся на грани языкового экстремизма. Однако высказывания с эксплицитной негативной оценкой все реже встречаются в современных СМИ, и более востребованными становятся механизмы скрытого воздействия, имеющего манипулятивный характер. Для выражения негативной оценки в имплицитной форме часто используются новообразования, созданные как узуальными, так и незузальными способами.

Как отмечают исследователи, в современных СМИ актуальны стратегии имплицитной инвективности, реализующие скрытую негативную оценку без использования негативно-окрашенных элементов, но формирующие ее в контексте: «Подобного рода газетные тексты имеют целый ряд структурно-семантических особенностей, обусловленных специфической коммуникативной задачей автора и заключающихся в окказиональном характере использования средств разных уровней языка (от лексического до синтаксического) с целью привлечения внимания адресата (в данном случае – читателя) к фрагментам, в которых содержатся имплицитные негативно-оценочные смыслы» [Заложная

2011: 87]. При этом инвективность как коммуникативная стратегия имеет конкретный объект – в том числе, это может быть национальная или социальная группа, на которые направлена негативная оценка.

Социальное противостояние может отражаться в медиатекстах с помощью новообразований с суффиксоидами *-фоб-*, *-фил-*.

Лексемы с элементом *-фоб(ия)* могут иметь нейтральную коннотацию, например, в медицинских терминах, ср.: *аквафобия*, *аэрофобия*, *клаустрофобия* и др. Однако, как отмечают исследователи, лексемы с элементом *-фоб(ия)* все чаще используется не для обозначения клинических фобий, а для обозначения иррационального резко негативного отношения к чему-либо [Петрухина 2013]. В медийном словотворчестве новообразования с суффиксоидом *-фоб(ия)* с семантикой 'неприятно, враждебно и со страхом относящийся к тому, что названо в первой части слова' [НСРЯ], как правило, имеют негативную коннотацию и подчеркивают враждебность какого-либо субъекта. Новообразования с *-фоб(ия)* в медийных текстах могут использоваться для иронического обозначения социальных опасений: *Урнофобия на Украине. Практически по всему маршруту передвижения Президента Януковича в Донецке убрали бетонные урны* (Завтра, 15.05.2012). Такие новообразования могут выражать оценку в имплицитной форме с иронической окраской, однако за счет контекста оценка может усиливаться, когда новообразования с *-фоб(ия)* используются для обозначения враждебной социальной позиции, как правило, выражаемой в агрессивных или деструктивных действиях: *В муниципалитете засели зоофобы. В Петербурге разработали очередной абсурдный законопроект. Теперь хозяев, которые выгуливают собак без наличия двух паспортов (своего и питомца), могут оштрафовать* (Российская газета, 13.09.2012); *Христофобия. ...София Арендт выступила резко против христианских песнопений и даже самого имени Христа в «Ростовском действе» митрополита Димитрия Ростовского... налицо антихристианская ангажированность или же мы имеем дело с естественным следствием деградации образования и вообще духовной жизни целого поколения?* (Завтра, 25.05.2018); *Оплот украинофобии? Госкино*

ополчилось на Зеленского за «Сватов» (Газета.ру, 05.07.2019). Семантика суффиксоида *-фоб(ия)* способствует возникновению негативно-оценочного значения, в контексте подчеркивается враждебный характер обозначаемых явлений.

Однако оценочность в контексте могут приобретать и новообразования с аффиксами с положительной или нейтральной семантикой, обозначающие социальные противоречия и противоборство национальных, политических, религиозных групп.

Так, новообразования с суффиксоидом *-фил-* с оценочно-нейтральной семантикой 'благосклонно, с интересом и уважением относящийся к тому, что названо в первой части слова' [НСРЯ] в медийных текстах нередко приобретают негативную коннотацию и используются для обозначения пагубных пристрастий: *Сибирские укрофилы добрались до Красноярска. В городе осквернили символы воинской славы* (Накануне.RU, 22.01.2015). При этом за счет производящего слова (основы) оценка может усиливаться: *Бомбофилы. США передумали закрывать свой "ядерный зонтик" над Германией. В Германии снова повеяло холодом. Неожиданно выяснилось, что все планы правящей "черно-желтой" коалиции по ликвидации последних атомных бомб на территории ФРГ с треском провалились. Причина этого Пентагон, который разом озадачил и своего ключевого союзника по НАТО, и, безусловно, Россию* (Российская газета, 07.09.2012) – негативная оценка также обусловлена характером производящего слова (основы) *бомба*, отсылающее к тематике войны, агрессии и вызывающее негативные ассоциации. Отонимические новообразования с суффиксоидом *-фил(ия)* иронически обозначает чрезмерную привязанность, слепое следование за лидером: *Порохоботы и Зеленофилы. Снова и снова мы, постсоветские люди, словно крысы за дудочкой крысолова, радостно и покорно, не умея плавать и не желая учиться, уверенно двигаемся тонуть в море неоправданных надежд* (Газета.ру, 20.04.2019); *«Приватбанк», соросята и бенифилы: «Перетягивание каната упырями». Если Коломойский представляет свои собственные интересы и является вождем «партии» Бенифилов (Беня — прозвище Коломойского), то Гончарук возглавляет*

«партию» «соросят» (EADaily, 26.11.2019) – новообразование *бенифил* создается на базе прозвища, как это обозначено в тексте, что повышает его негативную экспрессивность. Отонимические новообразования, обозначающие сторонников какого-либо публичного лица, нередко приобретают оттенки иронии, неодобрения в соответствии с коммуникативными условиями публицистического дискурса.

В заголовках электронных СМИ распространены новообразования с суффиксом *-(из)аци(я)* со значением процесса, которому, как правило, приписывается негативный характер. Такие новообразования часто создаются на базе этнонимов: *Кто устраивает то мордовизацию, то чувашизацию России?* (Своими именами, 17.09.2013); *"Таджикизация фамилий": власти Таджикистана запретили вносить русские фамилии в новые паспорта* (новостной портал News.ru, 29.04.2016); *«Татаризация» против свободы* (ИА REX, 27.04.2018). В качестве производящих также используются географические наименования, названия республик, стран, областей проживания негативно оцениваемых в СМИ национальных групп: *Кавказизация России. Кавказизации подверглись модные бренды, салоны причесок, городская и загородная архитектура, кафе и университеты. В этом году показательные процессы кавказизации проявились в футболе* (Правый взгляд, 14.11.2011); *Азиатизация. Налицо картина, вполне укладывающаяся в известную теорию о войне цивилизаций. И, если судить по ее предварительным результатам, эту войну восточно-христианская русская цивилизация стремительно проигрывает азиатской, евразийской* (Русская народная линия, 13.03.2013). Подобные новообразования не содержат в своей структуре элементов с отрицательно оценочной семантикой, стилистически или эмоционально сниженных аффиксов, однако в рамках медиадискурса приобретают оттенок неодобрения. Негативная окраска поддерживается за счет контекста: *"Дагестанизация": экстремисты объявили спецслужбам тотальную войну* (Информационное агентство Regnum, 16.11.2011). Оценочные суждения, имеющие манипулятивный характер, влияют на систему ценностей читательской аудитории, причем данный процесс не осознается читателями.

Таким образом, на базе этнонимов или лексем, обозначающих территории проживания определенных национальных групп, активно создаются новообразования со значением процесса, обозначающие усиление влияния иной национальной или этнической группы, распространения ее обычаев, увеличение числа мигрантов. Причем в контексте данные процессы характеризуются негативно, связываются с явлением этнической войны, с перспективами утраты традиционной русской национальной идентичности.

Этнонимы являются продуктивной базой для медийного словотворчества, взаимодействуют и с другими аффиксами: "*Таджикизатор*": *Минюст Таджикистана разъяснил запрет на русские фамилии* (Московский комсомолец, 30.04.2016) – новообразование создано от этнонима *таджик* с помощью суффикса *–(из)атор*, минуя ступень глагола или отглагольного существительного.

Для репрезентации социальных противоречий одним из инструментов манипуляции и формирования «языка вражды» является упрощение преподносимой информации до построения бинарных оппозиций. Информация аксиологического характера, отражающая оппозиции в системе ценностей, может выражаться с помощью новообразований с префиксами *не-*, *анти-* с семантикой отрицания, противопоставления. Новообразования с префиксами *не-*, *анти-* используются для обозначения враждебных национальных групп: «*Небратья*» *пришли всерьез и надолго. В отечественной публицистике появился свежий жанр – изумление степенью воинственности и «отмороженности» украинского общества* (Взгляд, 13.09.2017) – ср. устойчивое выражение *братский народ*, исконно употребляемое по отношению к украинцам и другим славянским народам. Новообразования с *анти-* используются для обозначения негативных общественных явлений, против которых выступает определенная часть общества, а также противостояния различных социальных групп: *Антиэлитный набат. Церковь объявила о «крестовом походе» на российский истеблишмент* (Новые известия, 01.09.2015) – от *элита* ‘представители привилегированных социальных групп’ [НСРЯ]; «*Антиэксперт*», или *против прогнозов* (Эксперт, 01.06.2016). Также новообразования с *анти-* создаются префиксально-суффиксальным

способом, например, новообразования с префиксом *анти-* и суффиксом *-ник* обозначают лиц, активно противостоящих каким-либо социальным явлениям: *Торжество антипрививочников. Вероятно, вы уже видели новость о том, что в Европе бушует очередная вспышка кори? (Сноб, 27.08.2018).* Префиксально-суффиксальным способом создаются и новообразования-прилагательные, обозначающие признаки социального противостояния: *«Болотный», оттепельный, антимайданный. Какой сценарий выберут власти в ответ на мартовские протесты (Газета.ру, 30.03.2017).*

Глобальное внешнеполитическое противостояние характеризуется с помощью новообразований на базе имени собственного *Россия: Нероссия, выкинутая на мороз... главным эффектом этого потокового создания «нероссий» и «антироссий» стало то, что новые элиты, воспитанные за четверть века, оказались не вполне дееспособны сами по себе (RT Russian, 02.02.2017); Антироссия. Петр Порошенко объявил, что будет отныне присутствовать только в трех сетях – Twitter, Facebook и Instagram. Все. Раньше он сидел «ВКонтакте» и «Одноклассниках», но теперь решил отринуть российские соцсети. Он обиделся, удалил свой аккаунт, как будто удалил всю страну (Наша версия, 23.05.2017).*

Новообразования создаются на базе имен собственных публичных лиц, когда противостояние имеет личностный характер: *В США началась антитрамповская неделя. Антитрамповские демонстрации начинаются в США, а избранному президенту помогут байкеры (Московский комсомолец, 16.01. 2017); Господин Антинавальский. Выучили ли вы уже это имя и фамилию — Александр Бречалов? Еще нет? А вот у российских чиновников любого уровня оно уже давно отлетает от зубов (Московский комсомолец, 22.06.2014); Под знаменем "Анти-Греты". В то время как 17-летняя шведская активистка Грета Тунберг продолжает спасать мир от экологической катастрофы <...> кое-где появляются лидеры "сопротивления климатической диктатуре" (Российская газета, 02.03.2020).*

В отличие от ранее рассмотренных в Главе II новообразований с префиксами *не-, анти-* с ингерентной оценочностью (*непобеда, антипатриотизм* и под.), здесь

оценка имеет адгерентный характер, поскольку не зависит от оценочного характера основы или форманта, а определяется контекстом. Новообразования созданы на базе оценочно-нейтральных лексем, однако в тексте они используются для обозначения политического, идеологического противостояния и вражды, способствуют скрытому формированию негативного образа иной национальной или социальной группы через ее противопоставление остальной части социума.

Подобные новообразования имеют манипулятивный потенциал, упрощая преподносимую информацию до бинарных оппозиций. Исследователи отмечают моделирование ценностных оппозиций как одну из характерных черт экстремистского дискурса [Сидорова 2018: 38]. Картина социального взаимодействия, как правило, имеющая неоднозначную природу, упрощается до разделения на «правых» и «неправых», «своих» и «чужих», социальные противоречия поляризуются. Путем словотворчества автор не только экспрессивизирует свой текст, но и вкладывает в неоминации новое концептуальное содержание, что предоставляет большое пространство для манипуляции.

Новообразования, созданные неузвальными способами, в публикациях на темы национального, политического, идеологического противостояния выражают оценку в эксплицитной или имплицитной форме в зависимости от своей структуры и контекста употребления.

Так, контаминированные новообразования, созданные на базе пейоративных лексем, используются в текстах СМИ в качестве политических и национальных инвектив с эксплицитной негативной оценкой.

Например, в публикации с заголовком «*Майдауны* громят кладбища» (Экспресс газета, 04.04.2014) новообразование создано путем междусловного наложения с усечением основы первого производящего слова *Майдан*+*дауны* в сленге перен. 'Глупый человек' [ССЛ], в тексте используется для инвективной номинации представителей политической группы. В СМИ встречаются контаминированные новообразования на базе названий национальных, политических, религиозных групп (*мусульмане*), которые соединяются с

лексемами или устойчивыми сочетаниями с негативной окраской: *Мусульмания величия*. *Открытие соборной мечети в Москве придавалось, кажется, сверхъестественное значение* (Коммерсант, 23.09.2015) – мусульмане + мания (величия), устойчивое сочетание, обозначающее негативное моральное качество ‘убежденность в своем превосходстве над всеми другими людьми’ [ТСРЯ].

Для создания уничижительных номинаций национальных, политических групп используется также деривация по образцу: *Оппопитеки, навальдертальяцы или американтропы*. *Они же будут уничтожать все живое, что попытается прорасти на оппозиционном поле, и уже сегодня успешно это делают* (Взгляд, 29.01.2015); *Тут на днях укропитеки узрели, наконец, перемогу. Некий третейский суд в Гааге постановил, что Российская Федерация должна возместить ряду украинских компаний убытки за присоединение Крыма на сумму 159 миллионов долларов* (новостной портал «Мир тесен», 13.05.2018) – новообразования *укропитеки, оппитеки* созданы по образцу лексем *австралопитек, афропитек, дриопитек*, новообразование *навальдертальяцы* создано путем междусловного наложения *А. Навальный + неандертальцы*, новообразование *американтропы* создано путем междусловного наложения *Америка + питекантропы*. Новообразования, таким образом, отсылают к наименованиям древних предков человека, характеризующихся низкой степенью интеллектуального и культурного развития, и в контексте используются для уничижительной номинации представителей противостоящих национальных, политических групп.

Если производящие слова являются оценочно-нейтральными, то новообразование, как правило, выражает оценку в имплицитной форме, с иронической окраской: *Как дагестать богатым. Минкавказа предлагает отдельно финансировать Дагестан* (Коммерсантъ, 16.05.2015) – междусловное наложение с усечением основы первого производящего слова *Дагестан + стать*.

Однако даже при отсутствии негативно-оценочных элементов в структуре новообразования могут приобретать резкую негативную окраску в контекстах, насыщенных негативно-оценочными лексемами и раскрывающих тему идеологического противостояния: *Евровидение митрополитбюро*. *Прямо на*

наших глазах в России сформировалось причудливое **митрополитбюро**: союз беспринципных депутатов, раболепных чиновников и недалеких священнослужителей под безмолвие или активное одобрительное улюлюканье невежественной толпы устраивает в относительно европейской и светской по Конституции России стремительную всеобщую варваризацию (Газета.ру, 12.03.2015) – междусловное наложение *митрополит* + *политбюро*, в контексте сочетается с лексемами с эксплицитной негативной оценкой: *беспринципных, раболепных, недалеких, невежественной, всеобщую варваризацию* и др.

Активный характер национальных противоречий мотивирует возникновение устойчивых сочетаний, выражающих неприязненное отношение к лицам иных национальных групп. Так, устойчивое сочетание «*понаехали тут*», выражающее неприязненное отношение к мигрантам, обыгрывается в заголовках с новообразованиями неузальной структуры: ***Поухали тут!*** *Количество мигрантов в России убывает: по официальным данным ФМС в 2015 году в страну въехало на 600 000 человек меньше, чем в 2014* (Московский комсомолец, 05.02.2015) – заменительная деривация на базе *понаехали* с заменой приставки *на-* на приставку *у-*; ***Поненаехали тут.*** *Поток трудовых мигрантов в Россию стал меньше* (Огонек, 26.01.2015) – новообразование создано путем тмезиса, *понаехали* + приставка *не-* с семантикой отрицания. Обыгрывание устойчивого выражения, имеющего пренебрежительную коннотацию, в контексте публикаций о снижении потока мигрантов приобретает ироническую окраску.

Новообразования неузальной структуры являются средством языковой игры. Шутливый тон, игровое взаимодействие, свойственные современным СМИ, также отражают ценностные установки журналистов: развлекательность становится важнее этики, иронически осмысляются любые события окружающей действительности, даже если это не всегда уместно. При освещении вопросов межэтнического взаимодействия это может стать фактором коммуникативного риска. Так, в тексте с заголовком «***Скромный единогорец. Дзюдоист Беслан Мудранов выиграл олимпийское золото в легчайшем весе*** (Коммерсантъ, 07.08.2016)» новообразование ***единогорец***, созданное путем заменительной

деривации на базе *единоборец*, может быть ошибочно воспринято как неуважительное ироническое обыгрывание национальной принадлежности героя публикации, что не согласуется с общим положительным контекстом. Лексема *горец* имеет нейтральную семантику 'житель гор' [ТСРЯ] в системе языка, однако в рамках медиадискурса часто употребляется как пренебрежительная номинация жителей Кавказа; как отмечают лингвисты, лексема входит в группу «этнических кличек», в СМИ может использоваться в составе метафорических средств формирования образа врага [Веснина 2010].

Таким образом, новообразования, созданные неузуальными способами, могут служить средством формирования «языка вражды», при этом в зависимости от структурно-семантических особенностей и контекста употребления могут выражать негативную оценку более или менее ярко. Новообразования неузуальной структуры являются проявлением языковой игры, поэтому могут выражать не резкое неодобрение, а мягкую иронию. Однако новообразования, созданные на базе лексем с негативно-оценочной семантикой, употребляемые в негативно-окрашенном контексте, выражают оценку в более жесткой форме.

Итак, освещение конфликтов, как межличностных, так и противостояний на почве национальной, идеологической, социальной розни неизбежно остается в фокусе СМИ. При этом медиадискурс, будучи по своей природе персуазивным (воздействующим) типом дискурса, при репрезентации подобных тем не только передает информацию, но и интерпретирует ее, воздействует на адресата как в открытой форме, так и в скрытой.

Новообразования используются в современных медиатекстах как средство воздействия, в том числе могут выступать инструментом манипуляции и вербальной агрессии.

В процессах медийного словотворчества отражаются социальные тенденции, противостояние различных культурных групп. Новообразования одновременно выступают способом импликации авторских ценностных установок и методом скрытого воздействия на массовое сознание, общественную систему ценностей.

В современных СМИ наблюдаются две противоборствующие тенденции в освещении новостей, связанных с инокультурным взаимодействием. Качественные медиа преимущественно придерживаются политики толерантности, подчеркнутой нейтральности во избежание конфликтных ситуаций. Однако для некоторых СМИ, в частности так называемой «желтой прессы», характерно крайне агрессивное речевое поведение, сознательно построенное на нарушении этических норм и эпатаже. Подобные СМИ, имеющие официальную регистрацию, получили широкое распространение благодаря сети Интернет, стали легкодоступными, приобрели многочисленную аудиторию, поэтому нельзя умалять их влияние на формирование системы ценностей современного общества. Тем не менее соблюдение этических норм особенно важно из-за возрастающего влияния СМИ на общественное сознание, речевую культуру населения.

ВЫВОДЫ

Новообразования, обладающие адгерентной оценочностью, на исследованном материале составили 252 контекста (39% от общего числа).

Наличие адгерентной оценочности определяется условиями употребления новообразования и зависит от следующих факторов:

— «узкий» контекст (актуализация негативно-оценочного потенциала новообразования в рамках заголовка; сочетание новообразования на базе оценочно-нейтральных элементов с узуальными негативно-оценочными лексемами в рамках заголовка;

— «широкий» контекст (актуализация негативно-оценочного потенциала новообразования в рамках целостного контекста медийного произведения): употребление новообразований в текстах, насыщенных негативно-оценочными характеристиками, а также в иронических контекстах;

— экстралингвистический контекст (как правило, выступает в качестве вспомогательного условия формирования оценки в контексте), в том числе возникновение оценочного значения, обусловленное спецификой системы ценностей говорящего, особенностями объекта оценки;

— использование средств языковой игры, в частности, на базе прецедентных феноменов;

— речевая агрессия (языковой экстремизм; инвективное использование новообразований); при выявлении инвективных высказываний необходимо учитывать контекстуальные факторы: наличие в тексте конкретного объекта речевой агрессии, который подвергается резкой негативной оценке, способной оскорбить его, нанести вред чести и достоинству; при выявлении признаков «языка вражды» также необходимо учитывать социокультурные факторы: особый национальный, политический, социальный статус объекта, на основании которого он подвергается негативной оценке, специфику противоречий между определенными группами в обществе, наличие национальных, социальных стереотипов, на которых может основываться оценка.

Языковые единицы существуют в тексте не изолированно, они взаимодействуют друг с другом, с другими текстами, с экстралингвистическими условиями. Поэтому большое значение имеет анализ особенностей возникновения оценочного значения новообразований в зависимости от условий употребления.

Так, новообразования, созданные как узуальными, так и незузальными способами на базе оценочно-нейтральных компонентов, могут приобретать адгерентную оценку в контексте.

Для современного медийного словотворчества характерно использование формантов книжного характера для создания оценочно маркированных новообразований. Например, новообразования с префиксоидами *нано-*, *кибер-* могут использоваться в номинативной функции, однако под влиянием контекста зачастую приобретают неодобрительную коннотацию и используются для имплицитного выражения критики процесса развития технологий в ироническом контексте, в составе метафор, вызывающих негативные ассоциации. Новообразования с префиксом *экс-* обозначают лиц, утративших высокий социальный и профессиональный статус, и в рамках медиадискурса зачастую используются в публикациях, посвященных противозаконным и аморальным действиям названных лиц. Новообразования с суффиксами *-(из)аци(я)*, *-изм*, как правило, употребляются для обозначения общественных процессов и явлений, которые подвергаются критике и осуждению. Таким образом, новообразования, созданные узуальными способами с помощью формантов книжного характера, подвергаются глобальной прагматической установке на выражение оценки и в контексте обозначают негативно-оцениваемые явления.

Семантика новообразований, созданных незузальными способами, имеет контекстуальную обусловленность, поэтому даже новообразования на базе оценочно-нейтральных элементов в контексте нередко приобретают негативную окраску. На исследованном материале выявлена актуальность междусловного наложения и заменительной деривации для создания адгерентно-оценочных новообразований. При этом основным фактором формирования оценочного

значения является контекст, а неузуальный способ создания новообразования усиливает экспрессивность заголовка. В узком контексте заголовка новообразования могут сочетаться с лексемами с оценочной семантикой, в частности в позиции определения или дополнения. В широком контексте новообразования неузуального типа приобретают оценочность в иронических контекстах, при этом могут обыгрываться негативно-оценочные компоненты семантики производящего слова, его стилистическая окраска или связанные с ним негативные ассоциации. Ирония выступает как коммуникативная стратегия, проявляющаяся на разных уровнях текста, а в некоторых случаях выходящая за пределы текста и реализующаяся в пределах медиадискурса, под влиянием экстралингвистических факторов. Экстрлингвистические факторы, как правило, выступают в качестве вспомогательного условия и дополняют вербальный контекст в аспекте формирования оценки.

Новообразования с иронической окраской могут создаваться на базе прецедентных феноменов разных типов, что также отражает тенденцию к интертекстуализации медиапространства. На базе прецедентных феноменов новообразования создаются узуальными и неузуальными способами. Среди узуальных способов востребована префиксация (префиксы *не-*, *анти-*), префиксоидация (в особенности префиксоиды *кибер-*, *крипто-*), суффиксация (суффикс *-(из)аци(я)*). Нередко наблюдается деривация по конкретному образцу, при этом наиболее часто новообразования создаются путем суффиксации, воспроизводя суффикс слова-образца. Среди неузуальных способов создания новообразований на базе прецедентных единиц преобладают междусловное наложение и заменительная деривация. Оценочность новообразований на базе прецедентных единиц может определяться семантикой и ассоциативным потенциалом самой прецедентной единицы: нередко в деривационные процессы вовлекаются прецедентные феномены, в целом или за счет отдельных лексем имеющие негативную семантику и коннотацию, а также вызывающие негативные ассоциации. Однако оценочность могут выражать и новообразования на базе оценочно-нейтральных прецедентных единиц, которые в медийном тексте

приобретают ироническую окраску за счет словообразовательной трансформации и обыгрывания в контексте. Использование прецедентного феномена в заголовке и его трансформация за счет словообразовательных средств повышает экспрессивность текста. При этом авторы используют различные стратегии языковой игры: прецедентные единицы могут обыгрываться исключительно формально для привлечения внимания читателей, либо при обыгрывании может в той или иной степени задействоваться ассоциативный потенциал прецедентного феномена, что способствует расширению смыслового пространства текста.

В то же время наблюдается повышение уровня речевой агрессии в медиаполитическом дискурсе, что зачастую обусловлено актуальными социальными процессами.

Речевая агрессия связана не столько с наличием негативно-окрашенных компонентов в высказывании, сколько с условиями их употребления: имеет значение объект оценки и его эксплицированность в тексте, прагматическая установка на выражение неприязни, враждебности, разжигание розни. Одной из форм проявления речевой агрессии являются инвективные речевые акты, в составе которых негативно-маркированные лексемы употребляются адресно по отношению к конкретному лицу или организации с целью дискредитации, выражения неприязни. Новообразования, созданные узуальными и незузальными способами, нередко используются в инвективных речевых актах как средство экспрессивной негативной характеристики. В рамках данной речевой тактики используются такие эксплицитные формы выражения негативной оценки, как вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной, в том числе пейоративной лексики, а также лексики с негативно-оценочной семантикой, обозначающей социально порицаемые явления и признаки. Таким образом, новообразования с ингерентной негативной оценкой служат средством инвективы, употребляясь в контексте для резкой критики конкретного публичного лица или организации. Иногда в инвективных речевых актах используются новообразования на базе оценочно-нейтральных компонентов, однако если при этом высказывание насыщено пейоративными лексемами, то новообразование, как правило,

встраивается в общую систему оценочных характеристик. Так, новообразование приобретает адгерентную отрицательную оценку, функционируя в негативно-окрашенном контексте.

Поскольку наличие вербальной агрессии определяется коммуникативной ситуацией в целом, коммуникативными установками и отношением между говорящим и слушающим, особое значение имеет предмет речи и объект агрессии. Агрессивные речевые тактики, относящиеся к «языку вражды», выявляют противостояние национальных, религиозных, социальных групп и политических объединений в современном обществе. Для репрезентации этого противостояния в СМИ активно используются новообразования с неодобрительной окраской. Жесткую форму языка вражды воплощают новообразования с эксплицитной ингерентной негативной оценкой, созданные на базе лексем с негативной семантикой и коннотацией. В СМИ активно создаются новые национал-инвективы и полит-инвективы, а также новообразования на базе уже существующих полит-инвективов. Однако более актуальными в современных СМИ становятся стратегии имплицитной инвективности, в том числе при репрезентации социального противостояния. Новообразования с суффиксоидами *-фоб(ия)*, *-фил(ия)*, суффиксом *-(из)аци(я)*, префиксами *не-*, *анти-* используются в текстах СМИ для репрезентации социального противостояния, участвуют в формировании негативного образа определенных национальных, социальных, религиозных групп. С помощью неузуальных способов (междусловное наложение, заменительная деривация) создаются новообразования, служащие для иронической номинации национальных, социальных групп и неодобрительной характеристики их деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом проведенного исследования стала разработка системного описания новообразований как средства выражения негативной оценки на материале анализа заголовков российских электронных СМИ 2010–2020-го гг.

Оценочные средства являются важнейшей составляющей языка и стиля современной публицистики, их использование обусловлено воздействующей функцией медийного текста. С помощью оценки автор, как правило, не просто выражает свою точку зрения, но и побуждает читателя к ней примкнуть.

Категория оценочности по-разному понимается в современной лингвистике, более или менее широко в зависимости от подхода. Наиболее актуальным представляется широкий подход, при котором оценка трактуется как функционально-семантическая категория, реализуемая системой разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию, при этом особое значение имеют коммуникативные условия употребления, а также экстралингвистический контекст.

Стремление к воздействию на общественное сознание становится главенствующей коммуникативной установкой, определяющей условия коммуникации автора и читателя, влияющей на качественные характеристики журналистского текста, в частности, это проявляется в медийном словотворчестве. Установкой на воздействие объясняется глобальная тенденция к повышению экспрессивности текстов СМИ, увеличению их оценочной плотности. Эта черта ярко отражается в авторском словотворчестве, создании новообразований. Так, оценочная семантика свойственна новообразованиям, созданным как узуальными способами (409 новообразований на исследованном материале – 63% от общего количества), так и неuzuальными способами (241 новообразование – 37%). Среди узуальных способов создания негативно-оценочных новообразований наиболее продуктивными являются суффиксация (106 новообразований – 26% от общего количества новообразований, созданных узуальными способами), префиксация (91 новообразование – 22%), префиксоидация (89 новообразований – 22%), различные

разновидности сложения (70 новообразований – 17%); также встречаются случаи суффиксоидации (25 новообразований – 6%) и другие способы. Среди незуальных способов востребованы заменительная деривация (92 новообразования – 38% от общего количества новообразований, созданных незуальными способами), междусловное наложение (87 новообразований – 36%); также встречается графическое словообразование (48 новообразований – 20%) и другие способы.

В медиадискурсе реализуются различные стратегии выражения оценочных значений. Словообразовательные неологизмы узуальной и незуальной структуры могут выражать ингерентную или адгерентную оценку. Параметр «адгерентность/ингерентность» определяет, мотивировано оценочное значение «внутренними» (структурно-семантическими) свойствами языковой единицы или «внешними» (контекстуальными, дискурсивными) условиями ее употребления.

На исследованном материале ингерентная оценочность выявлена в 398 заголовках (61% от общего числа заголовков). К структурно-семантическим условиям создания ингерентной оценки относятся семантика и стилистическая окраска производящей основы (слова) (233 новообразования – 58% от общего количества новообразований с ингерентной оценкой), семантика и стилистическая окраска форманта (125 новообразований – 31%), семантика словообразовательной модели и типа (26 новообразований – 7%), сочетание семантики основы и форманта (14 новообразований – 4%). Таким образом, в большинстве случаев негативная оценочность обеспечивается семантико-стилистическими свойствами производящего слова (основы): если новообразование образовано от лексемы, которая в силу своей семантики, стилистической или эмоционально-экспрессивной маркированности содержит оценочный компонент, эта негативная окраска сохраняется и при определенных условиях усиливается за счет словообразовательных средств. Негативно-оценочный характер семантики связан с особенностями системы ценностей носителей языка: негативно-оценочную семантику имеют лексемы, обозначающие явления и качества, которые осуждаются в обществе.

При этом структурные отклонения от словообразовательной нормы и неузуальные способы создания усиливают ингерентную оценочность.

В соответствии с широким пониманием оценки признаются оценочными единицы, не содержащие оценочно маркированных структурно-семантических элементов, но приобретающие негативную окраску в контексте, в соответствии с прагматической установкой автора, под влиянием дискурсивных факторов. На исследованном материале адгерентная оценочность выявлена в 252 заголовках (39% от общего количества заголовков). Адгерентная оценочность формируется под влиянием «узкого» (контекст заголовка) и «широкого» (контекст целостного медийного произведения) вербальных контекстов, а также под влиянием экстралингвистических условий употребления (коммуникативно-прагматические установки автора, особенности объекта оценки, специфика системы ценностей, культурно-ассоциативный фон). Нередко контекстуальные особенности формирования негативной оценки связаны с реализацией иронических речевых стратегий, а также языковой игры.

Несмотря на явное преобладание ингерентно-оценочных средств в исследованных текстах, стоит учитывать, что контекст зачастую выступает как вспомогательное средство формирования ингерентной оценки. В подобных случаях ингерентно-оценочная единица употребляется в негативно-окрашенном контексте, который поддерживает и усиливает негативную окраску новообразования. Так, при реализации стратегий речевой агрессии важно не столько наличие негативно-оценочной окраски новообразования, сколько условие его употребления по отношению к конкретному объекту агрессии.

Важными в аспекте изучения специфики воздействия медийного текста на массовое сознание являются параметры имплицитности и эксплицитности. Они характеризуют степень открытости/скрытости выражения оценочного значения, наличие оценочно маркированных элементов и характер их восприятия адресатом.

Эксплицитная оценка свойственна новообразованиям, выражающим оценку в явной форме за счет своей структурно-семантической специфики, наличия оценочно маркированного компонента структуры. Эксплицитная оценочность

свойственна 42% заголовков (273 новообразования). К факторам формирования эксплицитной негативной оценочности новообразований относятся следующие:

— семантика производящего слова (основы): новообразования, созданные на базе слов с негативно-оценочной семантикой, в словарном значении которых закреплены оценочные семы. Распространены новообразования на базе лексем, обозначающих социально порицаемую деятельность или позицию, противозаконную деятельность, низкие моральные и интеллектуальные качества, а также лиц, связанных с такой деятельностью и обладающих такими качествами;

— стилистическая окраска производящего слова (основы): новообразования, созданные на базе стилистически сниженных слов просторечной, жаргонной окраски, отраженной в стилистических пометах в словаре. Как правило, стилистически сниженные слова также имеют негативную семантику, поэтому семантический и стилистический факторы формирования негативной оценочности совмещаются;

— коннотация производящего слова (основы): новообразования, созданные на базе слов со сниженной эмоциональной окраской, отраженной в словарных пометах (*груб.*, *презр.*, *пренебр.* и под.). Лексемы с негативной коннотацией также нередко обладают негативной семантикой, сниженной стилистической окраской;

— семантика словообразовательного форманта: указание на скандальный характер события (суффиксоид *-гейт*), указание на противозаконный и антисоциальный характер действий и качеств объекта (префиксоид *нарко-*), в том числе ложный, неистинный характер объекта (префиксоид *лже-*, префиксы *псевдо-*, *квази-*), указание на несоответствие объекта общественным стандартам за счет его неполноценности в определенной сфере (префикс *недо-*). При этом важно сочетание производящей основы и аффикса: несоответствие общественным стандартам выражается за счет присоединения префиксов *не-*, *анти-* к основам с положительной оценочностью;

— эмоционально-экспрессивная и стилистическая окраска аффиксов: размерно-оценочные суффиксы, передающие уничижительное и

пренебрежительное отношение, суффиксы с семантикой незрелости и уничижительной эмоциональной окраской, суффиксы разговорной окраски с негативной коннотацией (-*щин-*).

ИмPLICITная оценка свойственна новообразованиям, выражающим оценку в скрытой форме: за счет структурно-семантических элементов, косвенно указывающих на негативный характер обозначаемого явления, вызывающих негативные ассоциации, или за счет контекста, в котором новообразование на базе оценочно-нейтральных элементов опосредованно приобретает негативную окраску. Так, имPLICITная оценочность свойственна 58% заголовков (377 новообразований). ИмPLICITная оценочность формируется с помощью структурно-семантических, а также контекстуальных и дискурсивных факторов.

К структурно-семантическим факторам создания имPLICITной оценки относятся:

— наличие периферийных сем, опосредованно указывающих на негативный характер называемого объекта, а также негативного ассоциативного потенциала производящего слова;

— семантика словообразовательного форманта, содержащая опосредованное указание на негативный характер называемого объекта: например, указание на чрезмерно маленький размер объекта (префиксоид *нано-*), на неполную степень проявления социально значимого признака (префиксоид *полу-*);

— семантика словообразовательного типа, когда у данного словообразовательного типа есть негативные и позитивные/нейтральные варианты значения, и в контексте актуализируется именно негативно-оценочная семантика (например, модель создания глаголов с префиксом *до-* и постфиксом *-ся*, ср. *доиграться, достучаться*);

— создание новообразований по словообразовательным моделям, которые имеют оценочно-нейтральное значение, но часто используются в речи для создания обценных, пейоративных лексем, таким образом возникают ассоциации с обценной лексикой за счет структурной и фонетической схожести.

К контекстуальным и дискурсивным факторам создания имплицитной оценки относятся:

— «узкий» («минимальный») контекст (актуализация негативно-оценочного потенциала новообразования в рамках заголовка): сочетание новообразования на базе оценочно-нейтральных элементов с узуальными негативно-оценочными лексемами в рамках заголовка;

— «широкий» («текстовый») контекст (актуализация негативно-оценочного потенциала новообразования в рамках целостного контекста медийного произведения): употребление новообразования на базе оценочно-нейтральных элементов в тексте, насыщенном негативно-оценочными лексемами и реализующем глобальную прагматическую установку на выражение негативной оценки, при этом новообразование встраивается в общую систему негативных характеристик; также в широком контексте могут быть реализованы иронические стратегии, направленные на скрытую критику объекта оценки;

— экстралингвистический контекст (как правило, выступает в качестве вспомогательного условия формирования оценки в контексте): влияние общественной ситуации, расстановки сил в политической борьбе, специфики системы ценностей адресата и адресанта, особенностей объекта оценки и его социального статуса на формирование оценочности новообразования;

— использование средств языковой игры, в частности, на базе прецедентных феноменов, способствующих возникновению негативных ассоциаций.

При разграничении эксплицитно-оценочных и имплицитно-оценочных новообразований подтверждено, что данные параметры имеют градуальный характер: имплицитность и эксплицитность могут проявляться в большей или меньшей степени.

Так, в наиболее эксплицитной форме негативную оценку выражают ингерентно-оценочные новообразования, созданные узуальными и незузуальными способами на базе лексем с негативной семантикой (в том числе стилистически сниженных), причем чем ближе оценочная сема к ядру семантической структуры

производящего слова, тем более явный негативный эффект создается. При этом некоторые новообразования, созданные неузуальными способами, в контексте приобретают оттенки иронии вместо резкого неодобрения, и, несмотря на наличие оценочного компонента в структуре, выражают оценку в более мягкой форме под влиянием коммуникативной стратегии языковой игры.

Переходную зону имплицитности/эксплицитности составляют новообразования, вызывающие ассоциации с обценными лексемами за счет своей структурной и фонетической схожести: они формально относятся к имплицитному типу оценочности, поскольку не содержат элементов с явной оценочной семантикой, однако степень их негативной экспрессивности довольно велика.

Новообразования, созданные узуальными и неузуальными способами на базе прецедентных феноменов, относятся к имплицитным формам выражения негативной оценки, возникающей на базе ассоциаций. Однако в зависимости от характера ассоциативного потенциала прецедентного феномена оценка может выражаться в более или менее открытой/скрытой форме: некоторые единицы связаны с однозначно негативными ассоциациями в сознании большинства носителей языка и поэтому способствуют выражению более резкой, явной негативной оценки. На исследованном материале выявлено незначительное преобладание имплицитной оценочности среди новообразований, созданных неузуальными способами (из новообразований неузуальной структуры 59% характеризуются имплицитной оценочностью).

В результате исследования была выявлена связь параметров эксплицитности/имплицитности и ингерентности/адгерентности. Параметры эксплицитности и ингерентности связаны: оценку в явной форме выражают новообразования, содержащие в своей структуре оценочно маркированные элементы. Таким образом, эксплицитная оценка всегда имеет ингерентный характер; при этом адгерентные факторы могут поддерживать негативную оценку, выступать как сопутствующие. Связь имплицитной оценочности с категориями ингерентности/адгерентности имеет более сложный характер. Имплицитная оценка может формироваться за счет ингерентных структурно-семантических

факторов, косвенно указывающих на негативный характер явления и способствующих возникновению негативных ассоциаций. При этом нередко может быть задействован контекст как вспомогательное средство: лексема может иметь потенциал ингерентной оценочности за счет заложенных в ней факультативных оценочных сем, однако эти семы актуализируются в контексте. Таким образом, наблюдается взаимодействие ингерентных (структурно-семантических) и адгерентных (контекстуальных) средств формирования оценки, которые в рамках текста способствуют реализации общей коммуникативной цели – выражения негативной оценки. В некоторых случаях имплицитная оценка возникает исключительно под влиянием контекстуальных факторов: новообразование на базе оценочно-нейтральных элементов перенимает общий негативный тон высказывания. Таким образом, имплицитная оценка может иметь либо ингерентный характер (при этом адгерентно-оценочные факторы выступают как вспомогательные), либо адгерентный характер.

Как дополнительный параметр при классификации использовались категории рациональности/эмоциональности оценки в случаях, когда данный параметр оказывался значимым для определения специфики воздействия. Эмоциональная оценка свойственна новообразованиям, содержащим экспрессивно маркированные элементы (стилистически сниженная основа и/или формант, эмоционально маркированная основа и/или формант), а также новообразованиям, созданным невузальными способами экспрессивного характера. Рациональная же оценочность свойственна новообразованиям, не содержащим экспрессивно маркированных компонентов и выражающим негативную оценку за счет семантики указания на несоответствие объекта общественной системе ценностей.

Таким образом, заголовкам электронных медиатекстов свойственно выражение негативной оценки с целью речевого воздействия на сознание адресата, при этом активно задействованы словообразовательные ресурсы языка, в частности их речевая репрезентация в виде новообразований. Характер влияния СМИ на формирование общественного мнения определяется сочетанием открытых и скрытых форм выражения негативно-оценочной позиции. С одной стороны,

заголовкам свойственна экспрессивность, явная оценочность, привлекающая внимание читателя в условиях переизбытка информации в интернет-пространстве. При этом явная негативная оценочность нередко воплощается в форме речевой агрессии, что свидетельствует о конфликтогенности и рискогенности современной медийной коммуникации. С другой стороны, некоторые издания выбирают стратегии скрытого влияния, стараясь завуалировать чрезмерный субъективизм и сгладить негативную оценочность. Вследствие этого многие тексты характеризуются иронической окраской, которая в современном медиадискурсе становится способом скрытой критики социальных явлений. Современный медиадискурс представляется сложным коммуникативным явлением, в рамках которого прагматическая установка на воздействие определяет структурно-семантические и функциональные особенности речевых единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари и справочники

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: Около 8000 терминов / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1996. Т. I. 656 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 305 с.
4. Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. 526 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. Е.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
6. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азраиляна. М.: Институт новой экономики, 2007. 1479 с.
7. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 01.06.2020).
8. БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] /. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: <https://dic.academic.ru>. (дата обращения: 01.06.2020).
9. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.endic.ru>. (дата обращения: 01.06.2020).
10. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. 704 с.

11. Викисловарь – Викисловарь (Wiktionary) [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 01.06.2020).
12. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона: более 6000 жаргонизмов. М.: Эксмо, 2006. 668 с.
13. Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс]. ГРАМОТА.РУ, 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения: 01.06.2020).
14. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 128 с.
15. Квеселевич Д.И. Русско-английский словарь ненормативной лексики. М.: Астрель; АСТ, 2002. 1120 с.
16. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
17. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: Более 4500 слов и выражений. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
19. Лопатин В.В. Аффиксоид // Большая российская энциклопедия: в 35 т. [Электронный ресурс] / гл. ред. Ю.С. Осипов. 2017. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4307011> (дата обращения: 01.06.2020).
20. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
21. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2020).
22. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2000. Т. 1. 721 с.

23. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
24. НСЗ-90 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. 1392 с.
25. НСРЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 01.06.2020).
26. Петрова М.В. Словарь крылатых выражений. Более 2000 крылатых выражений. М.: Рипол-Классик, 2011. 640 с.
27. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. 399 с.
28. Словарь многих выражений [Электронный ресурс]. 2014. URL: http://all_words.academic.ru (дата обращения: 01.06.2020).
29. Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. URL: <http://teenslang.su/id/23771> (дата обращения: 01.06.2020).
30. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс] / Под ред. В.Н. Тришина. 2013. URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (дата обращения: 01.06.2020).
31. Словарь сокращений и аббревиатур [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://sokrasheniya.academic.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).
32. ССЛ – Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).
33. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
34. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Д.В. Дмитриева. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev> (дата обращения: 01.06.2020).
35. ТСИС – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25 000 слов и словосочетаний. М.: Русский язык, 1998. 846 с. (дата обращения: 01.06.2020).

36. ТСРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А-И / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
37. ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 2000. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 01.06.2020).
38. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
39. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А.И. Федоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).
40. Экономика и право: словарь-справочник / Авт.-сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и школа, 2004. 1072 с.
41. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В.В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <http://www.endic.ru> (дата обращения: 01.06.2020).
42. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
43. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 01.06.2020).

Научная и учебно-методическая литература

44. Абакумова О.Б. Русскоязычная и англоязычная нормативная языковая личность в паремическом дискурсе о правде // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2016. С. 3–5.
45. Аболин Б.И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.

46. Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. 328 с.
47. Абушенко В.Л. Оценка / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2020. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7320> (дата обращения: 28.05.2020).
48. Аверкина О.В. Динамика семантики слова «баба» в русском языке XX-XXI веков (по лексикографическим источникам) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1(292). С. 7–12
49. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникативные технологии в преподавании русского языка как иностранного: методическое пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 352 с.
50. Амири Л.П. Графическая окказиональность как стилеобразующее средство в текстах рекламного дискурса (на материале XX-XXI вв.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 176–182.
51. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
52. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.
53. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
54. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–68.
55. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 6–13.
56. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–90.
57. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 5–23.

58. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. М.: Наука, 1983. Т. 42. № 4. С. 330–341.
59. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
60. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
61. Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д. филол. наук. Свердловск, 1990. 611 с.
62. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград, 1997. 84 с.
63. Бакина М.А. Поэтические новообразования // Русская речь. М.: Наука, 1973, № 4. С. 73–78.
64. Бакич (Самыличева) Н.А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 185–190.
65. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 394 с.
66. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–91.
67. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дисс. ... д. филол. наук. М., 1990. 378 с.
68. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. 592 с.
69. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 314–326.
70. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения. 1975. 240 с.
71. Беглова Е.И. Выразительно-изобразительные средства в текстах современных СМИ в аспекте культуры речи // Языковая политика и вопросы

гуманитарного образования. сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 406-411.

72. Беданоква З.К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы): дис. ... д. филол. наук. Майкоп, 2017. 415 с.

73. Блох М.Я., Ильина Н.В. Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических структур. М.: МГПИ, 1986. С. 14–24.

74. Бондарко А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л.: Наука, 1987. С. 98–124.

75. Бондарко А.В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы международной научной конференции. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 22–33.

76. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.

77. Бугаева О.Б. Степень аксиологического потенциала разговорной лексики в британской прессе // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2 (74). С. 153–156.

78. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.

79. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 49–59.

80. Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры. Алматы: НИЦ «ГЫЛЫМ», 2005. 232 с.

81. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 228 с.

82. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.
83. ван Дейк Т.А. К определению дискурса. 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html> (дата обращения: 01.06.2020).
84. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
85. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.
86. Ваулина С.С., Берестнев Г.И. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 129–133.
87. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
88. Вендина Т.И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 6. С. 41–48.
89. Вепрева И.Т. Об актуальной лексеме Крымнаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Т. 2. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 31–35.
90. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Тревожная лексика текущего времени: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 43–50.
91. Верховский А.М. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002. С. 20–48.
92. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 250 с.
93. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. М.: Советский писатель, 1943. 136 с.

94. Володина М.Н. Язык СМИ как отражение языковой действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 40–41.
95. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 1985. 228 с.
96. Габинская О.А. Типология причин словотворчества. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 153 с.
97. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. Сер. IX. Филология. 1997. № 3. С. 87–95.
98. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 212 с.
99. Гималетдинова Г.К. Методика идентификации и анализа ингерентно экспрессивных суффиксальных дериватов (на материале английского языка) // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Т. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С.134–136.
100. Гневэк О.В. К проблеме лингвистической диагностики инвективы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 381–384.
101. Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 208 с.
102. Грачев М.А. В погоне за эффектом. Блатные слова на газетной полосе // Русская речь. 2001. № 5. С. 67–72.
103. Грачев М.А. Проблемы становления и формирования лингвокриминалистики как науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 497–500.
104. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 215 с.
105. Джанаева В.В. Функционирование инокультурных прецедентных феноменов в современном российском медиадискурсе // Активные процессы в

различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникации: матер. междунар. конф. М.; Ярославль, 2009. С. 112–117.

106. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008. 185 с.

107. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. München: Verlag Otto Sagner, 1994. 350 с.

108. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма: автореф. дисс. ... д. филол. наук. Саратов, 2010. 48 с.

109. Ермакова Е.В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология. Политология. 2009. Т.9. №1. С.58–61.

110. Ермакова Н.В. Параллелизм концепта «деньги» в русской и французской паремиологии // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 10 (18). С. 75–78.

111. Ефанова Л.Г. Контаминация (материалы к словарю лингвистических терминов). Часть 1. Широкое и узкое понимание термина «контаминация» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2(34). С. 14–21.

112. Ефремов В.А. Виды речевой агрессии // Русская словесность в научном, культурном и образовательном пространстве (к 90-летию со дня рождения профессора В.И. Максимова). СПб: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016а. С. 88–91.

113. Ефремов В.А. Имплицитное и эксплицитное в языке и речи: лингвоэкспертный аспект // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тезисы докладов Международной научной конференции. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2017а. С. 33–35.

114. Ефремов В.А. Оскорбление: наивная и юридическая картина мира // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016б. Т. 12. № 3. С. 291–309.

115. Ефремов В.А. Русский язык интернета: мемы и агрессия // Чуждоезиковое обучение. 2017б. Т. 44. № 4. С. 423–428.
116. Ефремов В.А. Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 217–222.
117. Жданова Е.А. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020. 265 с.
118. Жданова Е.А. Словообразовательные новации в текстах блогов: структурный анализ // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 480–490.
119. Железовская Н.Л. Оценочные ассоциации на стимулы со значением «физические параметры» и их этноязыковые особенности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4(26). С. 229–240.
120. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса. О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
121. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во АТУ, 2000. С. 194–206.
122. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 45–109.
123. Заложная И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 216 с.

124. Замальдинов В.Е. Словообразовательные неологизмы в СМИ как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018. 224 с.
125. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
126. Захарова О.С. К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. №3. С. 16–27.
127. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 224 с.
128. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
129. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
130. Зиновьева Е.С. Изучение дискурса в рамках медиалингвистики // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 73–80.
131. Иванов Л.Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка. М.: НИП “2Р”, 2003. 208 с.
132. Ивин А.А. Аксиология. Высшая школа, 2006. 392 с.
133. Ивин А.А. Оценки в процессах коммуникации // Философия науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 203–213.
134. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): дис. ... д. филол. наук. Орел, 1998. 341 с.
135. Изотов В.П., Панюшкин В.В. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу. Орел: Изд-во ОГУ, 1997. 40 с.
136. Ильясова С.В. От коллажа до эпатажа: к оценке словотворчества в языке современных российских СМИ // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 267–272.

137. Ильясова С.В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 91–100.
138. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
139. Ильясова С.В., Ли Ли. Категория невзрослости как полевая структура в русской языковой картине мира // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 73–80.
140. Калниязов М.У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Т. 143. Ч.1. С. 285–290.
141. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
142. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5–11.
143. Карева О.М. О некоторых особенностях неологизации русского языка на современном этапе развития // Вестник Самарского университета. 2016. № 3.2 (2016). С. 39–42.
144. Касторнова О.Н. К вопросу о разграничении оценочности и эмоциональности в высказываниях со словами категории оценки // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: материалы 8-го регионального научного семинара. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т., 2005. С. 120–124.
145. Касьянова Л.Ю. Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6397> (дата обращения: 01.06.2020)
146. Качалова И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ: дисс. ... канд. филол. н. М., 2010. 190 с.
147. Клобуков Е.В., Ревзина О.Г., Чернейко Л.О., Шимчук Э.Г., Жданова Л.А., Безяева М.Г., Кукушкина О.В., Литневская Е.И. Русский

литературный язык на современном этапе развития: несколько оценочных суждений // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2002. №2. С. 81–109.

148. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.): дис. ... д. филол. наук. М., 2008. 352 с.

149. Клушина Н.И. Стратегия именования в воздействующей речи // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2006. № 5. С. 49–65.

150. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 224 с.

151. Колмакова В.В., Шалков Д.Ю. Проблема установления границ языкового оскорбления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 111–113.

152. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М. Наука, 1980. 149 с.

153. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 13–34.

154. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 5–9.

155. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.

156. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2013 С. 9–39.

157. Коряковцева Е.И. Язык современных славянских СМИ в эпоху глобализации: инновационные словообразовательные процессы (диахронический аспект) [Электронный ресурс] // Глобализация и славянское словообразование.

2018. URL: <http://iml.basnet.by/iazyk-sovriemiennykh-slavianskikh-smi-v-epochu-globalizacii-innovacionnyie-slovoobrazovatelnyie-pro> (дата обращения: 01.06.2020)

158. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

159. Косырева М.С. Глобализмы в современном русском языке: дис. ... д. филол. наук. М., 2018. 283 с.

160. Котелова Н.З. Избранные работы. СПб.: Нестор История, 2015. 276 с.

161. Кошкарова Н.Н. Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Вып. 13. № 4. С. 40–45.

162. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

163. Кронгауз М.А. Речевые клише: энергия разрыва // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 185–195.

164. Крысин Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова «кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 575–579.

165. Кубрякова Е.С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.

166. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 198 с.

167. Кузнецова В.В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 448–450.

168. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.

169. Левашов Е.А. От редактора // Аффиксоиды русского языка: Опыт словаря-справочника / Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.

170. Лекант П.А. Интенсив как синтаксическая форма субъективности // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГГУ, 2009. С. 176–178.
171. Литневская Е.И., Бакланова А.П. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра // Вестник МГУ. Сер. № 9. Филология. 2005. № 6. С. 46–61.
172. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки. Ташкент: Укитувчи, 1975. С. 53–57.
173. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
174. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета: учебное пособие. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 87 с.
175. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1986. 227 с.
176. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1(9). С. 211–215.
177. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? // Русский язык в школе. 1972. №2. С. 85–89.
178. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.
179. Ляпун С.В. Этика газетного заголовка (по материалам газет «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец») // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всероссийской научной конференции: вып. 2. Ростов-на-Дону : [б. и.], 1998. С. 48–49.
180. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. № 2. С. 110–119.

181. Мардиева Л.А. Социокультурная реальность и её интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 358 с.
182. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 296 с.
183. Маринова Е.В. Словообразовательная деривация на базе иноязычных слов как источник новых номинаций (на материале русского языка рубежа XX-XXI вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4(60). С. 205–209.
184. Маркелова Т.В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592.
185. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М.: Правда, 1996. 87 с.
186. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. № 4. С. 12–19.
187. Марьянчик В.А. О словаре медиа-политических неологизмов современной эпохи // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). Материалы международной конференции. СПб.: Наука, 2006. С. 111–115.
188. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: материалы межрегионального научно-практического семинара. Часть 1. М.: Галерея, 2002. С. 51–55.
189. Махова А.А. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальности в журналистском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 216 с.
190. Машнинова Ю.В. СМИ: от печатных к электронным // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 2(2). С. 6–11.

191. Мезенцева В.Ю. Оказиональная деривация в языке СМИ: прагматика и функции // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2009. № 13. С. 98–103.
192. Мельникова А.Ю. Хайп как новый способ презентации молодежи в виртуальной среде // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4 (67). С. 78–81.
193. Минеева З.И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: дисс. ... д. филол. наук. Петрозаводск, 2017. 577 с.
194. Минеева З.И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 58–67.
195. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделимость морфем. Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. 162 с.
196. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста. Ташкент: Изд. «ФАН» Узб. ССР, 1988. 163 с.
197. Молчанова М.М. Прагматика публицистического текста: метаязыковой аспект: автореф. дис. ... д. филол. наук. Краснодар, 2000. 37 с.
198. Морослин П.В. Язык интернета как объект лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. № 3. С. 10–17.
199. Мощанская Е.Ю. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 1 (9). С. 29–36.
200. Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 360 с.
201. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 154 с.
202. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Семантико-словообразовательный потенциал прецедентных текстов на газетной полосе // Русский язык: исторические

судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и матер. М., 2004. С. 437–438.

203. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.

204. Нефляшева И.А. Графические средства современного окказионального словообразования: капитализация // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 94–97.

205. Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (на материале 1991–1997 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1998. 22 с.

206. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.

207. Никитина О.А. О способах дискурсивной индикации неологизмов на стадии узуализации (на материале немецкого языка) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 163–167.

208. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 467–472.

209. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6. С. 171–173.

210. Николина Н.А. Контаминация как способ компрессивного словообразования // Русский язык в школе. 2011. №2. С. 41–45.

211. Николина Н.А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 2. М: Азбуковник, 2003. С. 376–387.

212. Николина Н.А. Типы и функции контаминированных образований в современной русской речи // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 288–295.

213. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 144 с.
214. Новиков В.П. Оценочная лексика в языке английской газеты: автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 1992. 22 с.
215. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 304 с.
216. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие. М.: Флинта:Наука, 2011. 160 с.
217. Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 424–443.
218. Петрухина Е.В. Особенности словообразования в церковно-религиозном дискурсе русского языка: стилистические функции церковнославянизмов // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2013. С. 110–135.
219. Пиперски А.Ч. Экспрессивные неологизмы на -раст в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: Сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль, 2019. С. 190–195.
220. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности: дисс. ... д. филол. наук. Белгород, 2004. 374 с.
221. Плотникова Л.И. Структура нового русского слова как репрезентант его концептуальной организации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 15 (55). Вып. 2. С. 13–18.

222. Полякова Е.В. Значение стилистически маркированных единиц в рассказе Г.Х. Манро «Tobermory» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147–149.

223. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.

224. Попова Т.В. Графикация как новое явление в языке и научной когниции // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 163–165.

225. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива–1: коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 147–175.

226. Попова Т.В. Русская неология и неография: учебное пособие. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.

227. Попова Т.В., Галактионов А.П. Морфемные типы номинативных полиграфиксатов-симплексов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 313–317.

228. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2017. 168 с.

229. Присяжнюк Т.А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2005. № 2 (4). С. 205–207.

230. Промах Л.В. Словообразовательные особенности лексических новообразований С.Д. Кржижановского: дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 381 с.

231. Просяникова О.И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы: автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2004. 174 с.

232. Радбиль Т.Б. Современные методы анализа и экспертной квалификации затекстовой культурно-значимой информации в лингвоэкспертных исследованиях по разным категориям дел // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Н.Новгород: ННГУ, 2020. С. 246-254.

233. Радионцева Е.С. Типологическая система электронных СМИ // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 119–123.

234. Радченко М.В. Причины и способы появления окказиональных слов в языке прессы [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 4(24). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201329> (дата обращения: 01.06.2020)

235. Радченко М.В., Вискович И. Окказионализмы в заголовках российской и хорватской прессы // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М.: Московский государственный областной университет. 2015. С. 273–278.

236. Разумов В.А. Лексема «хайп» в русском языковом сознании // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. С. 468–471.

237. Рацибурская Л.В. Активные процессы в русском словообразовании начала XXI века // Balcanistic Forum. № 3. 2018. С. 73–88.

238. Рацибурская Л.В. Лингвокогнитивная специфика современных медийных новообразований // Когнитивные исследования языка. Т. XXXVI. 2019. С. 999–1004.

239. Рацибурская Л.В. Особенности новообразований в современных средствах массовой информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 111–116.

240. Рацибурская Л.В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 205–213.

241. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Новообразования-гибриды в заголовках современных СМИ // Социальные варианты языка – VIII: Материалы

международной научной конференции. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2016. С. 131–134.

242. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979. 224 с.

243. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.

244. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука. Т. I., 1980. 784 с.

245. Русский язык конца XX столетия (1985–1995): коллективная монография / В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.; отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. 481 с.

246. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов, Е.А. Жданова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 325 с.

247. Рылов С.А., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И., Жуковская Л.И., Сандакова М.В., Виноградов С.Н., Смирнова Е.Е., Грехнева Л.В., Горшкова Т.М., Кузьмин И.В., Колтунова Е.А., Маркова Е.М. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: коллективная монография. Н.Новгород: Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 248 с.

248. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слов: автореф. дис. ... д. филол. наук. Воронеж, 2000. 50 с.

249. Самыличева Н.А. Окказиональные слова как средство экспрессивизации газетного текста: дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 301 с.

250. Самыличева Н.А. Специфика медийных окказионализмов, созданных по конкретному образцу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 218–221.

251. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 114–136.
252. Семенец О.П. Прецедентный заголовок в газетном дискурсе начала XXI века: традиции и новаторство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 183. С. 86–96.
253. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: дисс. ... д. филол. наук. Волгоград, 2000. 430 с.
254. Сенько Е.В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 6. 2014. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (дата обращения: 01.06.2020)
255. Сенько Е.В., Цакалиди Т.Г. Функциональный динамизм русского словообразования (на примере суффикса -ант в современном русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 150–154.
256. Сивова А.А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX–начала XXI вв. (на материале газеты "Комсомольская правда"): дис... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 282 с.
257. Сидорова Т.А. Мотивационные структуры окказиональных слов в когнитивном аспекте // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-2. С. 47–51.
258. Сидорова Т.А. Особенности экстремистского дискурса как вида коммуникации // Актуальные вопросы образования и науки. 2018. № 1 (63). С. 38–47.
259. Сидорова Т.А. Прецедентные феномены как маркеры индивидуальной лингвориторической картины мира (на материале романа В. Набокова "Приглашение на казнь") // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2014. № 19. С. 170–176.
260. Сидорова Т.А. Юридизация деривационных средств в публицистическом тексте // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 227–233.

261. Сидорова Т.А., Егорова Е.Н. Неприличность как ведущий фактор инвективизации речи // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 294–301.
262. Симутова О.П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 16 с.
263. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
264. Сквородников А.П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 272–274.
265. Сквородников А.П., Копнина Г.А. Оценочность // Речевое общение: специализированный вестник. 2006. Вып. 8-9. С. 174–180.
266. Славкин В.В. Стилистический контраст и стилистический диссонанс в современных СМИ // Век информации. 2017. Т. 2, № 2. С. 58–59.
267. Смирнова В.Н., Бондаренко Е.О. Словообразовательные типы компьютерной жаргонной лексики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. Т. 3. С. 180–182.
268. Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным значением: системный и функциональный аспекты: дисс. ... д. филол. наук. Смоленск, 2013. 609 с.
269. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 416 с.
270. Современный русский язык: Система–норма–узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.
271. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др., под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
272. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. ст. М.: Флинта, 2008. С. 7–13.

273. Соловьева Д.В Медийные новообразования как фактор рискогенности текстов общественно-политической прессы начала XXI века: дисс. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 2019. 270 с.
274. Солодилова И.А., Шепеля И.В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11(86). С. 172–178.
275. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова. М.: Флинта, 2018. 232 с.
276. Старостина Ю.С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // Вестник СамГУ. 2007. № 3. С. 232–241.
277. Стексова Т.И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность». Лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 113–120.
278. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 66 с.
279. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография. Алматы: Издательство «Полилингва», 2018. 199 с.
280. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 171 с.
281. Стернин И.А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. № 1 (79). 2010. С. 16–21.
282. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
283. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
284. Телия Н.В. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269 с.

285. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: монография. Тверь: ТГУ, 2000. 155 с.
286. Токарева Е.Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 208 с.
287. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема / Т.В. Романова, А.Ю. Малафеев, Н.Н. Морозова, М.А. Климова (Фокина). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2017. 304 с.
288. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: НГПУ, 1999. 166 с.
289. Трошкина Т.П. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале газетных текстов) // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 235–239.
290. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: ИРЯ РАН; Изд-во «Русские словари», 1996. 222 с.
291. Улуханов И.С. Словообразование посредством замены морфем [Электронный ресурс] // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Белград, 2012. С. 387–398. URL: <https://ispan.waw.pl/ireteslaw/bitstream/handle/20.500.12528/370/Uluchanov.pdf> (дата обращения: 01.06.2020)
292. Улуханов И.С. Трансаффиксация и образование слов по конкретному образцу // Исследования по славянским языкам. Сеул, 1998. С. 131–150.
293. Уманцева Л.В. Пословицы и поговорки в газетных заголовках (жанрово-стилистическое отношение заголовка и текста) // Функционирование языка в различных языковых жанрах: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. Ростов-на-Дону: [б. и.], 1997. С. 16–17.
294. Ухова П.С. Оценочный потенциал лексических единиц молодежного сленга // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 180–184.

295. Фатхутдинова В.Г., Красильникова Л.В. Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке // Филология и культура. 2016. № 1(43). С. 133–139.
296. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. №4. С. 64–73.
297. Ханпира Э.И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М.: Моск. гос. ун-т, 1972. С. 245–317.
298. Химик В.В. Феномен гиперболических оценок в русском модификационном словообразовании // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. трудов. Ч. 2. Калининград: Изд-во РТУ им. И. Канта, 2009. С. 31–38.
299. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д. филол. наук. М., 2016. 405 с.
300. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. Изд. 3, испр. и доп. М.: «Галерея», 2002. 424 с.
301. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книжный дом "Университет", 1999. 144 с.
302. Чеботарева М.И. Определение и структура манипулятивного воздействия СМИ // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2014. № 1. С. 77–84.
303. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 245 с.
304. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1. С. 34–41.
305. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. 2-е изд., доп. М.: КомКнига, 2005. 336 с.

306. Шаповаленко Ю.В. Средства характеристики героев романа Л.Н. Толстого "Война и мир": предикатная лексика: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 230 с.

307. Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 267–278.

308. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дис ... д. филол. наук. М., 1988. 402 с.

309. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

310. Шаховский В.И. Новые контекстуальные понятия российских СМИ // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй междунар. науч. конф. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 764–770.

311. Шаховский В.И. Эмоциональный интеллект в языковой игре // Художественный текст и языковая личность. Томск, 2003. С. 113–119.

312. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д. филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

313. Шептухина Е.М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 248–255.

314. Шишкина А.А. Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа (на материале новообразований российской прессы начала XXI века): дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 250 с.

315. Шишкарева О.А. Новообразования как проявление языковой игры: структурно-функциональный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 224 с.

316. Шмелева А.А. Оценочность в прагмасемантике высказывания // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. Бирск: Бирский гос. пед. ин-т., 2004. С. 109–114.
317. Шмелева Е.Я. Слово *нерукопожатный* как символ нашего времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 401–411.
318. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 2011. 298 с.
319. Шумилова А.В. Структура и функции индивидуально-авторских образований в газетном заголовке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 343–349.
320. Щеникова Е.В. Неузואальные отглагольные существительные с абстрактной семантикой в форумном дискурсе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 6. 2018. С. 560-565.
321. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: Ком Книга, 2006. 360 с.
322. Щетинина А.В., Блинова А.Н. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре // Научный диалог. 2017. № 10. С. 111–127.
323. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. 460 с.
324. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. 760 с.
325. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 179 с.
326. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Издательство «Индрик», 2001. 504 с.
327. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus. London: Continuum, 2006. 253 pp.

328. Bednarek M., Caple H. *The Discourse of News Values: How News Organisations Create Newsworthiness*. Oxford/New York: Oxford Univ. Pr., 2017. 320 pp.
329. Biber D., Conrad S., Rippen R. *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 300 pp.
330. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman. 1999. xxviii + 1204 pp.
331. Bondi M., Mauranen A. *Evaluation in Academic Discourse // Journal of English for Academic Purposes*. Special issue. 2003. № 2 (4). Pp. 71–269.
332. Halliday M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold, 1985. 384 pp.
333. Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language*. London: Routledge, 2011. 166 pp.
334. Hyland K. *Metadiscourse*. London – New York: Continuum, 2005. 230 p.
335. Lemke J.L. *Resources for attitudinal meaning: evaluative orientations in text semantics // Functions of Language*. № 5/1. 1998. Pp. 33–56.
336. Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*, 2005. 99 p.
337. Thompson G., Hunston S. *Evaluation: an introduction // System and Corpus: Exploring Connections*. London: Equinox. 2006. Pp. 1–27.
338. Thompson G., Ye Y. *Evaluation in the reporting verbs used in academic papers // Applied Linguistics*. 1991. № 12. Pp. 365–382.

Список интернет-СМИ, послуживших источниками текстового материала:

1. Аргументы и факты – URL: aif.ru
2. Аргументы недели – URL: <https://argumenti.ru/>
3. БИЗНЕС Online – URL: <https://www.business-gazeta.ru/>
4. Большой Кавказ – URL: <http://www.bigcaucasus.com/>
5. Брянские новости – URL: <https://www.bragazeta.ru/>
6. Ведомости – URL: <https://www.vedomosti.ru/>
7. Вести.ru – URL: <https://www.vesti.ru/>
8. Взгляд – URL: <https://vz.ru/>
9. Газета о газетах – URL: <https://gazetaogazetah.ru/>
10. Газета.ру – URL: <https://www.gazeta.ru/>
11. Журналистская правда – URL: <https://jpgazeta.ru/>
12. Завтра – URL: <http://zavtra.ru/>
13. Заголовки.ру – URL: <http://www.zagolovki.ru/>
14. ИА REX – URL: <https://iarex.ru/>
15. Известия – URL: <https://iz.ru/>
16. Радио «Свобода» – URL: <https://www.svoboda.org/>
17. Итоги – URL: <http://www.itogi.ru/>
18. Коммерсантъ – URL: <https://www.kommersant.ru/>
19. Компания – URL: <https://ko.ru/>
20. Комсомольская правда – URL: <https://www.kp.ru/>
21. Конт – URL: <https://cont.ws/>
22. Контекст – URL: <http://www.contextap.ru/public/181025105255.html>
23. Корреспондент – URL: <https://korrespondent.net/>
24. Культура – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/29885-marsh-tolerastov/>
25. Ленинская смена – URL: <https://www.lensmena.ru/>
26. Лента.ру – URL: <https://lenta.ru/>
27. Литературная газета – URL: <https://lgz.ru/>
28. Медуза – URL: <https://meduza.io/>
29. Мир новостей – URL: <https://mirnov.ru/>
30. Мир тесен – URL: <https://mirtesen.ru/>
31. Молодежная газета – URL: <https://mgazeta.com/>
32. Московская правда – URL: <http://mospravda.ru/>
33. Московские новости – URL: <http://www.mn.ru/>
34. Московский комсомолец – URL: <https://mk.ru/>

35. Наша Версия – URL: <https://versia.ru/>
36. Наше время – URL: <https://www.nvgazeta.ru/>
37. Независимая газета – URL: <http://www.ng.ru/>
38. Новая газета – URL: <https://novayagazeta.ru/>
39. Новые известия – URL: <https://newizv.ru/>
40. Новый взгляд – URL: <https://newvz.ru/>
41. Новый день – URL: <https://newdaynews.ru/>
42. Огонек – URL: <https://www.kommersant.ru/ogoniok>
43. Омскрегион – URL: <http://omskregion.info/>
44. Оперативная линия – URL: <http://operline.ru/>
45. Открытая газета – URL: <https://www.opengaz.ru/>
46. Полит.ру – URL: <https://polit.ru/>
47. Правый взгляд – URL: <http://www.pravaya.ru>
48. Преступности.НЕТ – URL: <https://news.pn.ru/>
49. Рамблер – URL: <https://www.rambler.ru/>
50. РБК – URL: <https://rbc.ru/>
51. РИА Новости – URL: <https://ria.ru/>
52. Риск – URL: <https://risk-inform.ru>
53. Российская газета – URL: <https://rg.ru/>
54. Русская весна – URL: <https://rusvesna.su/>
55. Русский дозор – URL: <http://rusdozor.ru/>
56. Русский обозреватель – URL: <http://www.rus-obr.ru/>
57. Русский репортер – URL: https://expert.ru/russian_reporter/
58. Свободная пресса – URL: <https://svpressa.ru/>
59. Своими именами – URL: <https://www.svoim.info/>
60. Сегодня.ру – URL: <http://www.segodnia.ru/>
61. Сноб – URL: <https://snob.ru/>
62. Собеседник – URL: <https://sobesednik.ru/>
63. Советская Россия – URL: <http://www.sovross.ru/>
64. Советский спорт – URL: <https://m.sovsport.ru/>
65. Спорт-экспресс – URL: <https://www.sport-express.ru/>
66. СТС.ру – URL: <https://ctc.ru/>
67. ТВЦ – URL: <https://www.tvc.ru/>
68. Телесемь – URL: <http://www.antenna-telesem.ru/>
69. Труд – URL: <http://www.trud.ru/>
70. Футком – URL: <https://footcom.ru/>
71. Царьград – URL: <https://tsargrad.tv/>
72. Эксперт – URL: <https://expert.ru/>
73. Экспресс газета – URL: <https://www.eg.ru/>

74. Эхо Москвы – URL: <https://echo.msk.ru/>
75. News front – URL: <https://news-front.info/>
76. 47 новостей – URL: <https://47news.ru/>
77. Forbes – URL: <https://www.forbes.ru/>
78. Life – URL: <https://life.ru/>
79. Maxim – URL: <https://www.maximonline.ru/>
80. News.ru – URL: <https://news.ru/>
81. Newsland – URL: <https://newsland.com/>
82. Politikus.ru – URL: <http://politikus.ru/>
83. Radio.ru – URL: <http://radio.ru/>
84. Realist.online – URL: <https://realist.online/>
85. Regnum – URL: <https://regnum.ru/>
86. RT Russian – URL: <https://russian.rt.com/>
87. RusNext – URL: <https://rusnext.ru/>
88. The New Times – URL: <https://newtimes.ru/>
89. 7x7 – URL: <https://7x7-journal.ru/>

1. Соотношение узуальных и незуальных способов создания новообразований:

Узуальные способы – 409 новообразований	Незуальные способы – 241 новообразование
Суффиксация – 106	Заменительная деривация – 92
Префиксация – 91	Междусловное наложение – 87
Префиксоидация – 89	Графическое словообразование – 48
Сложение – 70	Тмезис – 7
Суффиксоидация – 25	Голофразис – 7
Префиксально-суффиксальный способ – 17	
Сложно-суффиксальный способ – 11	

2. Соотношение ингерентно-оценочных и адгерентно-оценочных средств:

Ингерентная оценочность – 398 новообразований	Адгерентная оценочность – 252 новообразования
Семантика и стилистическая окраска производящей основы (слова) – 233	Широкий контекст (в том числе контексты, где экстралингвистические факторы выступают как вспомогательные) – 151
Семантика и стилистическая окраска форманта – 125	Прецедентность – 79
Семантика словообразовательной модели и типа – 26	Узкий контекст – 22
Сочетание семантики основы и форманта – 14	

3. Соотношение эксплицитно-оценочных и имплицитно-оценочных средств:

Эксплицитная оценочность – 273 новообразования	Имплицитная оценочность – 377 новообразований
Семантика и стилистическая окраска производящей основы (слова) – 165	Контекст – 173
Семантика и стилистическая окраска форманта – 108	Производящее слово – 68

	Прецедентность – 79
	Семантика словообразовательной модели и типа – 26
	Семантика форманта – 17
	Сочетание семантики основы и форманта – 14

4. Соотношение узуальности/неузуальности способа создания и характера оценки:

Ингерентная оценочность	Адгерентная оценочность
Узуальные новообразования – 264	Узуальные новообразования – 145
Неузуальные новообразования – 134	Неузуальные новообразования – 107

Эксплицитная оценочность	Имплицитная оценочность
Узуальные новообразования – 189	Узуальные новообразования – 220
Неузуальные новообразования – 84	Неузуальные новообразования – 157